

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
при ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
УРАЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ

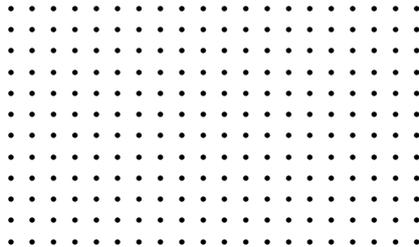

ISSN 2304-3369
eISSN 2308-8842

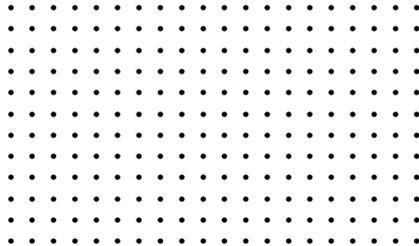
ВОПРОСЫ УПРАВЛЕНИЯ

MANAGEMENT
ISSUES

№ 2 (69) 2021

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Чевтаева Наталия Геннадьевна – Уральский институт управления – филиал РАНХиГС

Бальнская Наталья Ринатовна – Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова

Хайнс Джеффри – Лондонский университет Метрополитен (Великобритания)

Гаррисон Елена – Университет Монтаны (США)

Костина Наталия Борисовна – Уральский институт управления – филиал РАНХиГС (Екатеринбург, Россия)

Любовный Владимир Яковлевич – Всероссийская Академия внешней торговли (Москва, Россия)

Молчанов Игорь Николаевич – Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Грей Патрик – Лондонский университет Метрополитен (Великобритания)

Ростовская Тамара Керимовна – Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН (Москва, Россия)

Силин Яков Петрович – Уральский государственный экономический университет (Екатеринбург, Россия)

Скаво Кармин – Восточно-каролинский университет (США)

Скоробагацкий Вячеслав Васильевич – Уральский институт управления – филиал РАНХиГС (Екатеринбург, Россия)

Багирова Анна Петровна – Уральский федеральный университет имени первого

Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия)

Литвиненко Александр Николаевич – Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации (Санкт-Петербург, Россия)

Ли Минюэ – Чжуннаньский университет экономики и права (КНР)

ТЕХНИЧЕСКИЙ СЕКРЕТАРЬ РЕДАКЦИИ:

Трушков Дмитрий Игоревич – Уральский институт управления – филиал РАНХиГС (Екатеринбург, Россия)

ЗАВЕДУЮЩИЙ ОТДЕЛОМ ПЕРЕВОДА:

Пирожкова Ирина Сергеевна – Уральский институт управления – филиал РАНХиГС (Екатеринбург, Россия)

EDITORIAL BOARD

EDITOR-IN-CHIEF:

Natalia G. Chevtava – Ural Institute of Management – branch of RANEPА (Ekaterinburg, Russia)

Natalya R. Balynskaya – Nosov Magnitogorsk State Technical University (Magnitogorsk, Russia)

Jeffrey Heinz – London Metropolitan University (Great Britain)

Helen Harrison – University of Montana (USA)

Natalia B. Kostina – Ural Institute of Management – branch of RANEPА (Ekaterinburg, Russia)

Vladimir Ya. Lyubovny – Russian Foreign Trade Academy (Moscow, Russia)

Igor N. Molchanov – Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

Patric Grey – London Metropolitan University (Great Britain)

Tamara K. Rostovskaya – Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Yakov P. Silin – Ural State University of Economics (Ekaterinburg, Russia)

Carmine Scavo – East Carolina University (USA)

Vyacheslav V. Skorobogatsky – Ural Institute of Management – branch of RANEPА (Ekaterinburg, Russia)

Anna P. Bagirova – Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia)

Aleksandr N. Litvinenko – Saint Petersburg University of Ministry of Internal Affairs of Russia (Saint Petersburg, Russia)

Li Mingyue – Zhongnan University of Economics and Law (China)

TECHNICAL SECRETARY:

Dmitry I. Trushkov – Ural Institute of Management – branch of RANEPА (Ekaterinburg, Russia)

HEAD OF TRANSLATION DEPARTMENT:

Irina S. Pirozhkova – Ural Institute of Management – branch of RANEPА (Ekaterinburg, Russia)

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание учёной степени доктора и кандидата наук по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки: **08.00.05** – Экономика и управление народным хозяйством (по отраслям и сферам деятельности) (экономические науки); **08.00.10** – Финансы, денежное обращение и кредит (экономические науки); **22.00.08** – Социология управления (социологические науки); **23.00.02** – Политические институты, процессы и технологии (политические науки).

Журнал зарегистрирован как средство массовой информации в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-49260 от 02.04.2012.

Материалы журнала размещаются:

- на офиц. сайте: <http://journal-management.com/>
  - на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) Научной электронной библиотеки eLibrary.ru (ID: 37595)
  - в открытой библиотеке CyberLeninka.ru
  - в ЭБС «Лань»
  - в библиотеке «ЛитРес»
- Подписной индекс – 66020.

НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ БИБЛИОТЕКА
eLIBRARY.RU

ЛитРес: CYBER LENINKA ЛАНЬ®

The journal is included in the list of leading peer-reviewed scientific publications, where the basic scientific results of dissertations for the degree of Ph. D. and Advanced Doctor of sciences should be published. Articles for publication are accepted on the following scientific specialties and their corresponding branches of science: **08.00.05** – Economy and management of the national economy (by industries and spheres of activity) (Economic Sciences); **08.00.10** – Finance, money circulation and credit (Economic Sciences); **22.00.08** – Sociology of management (Sociological Sciences); **23.00.02** – Political institutions, processes and technologies (Political Sciences).

The journal is registered as a mass medium by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications. Certificate of registration PI no. FS 77-49260 dated April 2, 2012.

Журнал индексируется:

INDEX COPERNICUS
INTERNATIONAL

 OCLC BASE TEI
Registry of Open Access Repositories

© Уральский институт управления – филиал РАНХиГС, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

ВЛАСТЬ И ПУБЛИЧНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Сангинов К.Х.

Патриотизм как политическая идеология в структуре современного политического сознания

6

Плотникова М.В.

Воздействующий потенциал дискурса «новых медиа» в молодежной среде (на примере социальной сети TikTok)

16

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

Самусенко С.А.

Влияние качества предпринимательских экосистем регионов России на развитие сектора цифровой экономики

32

Зимнякова Т.С.

Факторы производительности труда ресурсных и «нересурсных» регионов

47

Коаччи Ф., Лепоре Д., Шебалина Е.О.

Сопоставительный анализ итальянских и российских мер поддержки цифровизации малого и среднего предпринимательства

61

Пиньковецкая Ю.С.

Оценка возраста начала предпринимательской деятельности женщинами в современных национальных экономиках

78

Кулькова В.Ю.

Реализация государственной поддержки социального предпринимательства в развитии услуг социальной сферы в РФ в региональных практиках

90

Ситковский А.М.

Моделирование многокритериальной оценки социо-эколого-экономического состояния и динамики территории

102

СОЦИАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Зборовский Г.Е.

Трансфер человеческого капитала в вузе как проблема управления развитием студенчества

121

CONTENTS

POWER AND PUBLIC ADMINISTRATION

Sanginov K.Kh.

Patriotism as a political ideology in the structure of modern political consciousness

Plotnikova M.V.

Impact of new media discourse on young people (the case of TikTok)

ECONOMICS AND MANAGEMENT

Samusenko S.A.

The impact of regional entrepreneurial ecosystems quality on the development of the digital economy sector in Russia

Zimnyakova T.S.

Labor efficiency factors in resource-dependent and non-resource regions

Coacci F., Lepore D., Shebalina E.O.

A comparative analysis between Italian and Russian measures supporting the digital transformation of SMEs

Pinkovetskaia Yu.S.

Analysis of the age at which women start entrepreneurship in modern national economies

Kulkova V.Yu.

Implementation of state support for social entrepreneurship in the development of social services in the regions of the Russian Federation

Sitkovskiy A.M.

Modeling of multi-criteria evaluation of social, ecological and economic conditions and development of a territory

SOCIAL MANAGEMENT

Zborovsky G.E.

Transfer of human capital at university as a problem of student community development

**Петрова Л.Е., Ахьямова И.А.,
Трофимова Е.Е., Егорова А.А.**

Культура современности, современность
в культуре: как реализовать националь-
ную стратегию в условиях глобальных вы-
зовов

134

**Petrova L.E., Akhyamova I.A.,
Trofimova E.E., Egorova A.A.**

Culture of modernity, modernity in a culture:
how to implement the national strategy un-
der the conditions of global challenges

МЕНЕДЖМЕНТ ОРГАНИЗАЦИИ

Челомбитко А.Н.

Система управления внедрением береж-
ливых технологий в российских вузах

147

Chelombitko A.N.

Management system for implementation of
lean technologies in Russian universities

CORPORATE MANAGEMENT

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ И

ГОСУДАРСТВЕННАЯ СЛУЖБА

Усов В.В., Усова О.В.

Аномия в современном российском об-
ществе: формы проявления в предприни-
мательстве

163

PUBLIC MANAGEMENT AND PUBLIC ADMINISTRATION

Usov V.V., Usova O.V.

Anomie in modern Russian society: forms of
manifestation in entrepreneurship

ВЛАСТЬ И ПУБЛИЧНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

POWER AND PUBLIC ADMINISTRATION

ПАТРИОТИЗМ КАК ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ В СТРУКТУРЕ СОВРЕМЕННОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ

К.Х. Сангинов^а

^аХуджандский государственный университет им. академика Бободжона Гафурова

АННОТАЦИЯ:

Актуальность исследования заключается в том, что независимо от запрета использования политической идеологии (на конституционном уровне) в странах СНГ на деле правящими элитами сегодня используются методы трансформации политического сознания общества с помощью идеологизации социально-политических норм и традиций – пусть неофициально, но в качестве государственной идеологии.

Цель статьи заключается в определении общего развития патриотизма как государственной идеологии в странах СНГ и в определении методов формулирования правящими элитами содержания патриотизма, а также путей развития патриотизма как идеологии в структуре политического сознания.

Методы/методология: в процессе исследования использовались такие методы, как сравнения, аналогии, и исторический подход.

Научная новизна заключается в раскрытии сущности формирования патриотизма в странах постсоветского пространства и направления их развития как негативного и положительного патриотизма, а также их значимости в формировании соответствующего политического сознания.

Результаты: несмотря на запрет государственной идеологии в постсоветском пространстве в силу отсутствия иного метода государственного управления, сегодня для обеспечения стабильности с помощью трансформации политического сознания используется испробованный метод отождествления патриотизма с государственной идеологии. Раскрывается формирование норм и ценностей патриотизма, заимствованных из обычаев и традиций государственного строительства исторического прошлого. Патриотизм используется правящей элитой как государственная идеология в качестве метода политического воспитания и формирования соответствующего политического сознания с целью воспитания лояльных себе социальных групп, особенно молодого поколения.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политическое сознание, политическая идеология, патриотизм, национальная идентичность, политическая элита и государственность.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Сангинов К.Х. (2021). Патриотизм как политическая идеология в структуре современного политического сознания // Вопросы управления. № 2. С. 6–15.

Введение

Сегодня официально поддерживается и развивается во многих странах мира идеологический плюрализм на уровне системы государственного управления, особенно в странах постсоветского пространства и бывшего социалистического лагеря. В странах постсоветского пространства ни одна политическая идеология конституционно не может быть признана государственной. Несмотря на конституционный запрет использования идеологии официально на уровне государства, можно наблюдать, что во многих этих странах, так или

иначе, идеология с ее совокупностью положительных характеристик используется правящими элитами. Это говорит только о значимости политической идеологии как инструмента управления обществом в руках элит. По всем традиционным каналам и средствам пропаганды в странах СНГ определенные идеи и ценности, особенно национальные, внедряются в массовое сознание социальных групп общества как некая идеология. С коренными изменениями и в том числе с осмыслением политики управления, не только в отдельных странах после развала социалистической системы,

но и в международной политике и отношениях, идеология в конце XX в. стала приобретать качественно другой облик. При этом сохраняя за собой главную совокупную функцию управления обществом: мобилизация, манипуляция сознанием и политическое воспитание.

Целью и задачей статьи является определение общей тенденции развития патриотизма в качестве государственной идеологии в странах постсоветского пространства, а также пути развития патриотизма как идеологии в структуре политического сознания.

Методологическую базу статьи составляют такие эмпирико-теоретические методы, как метод сравнения, исторический подход и метод аналогии. Первым методом производится сравнение политических систем, а также характера политического процесса стран СНГ как производителя идеи, стратегии и идеологии в целом. Пространство СНГ сегодня является единым, прежде всего, по историческим причинам, начиная с социально-экономической, культурной, политической и военно-исторической общности и заканчивая тем, что с помощью межправительственных организаций вышеперечисленные связи сохраняются (пусть даже аморфно и неуверенно). Мы можем говорить о том, что постсоветское пространство – это специфический, особенный по своей историко-геополитической значимости, единый, универсально сформировавшийся регион, подобный Европе. Сравнения политических и общественных институтов постсоветского пространства производятся для выявления и обобщения тенденции развития идеи патриотизма. Методом сравнения попытаемся выявить содержание патриотизма как новой идеологии, состоящего из норм и ценностей национальной идеи. Для более объективной оценки и исследования поставленной цели используется исторический подход для сравнения исторических событий с целью поиска взаимосвязи тенденции развития патриотизма как идеологии с историческими событиями советского прошлого и периода независимости постсоветских республик. Анализируя исторические периоды развития общественно-политических явлений, попытаемся выявить процесс становления и развития национальных идеи и патриотизма как но-

вой политической идеологии. Методом аналогии сопоставляются результаты политических процессов, формирование политических институтов, раскрывается однообразность развития и значимости государственной идеологии в управлении обществом.

Классические определения понятий «идеология», «национальная идентичность» и «патриотизм»

По теории классиков марксизма, господствующими идеями любого исторического периода были только идеи господствующего класса. Этой теорией раскрыта сущность содержания общественного сознания (экономические и политические интересы классов), в том числе и политического сознания как его формы, всецело связанная с противоположностью классов. Идеология и сознание (в том числе и их формы), всегда являются партийными, принадлежат определенным классам, группам и т. д. [1; 2].

Проблема идеологии исследовалась Карлом Мангеймом с точки зрения метода социологии знания. Суть его метода заключается в том, что «стиль мышления» субъекта исследования и в том числе носителя любой идеологии всегда субъективен и зависит от социального мышления субъекта познания. По К. Мангейму, понятие идеологии понимается в двух значениях: частичная идеология и тотальная идеология. В первом случае идеология воспринимается как ложное сознание, полусознанное инстинктивное сокрытие истины, а также обман и самообман. Во втором случае имеется в виду идеология социальной группы общества или определенной эпохи.

Понятие частичной и тотальной идеологии К. Мангейма можно сравнить с общепринятой классификацией структуры политического сознания, а именно: политической психологии (частичной идеологии), связанной с психологией интереса, что служит причиной лжи и обмана в обществе и определяется как часть высказывания «противника» (противоположной группы или индивида по отношению субъекта познания); политической идеологии (тотальной идеологии) понятия, связанной с комплексом содержания политического сознания «противника», его мировоззрением на теоретическом уровне.

Следует помнить, что определение идеологии по К. Мангейму – это, прежде всего, отношение субъекта познания, обусловленное его социальным положением, его предопределяющий стиль мышления. Уникальность и практическая ценность исследования К. Мангейма заключается в том, что сегодня мы можем утверждать значимость влияния социально-политической среды не только на формирование политического сознания общества в целом, но и через эту среду на стиль мышления субъекта познания [3].

Падению авторитета политической идеологии предшествовали не только проигрыш социалистической системы в холодной войне, но и резкий рост демократизации, или как еще её называют «демократический транзит» Запада к Востоку, а также повышение роли и значимости либеральных ценностей в странах, освободившихся от государственной коммунистической идеологии.

Эти факторы и послужили причиной проигрыша коммунистической идеологии в социалистических странах в холодной войне. Тогда коммунистическая государственная идеология с ее «жесткостью», то есть догмой и неповоротливостью, не смогла маневрировать и найти выход из положений в борьбе за мировое господство. В свою очередь, в основном либеральная политическая идеология Запада с такой характерной особенностью, как «гибкость», могла быстро и оперативно меняться содержательно в своих ценностях, приспособляясь к меняющимся реалиям, общественно-экономическим и политическим ситуациям.

В итоге, по прошествии нескольких десятилетий, как показывает практика, а также выводы научных исследований в странах постсоветского пространства, от принципов демократии осталось только одно название. Вместо демократии постепенно сформировались некие доработанные и приспособленные модели демократии, такие как: «управляемая» демократия, «суверенная», «зрительская» и «традиционно-коллективистская» с централизованной властью [4].

Известно, что исторически все политические идеологии реализовывались с помощью средств агитации и пропаганды, становясь ча-

стью общественно-политического пространства, влияющей на людей (особенно молодое поколение) в процессе их социализации. Идеология как главный инструмент мобилизации всегда используется государством. «Государственная идеология пронизывает все сферы: экономику, политику, образование, культуру и т.д. По сути это программа государственного строительства, для реализации которой необходима законодательная база, организации и институты. Показателем успешной реализации идеологии в жизнь становится удовлетворение потребностей и интересов большей части граждан» [5, с. 153].

Существуют и исследовательские выводы, что идеология используется или становится полезной правящей элите только во время кризисных ситуаций, когда возникает потребность объединения власти и общества. В повседневных режимах государственного управления она почти не используется и является бесполезной [6].

На постсоветском пространстве существует научно-исследовательская проблема изучения роли государства в формировании национальной идентичности. Например, Н. В. Гришин отмечает недостаточную степень изученности данного вопроса, но при этом процесс формирования идентичности, равно как и политика государства, в ее стратегических программах существует. Н. В. Гришин, исследуя проблему национальной идентичности, затрагивает суть этой проблемы, влияющей на формирование множества внешних и внутренних факторов. Например, он утверждает, что «средства коммуникации полностью меняют привычные для человечества социальные и политические пространства, они не только разрушают старые типы связей, но и посредством создания новых связей могут быть основой для возникновения новых видов социальной общности и новых видов идентичности» [7, с. 69].

Следует учитывать, что в век информационных технологий новые политические институты и отношения, а также новые средства взаимоотношения и воспитания между людьми не одинаково распространены в странах мира. Особенно заметна отсталость внедрений и

распространения новых технологий во многих странах СНГ.

Национальная идентичность в странах СНГ определяется через призму национальных идей. «Национализм – это разновидность патриотизма, имеющая несколько очень важных отличительных особенностей. Прежде всего сообщества, которым такой вид патриотизма, а именно национализма, дарит свою преданность, должны быть культурно однородны и зиждиться на культуре, стремящейся быть „высокой“ (то есть письменной) культурой» [8].

В XXI веке, как и в XX, идеология для правящих элит постсоветского пространства остается одним из главных методов управления обществом, обеспечивая его политическую стабильность. Если весь XX век связан с господством политической идеологии коммунизма, и не только в постсоветском пространстве, но и в мире совместно с другими идеологиями, такими как либерализм, консерватизм, фашизм, а также идеей демократии в конце XX века, то сегодня происходит возвышение до уровня идеологии в странах бывшего СССР такого понятия, как патриотизм. Патриотизм в постсоветском пространстве рассматривается как стратегический и политический план партийной номенклатуры, призванный сблизить и объединить понятия «отечество» и «партия» [9]. При этом идея патриотизма распространялась методами политического воспитания, где немаловажную роль играли общественные науки.

В философском словаре указано, что «патриотизм – это нравственный и политический принцип, социальное чувство, содержанием которого является любовь к отечеству, преданность ему, гордость за его прошлое и настоящее, стремление защищать интересы родины» [10, с. 277]. «Патриотизм – это социальное чувство нравственного и в то же время политического характера, смысл которого кроется в любви к отечеству и способности совершить ради него альтруистический поступок даже в ущерб своим личным интересам» [11, с. 39].

Патриотизм как особое чувство и отношение каждого гражданина воспринимается и комментируется некоторыми исследователями по-разному, и в итоге предлагаются

своеобразные его классификации. Особое место занимает классификация патриотизма по принципу политической идеологии. Можно сказать, что либеральная модель патриотизма по данному принципу, например, признается псевдопатриотизмом [12].

Существует мнение, что в современном обществе необходима идеология патриотизма как общенациональной идеи, формирующейся добровольно в условиях политического и идеологического плюрализма [13].

Развитие идеологии патриотизма как части национальной идентичности в постсоветском пространстве

Патриотизм как форма идеологии возникает в определенный период духовного кризиса общества, когда имеется потребность в новых ценностях и нормах для достижения определенной цели, имеющей значимость в развитии общества.

Проводя исторический экскурс, можно отметить, что те или иные идеологии, например марксизм, возникли в свое время как результат общего развития и изменения (духовного, политического, экономического, социального и др.) стран Европы, требующего новых механизмов функционирования общественной и политической системы. Как бы это ни было неуместным и несопоставимым с идеологией марксизма, идеология нацизма (фашизма) в Германии – это результат экономического, политического и социального кризиса и неопределенности, требующий новых ценностей, норм и стратегии действий.

После распада и краха коммунистической идеологии во многих советских республиках сформировалась элита из прежней партийной номенклатуры. Данное явление больше всего было связано с отсутствием системной профессиональной оппозиции в независимых республиках, а также и преемственности советского поколения в новых общественно-политических условиях.

Безусловно, наличие отрицательной или положительной характеристики патриотизма может говорить о значимости идеологии как современного содержания политического сознания. Патриотизм развивается в постсоветских республиках как некая идеология, вбирая в себя оттенки национального самосознания.

(В этом случае следует вспомнить определение Э. Геллнера о национализме как разновидности патриотизма.) Данная тенденция связана, прежде всего, с тем, что после отказа от коммунистической идеологии резко возникла потребность в новой идеологии, прежде всего, к ее главным функциям – мобилизации и воспитанию. Именно после отказа от господствующей коммунистической идеологии создавшийся идеологический вакуум заставил правящую элиту задуматься о том, что в условиях трансформации общественно-политической системы нельзя полностью отказаться от государственной идеологии. Но с другой стороны, этого требовали сторонники демократии и либеральных преобразований.

Другой причиной данного явления можно назвать то, что многие советские республики сформировались в современных своих границах во время советской власти. В 90-х гг. XX века с приобретением независимости нельзя было одновременно пропагандировать ценности национального самосознания, развивая патриотизм, не отказавшись от советского прошлого, или советского патриотизма, который во многом противоречил национальным ценностям. Учитывая то, что в начале 90-х гг. доминировал принцип отказа от государственной идеологии, патриотизм и идея национального самосознания развивались медленно из-за того, что патриотизм не был возвышен до уровня государственной политической идеологии с целью формирования соответствующего политического сознания. Постепенно с укреплением нового государственного строя и их элит как легитимного в постсоветских независимых республиках, патриотизм стал приобретать черты, пусть не официально, но государственной идеологии. Политическими элитами независимых республик начались поиски идей и ценностей из прошлого, идентифицирующих их как легитимную национальную политическую элиту в большинстве случаев титульной нации и народа. Таким образом, во многих республиках ценностное содержание патриотизма формировалось, исходя из существования национальной государственности этих стран с их историческими традициями и обычаями в прошлом.

Во многих постсоветских странах политическая элита в качестве национальной идеи, воплощенной в патриотизме, стали использовать определенный период своей истории с ее традициями, обычаями, государственностью, героями и достижениями в качестве создания своего рода универсального содержания патриотизма. Так, например, в Таджикистане этот исторический период соответствует эпохе Арийской цивилизации и эпохе государства Саманидов. В Российской Федерации – период эпохи Великой отечественной войны. В Узбекистане – это период государства Темуридов.

Увы, для некоторых государств постсоветского пространства национальное самосознание и патриотизм как содержание политического сознания приобретает извращенный и негативный облик, как, например, сейчас на Украине: правящая политическая элита развивает культ неонацизма, героизируя тех, кто во время Великой отечественной войны служил фашистам и их идеям. Почти по такому направлению идут и республики Прибалтики.

Если исходить из точки зрения, что идеология – это «ложное сознание», главной целью которого является манипуляция сознанием общества, то правящими элитами в странах Прибалтики и на Украине патриотизм используется именно так. При этом для обеспечения трансляции и установления норм и ценностей патриотизма с помощью всевозможных запретов уничтожаются информация о советском прошлом и все материальные объекты, напоминающие о прошлом.

Во многих странах бывшего социалистического лагеря, начиная от Восточно-Европейских и заканчивая до некоторых республик СССР, принимались в течение десятилетий законы, запрещающие использовать символику коммунистической идеологии и коммунистического прошлого. Данное явление объясняется Е. Ю. Мелешкиной несколькими условиями, а именно: 1) стремление национальных государств, находящихся в прошлом в составе Российской империи или СССР, к демонстрации национального суверенитета; 2) наличие собственного опыта государственности в XX в.; 3) политическая борьба между коммунистической элитой, сохранившей силу в обществе, и оппозицией; 4) отсутствие внутриэлит-

ной конкуренции групп с доминированием одной элиты; 5) переходность общественно-политических институтов после распада коммунистической системы; 6) вступление в состав Европейского союза [15].

Если попытаться интерпретировать тенденции использования патриотизма в качестве идеологии, то можно заметить, что данное явление имеет место существования во всем пространстве СНГ, но с разными целями и направлениями. В целом, национализация государственных и общественных символов и ценностей в первые годы после распада Советского Союза для независимых республик стала точкой старта для отчуждения от советского прошлого и коммунистической идеологии. А для некоторых республик СНГ и стран Восточной Европы национальная идентификация стала ещё и открытой конфронтацией между бывшими союзными республиками, например между странами Прибалтики, Украины и Польши с одной стороны и Российской Федерации с другой.

В результате многочисленных исследований политического сознания заключается то, что оно состоит из трех характерных черт: традиционализм, мифология «золотого века», идея прогресса [16].

Если попытаться, то можно объяснить патриотизм как основное содержание политического сознания в странах СНГ, используя его характерные черты в качестве метода интерпретации. Например, в сложившейся ситуации для Российской Федерации это можно объяснить тем, что Россия объявила себя правопреемником Советского Союза, а также сохранила и обеспечила преемственность в массовом политическом сознании молодого поколения (или по крайней мере старается это делать) идеи «золотого века» старшего поколения. В массовом политическом сознании старшего поколения остаются лучшие времена прошлого (в основном, советский период), и это сознание всячески поддерживается государством, а также передается подрастающему поколению. В некоторых республиках СНГ (Таджикистане, Узбекистане, Казахстане, Армении и в др.) национальная идентификация происходит безболезненно в плане межнационального отношения между бывшими респуб-

ликами СССР (но элементы декоммунизации и десоветизации все-таки последние годы наблюдаются). Вышеназванные страны больше всего используют в национальном патриотизме такую черту политического сознания, как традиционализм. Это можно объяснить тем, что у этих стран существует широкое историческое пространство для маневра с поиском определения символов и ценностей с целью использования их в качестве содержания национального патриотизма и дальнейшей ее идеологизации. Если исходить из данного исторического подхода, можно попытаться дать объяснение ситуации, сложившейся на Украине и в странах Прибалтики тем, что исторически эти страны возникли и сформировались как государства лишь только после Октябрьской революции 1917 года, поэтому они на фоне полного отказа от советского прошлого не смогут использовать этот исторический период. Среди таких стран исключением является Республика Беларусь, где современное политическое сознание воспитывается, как и в РФ – без отчуждения советского прошлого.

Что можно теперь сказать о периоде советской власти после Октябрьской революции, когда отказались полностью от прошлого? К периоду советской истории власть и особенно новая большевистская элита сформировалась на основе такой черты политического сознания, как «идея прогресса», как это было во время эпохи Просвещения и Великой французской революции.

Можно заметить, что на постсоветском пространстве патриотизм как идеология у определенных социальных групп формирует различное политическое сознание. Анализируя биполярность развития патриотизма в странах СНГ как составной части содержания политического сознания, его можно условно классифицировать на такие части, как негативный и положительный патриотизм.

Жесткая национализация в идеях патриотизма политическими элитами некоторых республик СНГ, их негативное отношение к Российской Федерации являются следствием геополитической борьбы между главными игроками в мировой политике, особенно между Россией, США, Китаем и некоторыми развитыми странами Европы.

Идеологизация патриотизма в странах СНГ в годы независимости выгодна, прежде всего, правящей элите. После прихода к власти ей необходима поддержка или по крайней мере лояльность больших социальных групп общества, то есть соответствие их политического сознания целям и стратегиям правящей элиты для обеспечения стабильности и её долгосрочного пребывания у власти.

Политическими правящими элитами делается акцент именно на патриотизме, потому что после краха коммунистической идеологии многие республики для выстраивания отношений с мировым сообществом, особенно с западными странами, настраивали свою политическую, правовую, социальную и общественную систему под стандарты западно-европейских стран и США, отказавшись, таким образом, от какой-либо политической идеологии в качестве государственной на уровне норм конституции.

Однако сегодня мы можем наблюдать то, что патриотизм становится своеобразным средством, объединяющим все ценности общества, особенно в постсоветском пространстве, и поднимающим роль и значимость идеологии, превращая её из мобилизационной силы в ценность [17].

Патриотизм, в целом, часто связывают с консерватизмом, и отмечают то, что патриотизм при определенных воздействующих факторах и обстоятельствах у каждого гражданина может превратиться в чувство национализма. При этом основным обстоятельством или фактором, делающим человека патриотом, выступает среда обитания. Так, когда человек чувствует себя комфортно в обществе и осознает, что он нужен и востребован государством и обществом, он становится патриотом. В противном случае человек становится националистом: он стремится показать существование и доказать свою полезность обществу, отрицая всё за пределами общества, национальных норм, идеи ценностей традиции и т. д. [18].

Основой и сущностью любого вида политического сознания выступают потребности, интересы и ценности людей. Эти элементы содержания политического сознания индивид получает от окружающей его среды, а также в процессе приобщения с помощью определен-

ных методов воспитания. Следует отметить, что процесс воспитания – это не только целенаправленное, осознанное воздействие на сознание человека воспитателем, но и то, что вся окружающая среда – политическая, правовая, социальная, экономическая, информационная и др. – пространства также выступают фактором, воздействующим на воспитание человека. В свою очередь, потребность индивида тесно может быть связана с уровнем социально-экономического и политического развития общества. Патриотизм как часть или элемент содержания политического сознания в странах постсоветского пространства транслируется правящими элитами также для того, чтобы сделать его частью носителей массового политического сознания. В процессе пропаганды и агитации, а также политического воспитания акцент делается на молодое поколение общества, так как они более подвержены восприятию новой информации, если транслятор этой информации обещает дать им то, что они хотят. С помощью политических технологии, превращая патриотизм в идеологию в процессе трансляции, целенаправленно создается соответствующая среда для формирования нужного политического сознания. Например, последние годы в Таджикистане правящей элитой большое внимание уделяется политическому воспитанию молодежи (она составляет свыше 70 % населения страны).

«Задача современных политических институтов, механизмов управления – использовать весь спектр имеющихся ресурсов для реализации своей цели. Молодежь в силу своей социокультурной специфики, синтезируя собственные культурные различия и результаты взаимодействия с культурами других социальных и демографических групп, раньше других общественных групп обращает внимание на инновации» [19, с. 153].

Конечно, не следует идеализировать патриотизм как метод и средство управления для правящей элиты, а также стратегию и программу жизнедеятельности для общества в целом. История знает множество случаев, когда чрезмерное возвеличивание идей приводило к негативным последствиям. Поэтому с целью предотвращения догмы и застоя в патриотизме всегда должны доминировать рациональ-

ные нормы и ценности, отражающие потребность его носителей.

«Патриот-рационалист в современную эпоху – это гражданин, самостоятельно осуществляющий в своём настоящем поведении синтез великого прошлого страны (Традицию) и её будущего (Новацию и Инновацию) на благо Человека и Гражданина Отечества. В отличие от подданнического патриотизма, современный гражданский патриотизм – это осмысленный синтез эмоционального и рационального в отношении к Родине во всех её проявлениях» [20, с. 134–135].

Заключение

Идеология, стратегия и систематизированная задача и цель государства (правлящей элиты) заключается во внедрении норм ценностей и символов с помощью механизмов манипуляции сознанием общества и индивида, а также через создание соответствующей среды для политического воспитания подрастающего поколения с целью рекрутирования себе лояльных сторонников для оправдания и подтверждения, принимаемых решений и властвования в обществе.

На постсоветском пространстве под руководством правящих элит происходит развитие идеи патриотизма (положительной и отрицательной с точки зрения потребности и интереса противоборствующих субъектов политики и познания) как универсальной идеологии.

При этом содержанием патриотизма часто выступают национальные ценности, внедряемые в общество с помощью методов и средств манипуляции сознанием, таких как язык, эмо-

ции, формирование определенной культуры, СМИ (в особенности телевидение) и др. [21].

В странах СНГ патриотизм, в силу сохранения политической идеологии как метода государственного управления, превращается в политическую идеологию. Методы распространения идеи патриотизма в большинстве случаев осуществляется пропагандой и агитацией норм и ценностей из опыта исторического прошлого под лозунгами национальной идентичности с целью сформировать в будущем соответствующее политическое сознание общества. На фоне конституционного запрета идеологии как государственной в руках правящей элиты происходит создание универсальной идеологии в виде патриотизма как метода управления обществом, способного удовлетворить потребности всех слоев населения через «ложное сознание». В постсоветском пространстве с существующими тенденциями развития роли и значимости идеологии патриотизма как надежного метода государственного управления и при сохранении данной политической ситуации в будущем основным элементом содержания политического сознания подрастающего поколения могут стать идеи и ценности, пропагандируемые сегодня правящими элитами патриотизма. Патриотизм как идеология имеет тенденцию развития как положительного патриотизма, так и негативного. При негативном обстоятельстве развития существует риск превращения в массовое политическое сознание негативного патриотизма в некоторых странах СНГ, если не будет воздействовать иной фактор на формирование политического сознания, что требует дальнейшего исследования.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Маркс К., Энгельс Ф. (1982). Манифест коммунистической партии. М. : Политиздат. 63 с.
2. Маркс К., Энгельс Ф. (1988). Немецкая идеология. Т. XVI. М. : Политиздат. 574 с.
3. Мангейм К. Идеология и утопия. URL: <http://ru.bookmate.com/books/FrNvr8oo> (дата обращения: 30.10.2020).
4. Яковлев М.В. (2015). Актуальные теоретические модели демократии в СНГ // Каспийский регион: политика, экономика, культура. № 3 (44). С. 141–148.
5. Дзахова А.Х., Бязрова Д.Б. (2017). Идеоло-

гия как необходимый фактор жизни современного общества // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. № 1. С. 150–153.

6. Соловьев А.И. (2018). Дискурсы и практики: может ли идеология помочь в управлении государством? // «Полития». № 1 (88). С. 7–29.

7. Гришин Н.В. (2019). Государство как субъект политики формирования идентичности // Каспийский регион: политика, экономика, культура. № 3 (60). С. 66–72.

8. Геллнер Э. (1991). Нация и национализм :

пер. с англ. / Ред. и послесл. И. И. Крупника. М. : Прогресс. 320 с.

9. Щербинин А.И. (2016). Патриотизм как номенклатурный конструкт // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. № 3 (35). С. 264–271.

10. Философский словарь / Под ред. И. Т. Фролова. 4-е изд. М. : Политиздат, 1980. 444 с.

11. Морозов И.Л. (2018). Патриотизм и межкультурный диалог как парадигма будущего для России и всего мира // PolitBook. № 1. С. 34–47.

12. Трифонов Ю.Н. (2017). Смыслы и парадоксы патриотического дискурса в современной России : политико-философский ракурс // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «Социология. Политология». Т. 17. Вып. 1. С. 86–91.

13. Трифонов Ю.Н. (2016). О патриотической идеологии в условиях идеологического многообразия // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. № 3 (35). С. 245–254.

14. Скoviков А.К. (2017). Взаимодействие гражданского общества с органами государ-

ственной власти в формировании патриотизма // PolitBook. № 3. С. 34–44.

15. Мелешкина Е.Ю. (2019). Запрещение коммунистической символики в посткоммунистических странах // Вестник финансового университета. № 4. С. 36–45.

16. Политология / Под ред. В. Н. Лавриненко. М. : 2015. 522 с.

17. Макаревич Э.Ф. (2016). Идеология как единство ценностей // PolitBook. № 3. С. 134–150.

18. Шестов Н.И. (2017). Мифологическое и фактическое в технологии патриотического воспитания // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «Социология. Политология». Т. 17. Вып. 2. С. 185–190.

19. Резаков М.Р. (2017). К вопросу о политических механизмах формирования патриотизма // Каспийский регион: политика, экономика, культура. № 3 (52). С. 151–156.

20. Буренко В.И. (2017). Политическая социализация в трансформирующихся обществах (к вопросу о патриотизме) // PolitBook. № 4. С. 126–137.

21. Кара-Мурза С.Г. (2005). Манипуляция сознанием. М. : Изд-во «Эксмо». 832 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Сангинов Комилджон Хайдарович – Худжандский государственный университет им. академика Бободжона Гафурова (735700, Таджикистан, Худжанд, проезд Мавлонбеков, 1); sk_8888@mail.ru.

PATRIOTISM AS A POLITICAL IDEOLOGY IN THE STRUCTURE OF MODERN POLITICAL CONSCIOUSNESS

К.Кх. Sanginov^a

^aKhujand State University named after academician Bobojon Gafurov

ABSTRACT:

The relevance of research lies in the fact that regardless of the ban on the use of political ideology, as it is stated in the constitution, in the CIS countries the ruling elites today use several methods for transformation of political consciousness of the people by ideologizing sociopolitical norms and traditions, albeit informally but as state ideology.

The purpose of the article is to determine the general development of patriotism as state ideology in the CIS countries and to identify the methods used to describe the content of patriotism by the ruling elites, as well as to develop patriotism as an ideology in the structure of political consciousness.

The following methods were used in this research: methods of comparison and analogy and historical approach.

The scientific novelty consists in revealing the essence of patriotism in the Post-Soviet countries and the trends in its development, such as negative and positive patriotism. The research pays attention to the importance of patriotism in shaping the corresponding political consciousness.

Results. The state ideology is prohibited in the post-Soviet countries. However, due to the absence of another method of government control, today assimilation of patriotism and the state ideology is frequently used to ensure stability through the transformation of political consciousness. The article reveals the formation of the norms and values of patriotism on the basis of the customs and traditions of the state and its history. Patriotism is used by the ruling elite as a state ideology, as a method of political education and formation of the necessary political consciousness in order to create loyal social groups, especially among the younger generation.

KEYWORDS: political consciousness, political ideology, patriotism, national identity, political elite and nationhood.

FOR CITATION: Sanginov K.Kh. (2021). Patriotism as a political ideology in the structure of modern political consciousness, *Management Issues*, no. 2, pp. 6–15.

REFERENCES

1. Marx K., Engels F. (1982). Manifesto of the Communist Party. Moscow, Politizdat, 63 p.
2. Marx K., Engels F. (1988). German ideology. Vol. XVI. Moscow, Politizdat, 574 p.
3. Mannheim K. Ideology and utopia. URL: <https://ru.bookmate.com/books/frnvr8oo> (accessed 30.10.2020).
4. Yakovlev M.V. (2015). Actual theoretical models of democracy in the CIS, *Caspian region: politics, economics, culture*, no. 3 (44), pp. 141–148.
5. Dzakhova L.H., Byazrova D.B. (2017). Ideology as a necessary factor in the life of modern society, *State and municipal management. Scientific Notes of SKAGS*, no. 1, pp. 150–153.
6. Solovyov A.I. (2018). Discourse and Praxis: Can ideology help in managing the state? “*Politia*”, no. 1 (88), pp. 7–29.
7. Grishin N.V. (2019). State as a subject of identity formation policy, *Caspian region: politics, economics, culture*, no. 3 (60), pp. 66–72.
8. Gellner E. (1991). Nation and nationalism. Moscow, Progress, 320 p.
9. Shcherbinin A.I. (2016). Patriotism as a nomenclature construct, *Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political science*, no. 3 (35), pp. 264–271.
10. Frolova I.T. (ed.) (1980). Philosophical dictionary. Politizdat, 444 p.
11. Morozov I.L. (2018). Patriotism and intercultural dialogue as a paradigm of the future for Russia and the whole world, *Politbook*, no. 1, pp. 34–47.
12. Trifonov Yu.N. (2017). The meanings and paradoxes of patriotic discourse in modern Russia: political and philosophical perspective, *Izvestia of the Saratov University. New series. Series “Sociology. Political science”*, vol. 17, vol. 1, pp. 86–91.
13. Trifonov Yu.N. (2016). On patriotic ideology in ideological variety, *Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political science*, no. 3 (35), pp. 245–254.
14. Skovikov A.K. (2017). The interaction of civil society with state authorities in the formation of patriotism, *PolitBook*, no. 3, pp. 34–44.
15. Meleshkina E.Yu. (2019). Prohibition of communist symbolism in post-communist countries, *Bulletin of the Financial University*, no. 4, pp. 36–45.
16. Lavrinenko V.N. (ed.) (2015). Political science. 522 p.
17. Makarevich E.F. (2016). Ideology as unity of values, *PolitBook*, no. 3, pp. 134–150.
18. Shestov N.I. (2017). Mythological and actual in the technology of patriotic education, *News of the Saratov University. New series. Series “Sociology. Political science”*, vol. 17, no. 2, pp. 185–190.
19. Rezakov M.R. (2017). On the question of political mechanisms for the formation of patriotism, *Caspian region: politics, economics, culture*, no. 3 (52), pp. 151–156.
20. Burenko V.I. (2017). Political socialization in transforming societies (to the question of patriotism), *PolitBook*, no. 4, pp. 126–137.
21. Kara-Murza S.G. (2005). Manipulation consciousness. Moscow, Publishing House “Eksmo”, 832 p.

AUTHORS' INFORMATION:

Komildzhon Kh. Sanginov – Khujand State University named after academician Bobojon Gafurov (1, Mavlonbekov Passage, Khujand, 735700, Tadjikistan); sk_8888@mail.ru.

ВОЗДЕЙСТВУЮЩИЙ ПОТЕНЦИАЛ ДИСКУРСА «НОВЫХ МЕДИА» В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ (НА ПРИМЕРЕ СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ TikTok)

М.В. Плотникова^{1а}

^аУральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина

АННОТАЦИЯ:

Статья посвящена фундаментальной проблеме суггестивного воздействия дискурса социальных сетей в молодежной среде. Активная цифровизация современного медиaprостранства, а также появление принципиально новых, гибридных форм медиадискурса привели к серьезной трансформации в сфере политической коммуникации. При этом политический контент в некоторых российских и международных социальных сетях все чаще становится эффективным инструментом пропаганды определенных идеологических установок. Речевое манипулирование как проявление диссонанса экологичности медиадискурса и эффективное орудие информационных войн лежит в основе феномена постправды, обладая несомненным деструктивным потенциалом с точки зрения общественной безопасности.

Эмпирическую базу исследования потенциала влияния дискурса «новых медиа» составляют видеоматериалы платформы *TikTok* с привлечением связанного контента платформы *YouTube* для проведения невключенного наблюдения за комментариями пользователей. При проведении анализа задействован метод социолингвистической интерпретации, которая позволяет выявить корреляцию между лингвистическими и экстралингвистическими данными, функциональную нагрузку изучаемых явлений, а также потенциал их влияния на определенную социальную группу с учетом полученных данных. Интерпретация материала исследования осуществляется с позиций когнитивно-семиотического подхода: видеоролики, посвященные определенной политической тематике, рассматриваются как креолизованные поликодовые тексты.

В результате проведенного анализа выявлены основные факторы, обусловившие активное использование платформы в целях политической пропаганды. Рассмотрены некоторые технические аспекты функционирования данной социальной сети, оказывающие значительное влияние на характер применения тех или иных манипулятивных тактик при создании политически ориентированного контента. Проанализированы прецедентные социально-политические ситуации (кейсы), вызвавшие значительный отклик у молодежной аудитории пользователей сети *TikTok* в России и за рубежом.

Анализ, выполненный с позиций эколнгувистического подхода, продемонстрировал, что наибольшим манипулятивным потенциалом обладают креолизованные тексты с доминирующим акустическим кодом, созданные с использованием музыкальных композиций, интерпретирующих протестную тематику. Принимая во внимание принцип функционирования платформы *TikTok*, выдвинуто предположение, что страница рекомендаций во многом способствует эффективности пропаганды в молодежной среде: сеть формирует определенные поведенческие паттерны молодежи по принципу симуляции.

Дальнейшее изучение деструктивных коммуникативных явлений, способствующих маргинализации культурной идентичности нации и нарушению гармоничного сосуществования социальных групп и институтов, может способствовать принятию эффективных мер в области социального управления, в том числе в правовом поле.

БЛАГОДАРНОСТИ: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-32261.

¹AuthorID РИНЦ: 787441, ORCID: 0000-0002-9391-9539, ResearcherID: N-4009-2016

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: медиадискурс, социальные сети, TikTok, политическая коммуникация, креолизованный текст, лингвоэкология, речевое манипулирование, политическая пропаганда, социальная безопасность.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Плотникова М.В. (2021). Воздействующий потенциал дискурса «новых медиа» в молодежной среде (на примере социальной сети TikTok) // Вопросы управления. № 2. С. 16–30.

Пандемия коронавирусной инфекции повлекла за собой кардинальные и стремительные изменения форм социального взаимодействия всего мирового сообщества: строгие ограничительные меры привели к переходу социальной жизни в онлайн-формат. Безусловно, тенденции цифровизации общественной жизни, особенно в молодежной среде, существовали достаточно давно, о чем свидетельствует активное развитие социальных сетей в последнее десятилетие. Однако именно экстремальная эпидемиологическая обстановка выступила триггером доминирования информационно-коммуникационных технологий над «аналоговым» миром. Активная цифровизация современного медиaprостранства, а также появление принципиально новых, гибридных форм медиадискурса привели к серьезной трансформации и в сфере политической коммуникации. Медиадискурс как медиатор диалога различных социальных институтов играет все более важную роль в социально-политическом поле. Трансформация политической коммуникации в пространстве «новых медиа», а также социальные последствия цифровизации медиадискурса находятся в фокусе внимания зарубежных [1; 2] и отечественных ученых [3–7].

В 2016 г. авторский неологизм «постправда» (англ. *post-truth*), впервые использованный в художественном произведении американским драматургом Стивом Тесичем при описании войны в Персидском заливе, был назван словом года Оксфордским словарем английского языка. Всплеск интереса к слову, существующему уже почти двадцать лет, был связан с особенностями проведения избирательной кампании кандидата в Президенты США Дональда Трампа. Именно это политическое событие ознаменовало собой переход к эпохе постправды – доминированию эмоционально-оценочного образа реальности, формируемого и транслируемого в медиaprостранстве, над объективным представлением реальной дей-

ствительности. При этом постправда имеет совершенно конкретного адресата, сообщая ему лишь ту информацию, которая соответствует его убеждениям; она облечена в вербальную или визуальную оболочку, близкую и понятную ему – она «говорит на его языке».

Однако задолго до прецедентных выборов в США в арабском мире произошли сразу несколько революций, вошедших в историю как Арабская весна, одним из катализаторов которых стала активная пропаганда в социальных сетях. Поняв, насколько сильным и массовым было воздействие через социальные сети, власти Туниса ограничили, а Египта и Ливии – полностью отключили интернет на территории своих стран. Использование воздействующего потенциала дискурса социальных медиа дало свои политические плоды и на постсоветском пространстве. В 2013 г. в изначально политически нейтральных украинских пабликах социальных сетей, посвященных спорту, путешествиям, музыке, юмору и пр. появился навязчивый «лавинообразный» поток политической пропаганды сторонников Майдана, что сыграло немаловажную роль в развитии революционного движения. При этом идеологической трансформации подверглись как современные реалии жизни страны, так и исторический контекст [8].

Общеизвестно, что традиционные формы СМИ – телевидение и печатная пресса – подают информацию лишь с одной, определенной редакционной политикой точки зрения. В связи с этим уровень доверия большей части общества к традиционным СМИ, как и их воздействующий потенциал, существенно снижается в последние десятилетия. Принципиальное отличие политики постправды заключается в скрытом характере манипулирования общественным мнением благодаря использованию совершенно иных инструментов, появившихся вследствие бурного развития социальных медиа. Эффективности этих инструментов во многом способствует наив-

ное представление определенной части социума о сети интернет как о либеральном пространстве: отсутствие цензуры создает иллюзию непредвзятости.

Возникновение и активное развитие новой лингвистической дисциплины – лингвоэкологии, основывающейся на представлении о языке как о саморегулирующейся системе, все компоненты которой взаимосвязаны и взаимообусловлены, соответствует актуальным направлениям развития социально-гуманитарных наук [9]. В рамках данного исследования, вслед за А. П. Сковородниковым, мы будем рассматривать лингвоэкологию, а именно, экологию медиадискурса, как часть социальной экологии [10]. Данный ракурс исследования определяет рассмотрение экологичности медиадискурса как важнейшего компонента обеспечения социального порядка, обуславливающего гармоничное сосуществование различных социальных институтов [11]. Диссонанс экологичности, в свою очередь, приводит к конфликту социальных институтов и представляет собой угрозу для существующего социального порядка.

Помимо защиты языка, как основной функции лингвоэкологии, в круг ее исследовательских задач входит изучение угроз, которым язык подвергается извне и источником которых он является. В русле лингвоэкологического подхода рассматриваются такие деструктивные коммуникативные явления, как речевое манипулирование, информационные войны, речевая агрессия и коммуникативные конфликты. Речевое манипулирование как проявление диссонанса экологичности медиадискурса лежит в основе феномена постправды [11]. Соотношение лингвоэкологии и социальной безопасности представляется одним из перспективных направлений развития исследований в области экологии языка.

Философским основанием исследования является идея Мишеля Фуко о дискурсе как основном способе властного воздействия и влияния. Учитывая существующую в современной лингвистике устойчивую тенденцию к преобладанию дискурсивного анализа как одного из ведущих методологических подходов, исследование направлено на выявление воздействующего потенциала дискурса «но-

вых медиа» на формирование политических убеждений молодежи, его роли в трансформации современной политической культуры в молодежной среде и обеспечении социальной безопасности государства. Угрозы социальной безопасности, сопряженные с активным развитием социальных сетей, а также механизмы их нивелирования, выступают актуальным предметом научных исследований последних лет [12–15].

TikTok – это сервис по просмотру и созданию коротких видео, выполняющий функцию социальной сети. Он был создан в Китае в 2016 г. и запущен международный сегмент в 2018 г. *TikTok* стремительно набирает популярность в России. Всплеску интереса пользователей к изначально «детской» платформе с развлекательным контентом во многом способствовал длительный период изоляции, вызванной эпидемиологическими условиями. *TikTok*, в отличие от подобной ему социальной сети *Instagram*, также транслирующей визуальный контент, но при этом традиционно отдающей предпочтение постановочным, эстетичным фотографиям и видео, изначально предлагал пользователям любительские кадры домашнего видео, разнообразные флешмобы, челленджи и иные развлекательные активности, благодаря чему число пользователей значительно увеличилось во время пандемии: за период с марта по ноябрь 2020 г. динамика роста количества пользователей платформы в России составила более 60 % (рис. 1), приближаясь к 30 миллионам. Необходимо отметить, что *TikTok* очень быстро обрел узнаваемость благодаря преимущественно танцевальной тематике, оригинальным видеоэффектам и вертикальному формату видео, что в наибольшей степени способствует удобству пользователей смартфонов.

Таким образом, в период самоизоляции *TikTok* привлек в ряды пользователей более «взрослую», однако по-прежнему молодежную аудиторию в возрасте преимущественно до 35 лет. Данный факт можно объяснить предпочтением к визуальному восприятию информации поколений «миллениалов» и «зумеров», составляющих преобладающее большинство пользователей платформы (рис. 2), а также развлекательным характером контента.

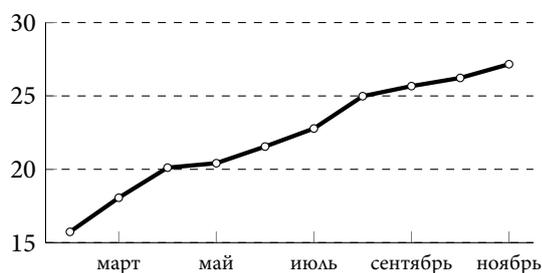
Таблица 1 – Социально-демографический профиль пользователей *TikTok* на ноябрь 2020 г. по данным *Mediascope*²

Table 1 – Socio-demographic profile of *TikTok* users for November 2020 according to *Mediascope*

Категория	Доля, %
Руководители	8,58
Специалисты	11,81
Служащие	12,59
Рабочие	23,42
Учащиеся	19,44
Домохозяйки	7,61
Др. неработающие	12,24
Нет ответа	14,31

По критерию рода занятий аудитория *TikTok* состоит преимущественно из представителей рабочих профессий (23,4 %) и учащихся (19,4 %); иные категории пользователей, обозначивших свой род занятий, составляют 12 % и менее, среди них меньше всего домохозяйки (7,6 %) и руководителей (8,6 %) (табл. 1).

Как и *Instagram*, изначально созданный для того чтобы делиться «красивыми» картинками, *TikTok* – видеоплатформа с «веселыми танцами» – в процессе своего становления как полноценной социальной сети, отражающей все сферы жизни пользователей, стал использоваться как площадка для политической коммуникации. Но если *Instagram*, являясь одной из наиболее нейтральных социальных сетей с точки зрения гендерных и возрастных признаков пользователей, эффективно используется политическими деятелями для решения своих профессиональных задач [16], *TikTok*, учитывая возрастные характеристики основной

Рисунок 1 – Динамика роста аудитории *TikTok* с февраля по ноябрь 2020 г. по данным *Mediascope*³
Figure 1 – *TikTok* audience growth dynamics from February to November 2020 according to *Mediascope*

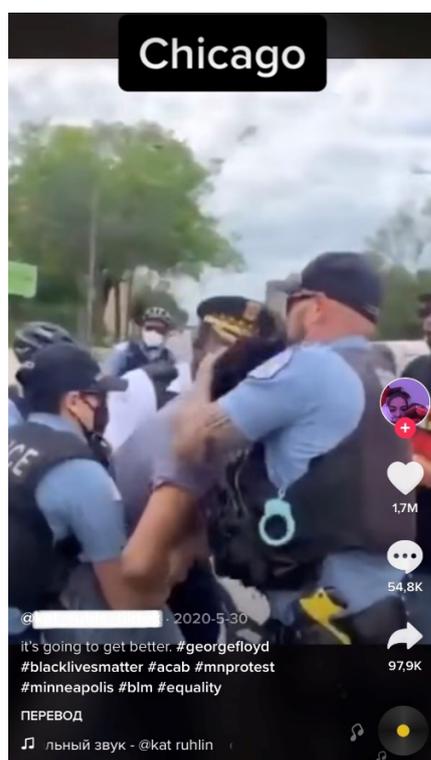
²Источник: <https://webindex.mediascope.net/report/occupation?byGeo=2&byDevice=3&byMonth=202011&id=384931>.

³Источник: <https://webindex.mediascope.net/report?byGeo=2&byDevice=2&byDevice=1&byDevice=2&byMonth=202011&id=384931>

аудитории, все чаще служит инструментом политической пропаганды. Манипулятивный характер подобного воздействия нашел отражение в новейших российских и зарубежных научных исследованиях [17–22].

Безусловно, политическая пропаганда, будучи неотъемлемой составляющей политической коммуникации, присутствует не только в *TikTok*, но и в других социальных сетях, равно как и в традиционных СМИ – на телевидении, радио и в печатной прессе, поскольку, как справедливо отметила Т. Г. Добросклонская, «не располагая собственным опытом огромного количества происходящих в мире событий, мы вынуждены строить своё знание об окружающей действительности на медиареконструкциях и интерпретациях, которые в силу самой своей природы идеологичны и культуроспецифичны» [23, с. 20]. Например, самая популярная социальная сеть России «ВКонтакте», насчитывающая около 100 миллионов пользователей, активно транслирует политическую пропаганду в отдельных тематических сообществах, применяя весь современный инструментарий суггестивного воздействия [11]. При этом политическая пропаганда как разновидность речевого манипулирования и эффективное орудие информационных войн обладает несомненным деструктивным потенциалом с точки зрения общественной безопасности. Однако именно политическая пропаганда в социальной сети *TikTok* послужила триггером роста социальной напряженности в различных странах мира.

В 2020 г. *TikTok* выступил действенным инструментом пропаганды движения BLM (*Black Lives Matter*, англ. «Жизни чёрных важны») в США и некоторых странах Западной Европы, вследствие чего молодежь стала принимать активное участие в массовых беспорядках. Видео с хэштегом #blm набрали 23 миллиарда просмотров в *TikTok*. При этом значительная часть подобного контента демонстрирует жесткие действия правоохранителей в отношении протестующих (рис. 2, 3).

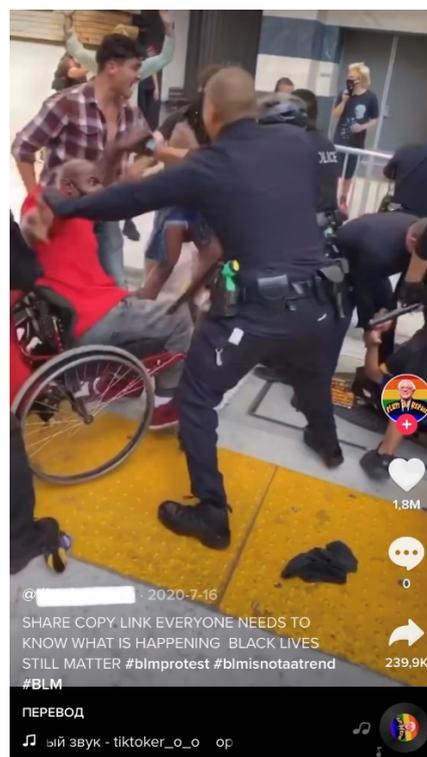
Рисунок 2 – Скриншот видео по хэштегу #blm, набравшего более 1,7 миллионов просмотров⁴ (имя пользователя скрыто автором статьи)

Figure 2 – Screenshot of the video by hashtag #blm, which has gained over 1.7 million views (username is hidden by the author of the article)

В период проведения предвыборной кампании 2020 г. в США тема BLM стала часто использоваться в американском сегменте *TikTok* для дискредитации кандидата в президенты от Республиканской партии, действующего президента Дональда Трампа, выступающего противником радикальных методов борьбы за права чернокожих, пропагандируемых активистами движения (рис. 4). Подобная позиция Трампа, крайне непопулярная среди либерально настроенной аудитории *TikTok*, привела к саботажу его предвыборной кампании в данной социальной сети: в г. Талса (штат Оклахома) на мероприятии по случаю Дня свободы 19 июня 2020 г., где должен был выступать президент, тиктокеры с подачи белой активистки BLM Мэри Джо Лопп заявившей, что подобное выступление было бы «пощечиной чернокожему населению» (англ.: “a slap in the face to the Black community”), начали массово бронировать места на трибунах, надеясь тем самым лишить Трампа аудитории. В итоге арена была

⁴Источник: <https://www.tiktok.com/>

⁵Источник: <https://edition.cnn.com/>.

Рисунок 3 – Скриншот видео по хэштегу #blm, набравшего более 1,8 миллионов просмотров⁴ (имя пользователя скрыто автором статьи)

Figure 3 – Screenshot of the video by hashtags #blm, which has gained over 1.8 million views (username is hidden by the author of the article)

заполнена примерно на треть. При этом сама 51-летняя активистка, которую в сети окрестили «бабушкой Тиктока», отметила, что молодое поколение «учится высказывать свою точку зрения» (англ.: “learning to speak out”) и находить новые формы протеста, благодаря социальным сетям, создающим «огромное чувство общности» (англ.: “created a huge sense of community”)⁵.

Нельзя отрицать, что социальной сети *TikTok* действительно удалось добиться беспрецедентного объединения молодежи. Помимо уже обозначенных факторов, обусловивших подобную популярность платформы в молодежной среде, необходимо также отметить ряд других причин. Принцип организации *TikTok* активно использует стремление подростков к самовыражению, поскольку нейросеть, являющаяся регулятором платформы, способствует крайне быстрому продвижению пользователей. В отличие от других социальных сетей, где популярность контента пользователя на-

прямую зависит от количества подписчиков, в *TikTok* стать популярным блогером может каждый. Для этого достаточно регулярно попадать в «реки» – ленту рекомендаций. Рекомендации выстраиваются нейросетью, исходя из «цифрового следа» пользователя на платформе, его гендерных и возрастных характеристик, рода занятий и пр., предоставляя таким образом таргетированный, максимально персонализированный контент. С другой стороны, чтобы попасть в рекомендации, необходимо соответствовать трендам, популярным в сети в данный момент, участвовать во флешмобах, челленджах, снимать видео на определенные темы. Подобный принцип устройства сети порождает отношения взаимозависимости. Кроме того, искусственный интеллект, лежащий в основе платформы, значительно осложняет ее механическую модерацию, поскольку тренды сети способствуют быстрому восстановлению определенной тематики в ленте рекомендаций.

Рисунок 4 – Скриншот видео по хэштегам #blm, #trump2020, набравшего более 1,2 миллионов просмотров⁶ (имя пользователя скрыто автором статьи)

Figure 4 – Screenshot of the video by hashtags #blm, #trump2020, which has gained over 1.2 million views (username is hidden by the author of the article)

По нашему мнению, учитывая описанный принцип функционирования *TikTok*, именно страница рекомендаций делает данную платформу столь эффективным инструментом пропаганды в молодежной среде: пользователи стремятся попасть в рекомендации, следуя трендам сети, и вместе с тем многократно увеличивают потенциал влияния тренда; таким образом, субъективная модальность становится объективной – сеть формирует определенные поведенческие паттерны молодежи по принципу симуляции. Подобная трансформация смыслов является характерным признаком реализации политики постправды.

В отличие от других популярных социальных сетей, например, социальной сети «ВКонтакте», где политическая пропаганда, транслируемая в отдельных сообществах, затрагивает лишь их подписчиков, в *TikTok* пропаганда неизбежна, если она находится в трендах определенной возрастной группы – она обязательно попадет на страницу рекомендаций. Тем не менее, при кажущейся объективности формирования подобных трендов, представляется возможным и их намеренное создание. Для этого необходимо знать принцип работы сети, проанализировать тренды, в том числе иноязычный сегмент платформы, и иметь представление о психологических особенностях подростков.

Примером активной политической пропаганды в молодежной среде в русскоязычном сегменте *TikTok* может послужить ситуация, связанная с возвращением в Россию в январе 2021 г. известного оппозиционного политического блогера Алексея Навального после предполагаемого отравления и лечения в Германии и чередой связанных с этим общественно-политических событий. Материалом исследования послужили видео с наибольшим количеством просмотров, посвященные обозначенной тематике. Принимая во внимание социолингвистический вектор исследования, при проведении анализа задействован метод социолингвистической интерпретации, которая позволяет выявить корреляцию между лингвистическими и экстралингвистическими данными, функциональную нагрузку изучаемых явлений, а также потенци-

⁶Источник: <https://www.tiktok.com/>

ал их влияния на определенную социальную группу с учетом полученных данных. В качестве нометрических методов в исследовании использован контент-анализ данных платформы *TikTok* с привлечением данных платформы *YouTube* для проведения невключенного наблюдения за комментариями пользователей. В качестве идеографических методов исследования дискурса социальной сети *TikTok* применен когнитивно-семиотический анализ.

Поток политически ориентированного контента был выстроен с учетом основных принципов работы платформы, включая челленджи и несколько жанров видео. Челлендж как один из основных традиционных форматов *TikTok* позволяет быстро попасть в рекомендации, благодаря вирусному характеру подобных видео. Кроме того, челленджи апеллируют к желанию самовыражения, к смелости участников и позволяют быстро стать частью сообщества, что делает их эффективным средством манипулирования в подростковой среде. В контексте рассматриваемой тематики, наибольшую, хоть и кратковременную популярность в *TikTok* приобрел «челлендж с портретом», когда школьники во время перемены меняли портрет Президента России на портрет Алексея Навального. Стоит отметить, что большая часть таких видео вскоре была удалена администраторами платформы.

Видео других жанров были посвящены несанкционированным акциям протеста, проходившим в России 23 и 31 января 2021 г., участники которых называли их «прогулкой». Подобная эвфемизация в дискурсе протестного движения, с одной стороны, призвана подчеркнуть мирный, «безобидный» характер участия в акции, заведомо нарушающей нормы законодательства, а с другой – снять с себя ответственность за потенциально противоправные действия. К тому же прогулки, помимо социальных сетей и интернет-серфинга, являются одной из основных форм досуга подростков и студенческой молодежи, что подчеркивает целенаправленную ориентацию подобного контента на пользователей определенной возрастной категории.

Видео с хэштегами #свободунавальному и #23января набрали более 600 миллионов просмотров, с хэштегами #митинг2021 и #ми-

тинг23января – более 320 миллионов. Всего же видео с хэштегом #навальный в *TikTok* были просмотрены 2,2 миллиарда раз. Больше количество просмотров в русскоязычном сегменте платформы лишь у видео с хэштегом #путин – 4,3 миллиарда.

В контексте данного исследования видео, посвященные подготовке и участию в акциях протеста, рассматриваются как креолизованные поликодовые (семиотически осложненные) тексты. Вслед за М. Б. Ворошиловой, под креолизованным текстом мы понимаем «текст, обладающий сложной формой, то есть основанный на сочетании единиц двух и более различных семиотических систем, которые вступают в отношения взаимосвязи, взаимодополнения, взаимовлияния, что обуславливает комплексное воздействие на адресата» [24, с. 22]. Ключевым критерием при выборе данного определения в качестве рабочего в рамках настоящего исследования является учет фактора воздействия на адресата.

По мнению Т. Г. Добросклонской, «язык СМИ является тем кодом, той универсальной знаковой системой, с помощью которой в индивидуальном и массовом сознании формируется картина окружающего мира» [23, с. 20]. Политически ориентированные видео в *TikTok*, посвященные обозначенной тематике, представляют собой креолизованные тексты, синтезирующие акустический, визуальный и, зачастую, аудиолингвальный и графический коды, сочетая элементы естественного языка и других знаковых систем. Под аудиолингвальным кодом мы понимаем естественную звучащую речь; под акустическим – звуковое сопровождение видео, часто выражающееся в виде музыки или песен; под графическим – надписи, сопровождающие видеоряд и идеографические коды – хэштеги. Каждая из данных семиотических систем в структуре креолизованного текста содержит эксплицитную и имплицитную информацию, денотативные, коннотативные и метафорические культурологические контексты.

Рассмотрим популярные варианты видео, набравшие наибольшее количество просмотров на платформе *TikTok* по вышеупомянутым хэштегам. Мы анализируем не отдельные видео, а определенные тенденции в рамках иссле-

дуемой тематики, поскольку принцип устройства платформы основан на предпочтении вирусных, а не индивидуальных форм цифрового творчества; индивидуальный контент – в большей степени прерогатива «лидеров мнений» – тиктокеров с наибольшим количеством подписчиков. Примечательно, что в свете рассматриваемой тематики основные тренды в отличие от «неполитического» контента не были заданы «лидерами мнений». В качестве основания для систематизации при проведении анализа был выбран семиотический код, создающий доминирующую концепцию видео, транслирующий его основную идейную направленность. На наш взгляд, исходя из традиционных подходов к созданию контента, принятых в данной социальной сети, этому условию в наибольшей степени удовлетворяет акустическая составляющая видео.

Наибольшую популярность на платформе набрали видео, сопровождаемые тремя аудио композициями: песня группы «Тату» «Нас не догонят» (2001 г.), «Смерти Больше Нет» группы IC3PEAK (2018 г.) и «Лабиринт» исполнителя Face (2019 г.).

Стоит отметить, что из перечисленных композиций лишь первая находилась в трендах сети до рассматриваемых событий: танцевальная версия песни «Нас не догонят» была популярна у пользователей платформы со второй половины 2020 г. и использовалась в соответствии с основными тенденциями *TikTok* – в качестве музыкального сопровождения танцевальных челленджей. Песня «Нас не догонят» является символом юношеского протеста и неприятия общепринятых правил и норм для нескольких поколений россиян. С начала 2000-х годов, периода бурного расцвета музыкального телевидения, данная песня прочно ассоциируется с видеоклипом, где несущийся по трассе грузовик, управляемый подростками, сметает все и всех на своем пути. Видеоклип не теряет популярности, о чем свидетельствуют десятки миллионов просмотров на портале *YouTube*. Кроме того, интерес к данной песне возрос в 2020 г., когда она была использована в качестве саундрека к популярному в российском прокате фильму «Лёд 2», став символом борьбы за достижение своих целей.

Соответственно, акустический ряд в данной композиции имеет прочную связь с визуальным, вызывая устойчивые ассоциации и у современных подростков (рис. 5). Видео, сопровождаемые этой песней, имеют высокий вирусный потенциал, благодаря широкой узнаваемости музыкального сопровождения, что позволяет авторам быстро продвигаться в рекомендации. А как уже было отмечено ранее, видео, попадающие в рекомендации определенной возрастной группы, оказывают значительное влияние на поведенческие стратегии: песня «Нас не догонят», будучи устойчивым символом протеста и борьбы, усиливает генерирование протестных настроений в молодежной среде благодаря соответствующему ассоциативному эмоциональному контексту.

Композиция «Смерти больше нет» группы IC3PEAK, называющей себя «аудиовизуальным проектом» также, как и предыдущая песня, имеет прочную ассоциативную связь с протестом: клип на песню был снят у административных зданий стратегического назначения и наиболее узнаваемых достопримечательностей Москвы: у здания Правительства

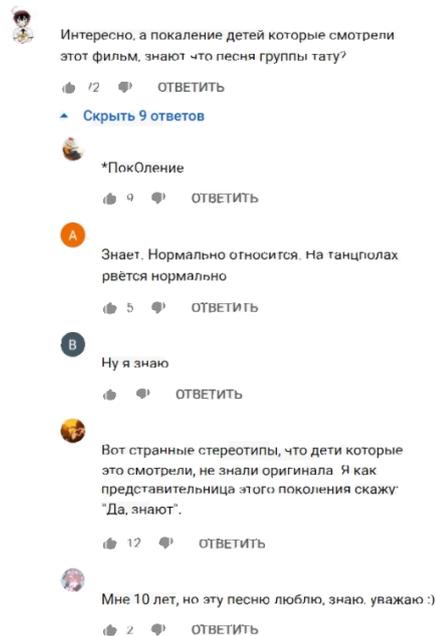

Рисунок 5 – Скриншот комментариев к видео музыкального номера «Нас не догонят» из фильма «Лёд 2» (имена пользователей скрыты автором статьи)⁷

Figure 5 – Screenshot of comments to the video of the musical number *Not gonna get us* from the movie “Ice 2” (usernames are hidden by the author of the article)

⁷Источник: <https://www.youtube.com/watch?v=IwAaY4otROA>.

Российской Федерации, на Красной площади, на набережной Москвы-реки, где герои пытаются устраивать акты самосожжения, едят сырое мясо, разливают по бокалам кровь и вступают в противодействие с представителями правопорядка. В качестве сопровождения к рассматриваемому видео было выбрано начало песни, а именно – первые строки:

*Я заливаю глаза керосином.
Пусть всё горит, пусть всё горит.
На меня смотрит вся Россия.
Пусть всё горит, пусть всё горит.*

Исполнители справедливо именуют себя «аудиовизуальным проектом», поскольку их песни, как и в предыдущем случае, устойчиво ассоциируются с соответствующим видеорядом. Кроме того, с протестами непосредственно связана и группа IC3PEAK, неоднократно выступавшая на митингах в Москве. По мнению Е. С. Палехи, «зритель/слушатель данной песни или клипа на нее получает доступ к крайне негативной картине мира авторов, в которой господствуют концепты „смерть“, „насилие“, „вседозволенность“, „безысходность“, „одиночество“. При этом пользователь юного возраста с неокрепшей психикой, неустоявшимися коммуникативными предпочтениями и отсутствием выработанных механизмов защиты от языкового и визуального насилия, очевидно, будет воспринимать легко считываемое прямое послание (даже при наличии глубинного философского подтекста)» [25, с. 122–123]. Акустический код в совокупности с визуальным создает концептуальную метафору маргинальной формы протеста с высоким воздействующим потенциалом, вследствие чего видео, созданные с использованием данной музыкальной композиции, представляют значительную опасность с точки зрения генерирования протестных настроений и при этом становятся чрезвычайно популярными у пользователей *TikTok*.

Кроме того, аудиотрек «Смерти больше нет» явился одним из связующих элементов виртуального и реального протестов: песня неоднократно звучала в ходе несанкционированных акций в разных городах России и за рубежом. Выбор данной песни в качестве одного

из «гимнов» протестного движения представляется обоснованным с точки зрения создания определенного эмоционального эффекта. Примечательно, что «вторая волна» интереса к данной композиции возникла лишь после того, как она стала популярной в *TikTok*, о чем свидетельствуют комментарии к клипу на песню на портале *YouTube* (рис. 6). С учетом того, что песня не является абсолютно новой, не входила в тренды сети, не соответствует основному тематическому направлению контента и имеет значительный потенциал влияния с точки зрения генерирования протестных настроений, стремительный рост ее популярности в *TikTok* в рамках политического контекста использования дает основания предполагать, что подобный выбор композиции был сделан не случайным пользователем, продвинувшим свое видео в топ рекомендаций; вероятно, её намеренно избрали инструментом пропаганды протеста для достижения определенных политических целей. Тем не менее, принцип организации платформы, предполагающий воспроизводство пользователями однотипных вирусных видео, делает определение первоисточника практически невозможным.

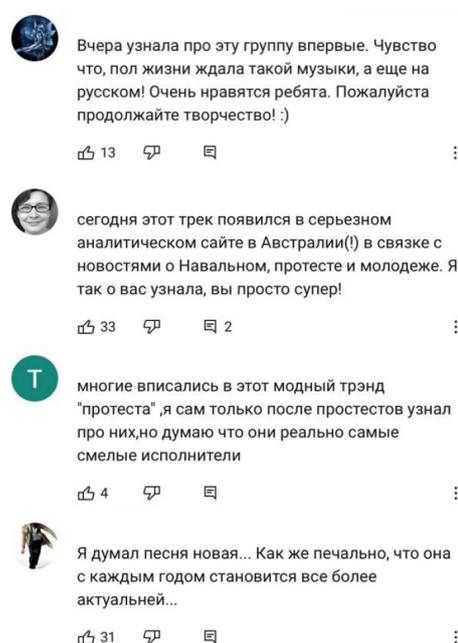

Рисунок 6 – Скриншот комментариев к видеоклипу на композицию «Смерти больше нет» (имена пользователей скрыты автором статьи)⁸
Figure 6 – Screenshot of comments to the video clip for the song *There is no more death* (usernames are hidden by the author of the article)

⁸Источник: <https://www.youtube.com/watch?v=MBG3Gdt5OGs>.

Подобные предположения можно сделать и в отношении еще одной песни, используемой в качестве музыкального сопровождения протестных видео. Композиция «Лабиринт» рэп-исполнителя *Face* до рассматриваемых социально-политических событий была популярной лишь среди поклонников творчества автора и стала широко узнаваемой только после попадания в тренды *TikTok* (рис. 7). Для создания видео пользователи платформы использовали следующие строки композиции:

*Быть против власти —
не значит быть против родины.
Я люблю Россию
за запах чёрной смородины.*

Выбор именно этих строк в качестве одного из «гимнов протеста» указывает на намеренный характер акцентирования внимания пользователей на политической повестке: песни рэп-исполнителей зачастую представляют собой определенный вид *сторителлинга*, они крайне автобиографичны. Рассматриваемая песня также повествует о реальных событиях жизни её автора, лейтмотивом композиции является возможность добиться успеха, несмотря на самые тяжелые жизненные обстоятельства. Таким образом, песня не была задумана как протестная, а выбранные строки не отражают ее основную тематику. В связи с этим выбор случайным пользователем *TikTok* именно этой песни для создания видео, посвященных рассматриваемой прецедентной ситуации, представляется весьма маловероятным. Между тем, концептуальная дихотомия «власть – родина», усиленная сопутствующим метафорическим контекстом, превращает данные строки в эффективный инструмент манипуляции общественным сознанием.

Исходя из лингвоэкологической направленности данного исследования, отметим еще одну особенность *TikTok*, представляющую реальную угрозу с точки зрения лингвистической безопасности страны. Как было отмечено ранее, вирусный характер контента, транслируемого в данной социальной сети, имеет потенциал к формированию определенных поведенческих особенностей молодежи. В последние десятилетия с развитием визуальных форм

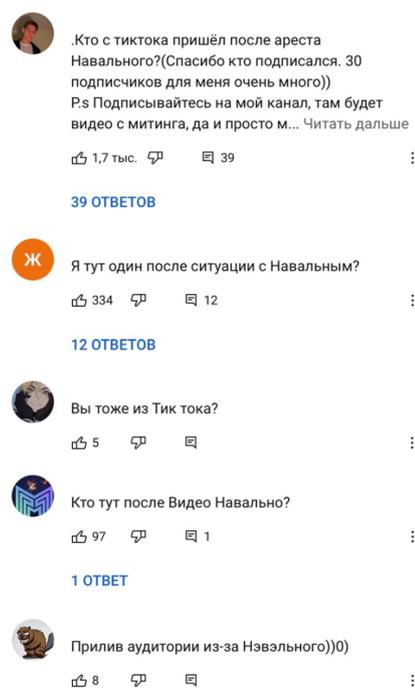

Рисунок 7 – Скриншот комментариев к видеоклипу на композицию «Лабиринт» (имена пользователей скрыты автором статьи)⁹
Figure 7 – Screenshot of comments to the video clip for the composition *Labyrinth* (usernames are hidden by the author of the article)

искусства и цифровизацией культуры филологи наблюдают устойчивое снижение уровня грамотности населения, особенно среди детей и подростков. При этом многие успешные тиктокеры в качестве одного из советов по продвижению в сети рекомендуют делать ошибки в описании ролика и иных надписях, присутствующих на видео. Это также связано с принципом построения платформы: нейросеть распознает многочисленные комментарии, которые пользователи, заметившие ошибку, оставляют к данному видео, чтобы указать на неё, как повышенный интерес к контенту, тем самым быстрее продвигая видео в рекомендованные. Таким образом, ошибочная орфография становится еще одним трендом сети. Учитывая недостаточную прочность сформированности орфографического навыка у юных пользователей *TikTok*, подобный тренд может быть потенциально опасен для экологии русского языка.

Проведенный многоаспектный анализ воздействующего потенциала социальной сети *TikTok* в молодежной среде позволил выявить основные факторы, обусловившие активное

⁹Источник: <https://www.youtube.com/watch?v=Mo4Wt6cKGVg>.

использование платформы в целях политической пропаганды. Были рассмотрены некоторые технические аспекты функционирования данной социальной сети, оказывающие значительное влияние на характер использования тех или иных манипулятивных тактик при создании политически ориентированного контента. Проанализированы прецедентные социально-политические ситуации, вызвавшие значительный отклик у пользователей сети в России и за рубежом.

Исследование показало, что принцип построения платформы *TikTok* на основе нейросети, анализирующей персональные данные, способствует значительному влиянию на молодежную аудиторию пользователей, благодаря ленте рекомендаций, предлагающей пользователям тагетированный контент, соответствующий их интересам, возрастным особенностям и роду занятий. При этом взрослая аудитория *TikTok* значительно более гетерогенна, вследствие чего потенциал влияния определенного контента на данную категорию пользователей значительно ниже. Кроме того, безусловно, значительное влияние *TikTok*, как и иных социальных сетей, преимущественно на молодежную аудиторию во многом связано с объективными факторами специфических психофизиологических особенностей данной возрастной группы.

Анализ политически ориентированного контента сети с позиций эколлингвистического подхода продемонстрировал, что наиболь-

шим манипулятивным потенциалом обладают креолизованные тексты с доминирующим акустическим кодом, созданные с использованием музыкальных композиций, интерпретирующих протестную тематику. При этом идеология протеста зачастую пропагандируется посредством комплексных аудиовизуальных ассоциативных образов. Учитывая принцип построения сети, активные пользователи воспроизводят собственный контент протестной тематики, чтобы попасть в рекомендации, при этом многократно увеличивая суггестивный потенциал тренда. Таким образом, сеть формирует определенные поведенческие паттерны молодежи по принципу симуляции, что приводит к маргинализации протеста в молодежной среде: протест становится целью, а не средством её достижения. Подобная идеологическая трансформация смыслов является характерным признаком реализации политики постправды.

Представляется, что важнейшая задача языка как одного из основных связующих элементов социума и носителя культурно-исторического наследия нации – выполнение интегративной функции. Дальнейшее изучение деструктивных коммуникативных явлений, способствующих маргинализации культурной идентичности нации и нарушению гармоничного сосуществования социальных групп и институтов, может способствовать принятию эффективных мер в области социального управления, в том числе в правовом поле.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Bennett Lance W., Pfetsch Barbara. (2018). Re-thinking Political Communication in a Time of Disrupted Public Spheres, *Journal of Communication*, no. 68, pp. 243–253.

2. Muqsith M.A., Muzykant V.L., Kuzmenkova K.E. (2019). Cyberprotest: new media and the new social movement in Indonesia, *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, vol. 24, no. 4, pp. 765–775. URL: <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2019-24-4-765-775>.

3. Балчугов А.В., Пахомова Е.А., Устинкин С.В., Фоменков А.А. (2020). Перспективы взаимоотношений традиционных и новых медиа // *Власть*. № 28 (6). С. 89–93. URL: <https://doi.org/10.31171/vlast.v28i6.7728>.

4. Гребенникова О.В., Аянян А.Н., Юрчен-

ко Н.И., Полева Н.С. (2020). Социальное и личностное развитие современной молодежи в технологическом обществе // *Вестник РГГУ. Серия: Психология. Педагогика. Образование*. № 1. С. 151–166.

5. Добросклонская Т.Г. (2020). Медиалингвистика: актуальные направления изучения медиаречи // *Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация*. № 4. С. 26–38.

6. Резаев А.В., Трегубова Н.Д. (2019). Новые медиа и «умные вещи»: как новые технологии актуализируют различие между общением и коммуникацией? // *Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика*. № 1. С. 25–45.

7. Тимофеева Л.Н. (2020). Новая социаль-

ность в информационной повестке дня: роль старых и новых медиа // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. № 2. С. 64–69.

8. Русакова О.Ф., Русаков В.М. (2019). Дискурс постправды как медиатехнология политики постпамяти // Дискурс-ПИ. Т. 16. № 2 (35). С. 10–17. URL: <https://doi.org/10.17506/dipi.2019.35.2.1027>.

9. Трошина Н.Н. (2020). Экология языка: аналитический обзор / РАН. ИНИОН. Центр гуманитарных научно-информационных исследований. Отделение языкознания : Редкол. : Е. О. Опарина, М. Б. Раренко. Москва. 54 с. (Серия: Теория и история языкознания).

10. Сковородников А.П. (2016). Экология русского языка : Монография. Красноярск : Сибирский федеральный университет. 388 с.

11. Плотникова М.В. (2020). Directed by Robert V. Weide: Манипулятивный потенциал политических Интернет-мемов в эпоху постправды // Государство, политика, социум: вызовы и стратегические приоритеты развития. Устойчивое развитие регионов : Материалы XVI Международной научно-практической конференции (Екатеринбург, 25–28 ноября 2020 г.) : в 2 т. Т. 1 / науч. ред. М. Б. Ворошилова ; Уральский институт управления – филиал РАНХиГС. Екатеринбург. С. 154–160.

12. Бычков А.А. (2019). Угрозы национальной безопасности российской федерации в виртуальных социальных сетях // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. № 4 (50). С. 85–89.

13. Жуйков А.А., Каспаров А.Р., Нурахмедова А.А. (2019). Виртуальные конфликты в социальных сетях интернета как угроза информационной безопасности // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. № 2 (239). С. 89–94.

14. Синицын И.М., Темкин В.А. (2019). Социальные сети: вызовы и угрозы национальной безопасности // Электронное сетевое издание «Международный правовой курьер». № 4. С. 54–60.

15. Соколова М.Е. (2018). Культура смарт-потребления: информационно-безопасностный аспект (к постановке проблемы) // Человек: образ и сущность. № 4 (35). С. 68–99.

16. Плотникова М.В. (2019). Мэр здорового

человека: речевой портрет мэра г. Якутска Сарданы Авксентьевой в сети // Политическая лингвистика. № 5 (77). С. 105–113.

17. Dilon Cell. (2020). Tiktok Influences on Teenagers and Young Adults Students: The Common Usages of the Application Tiktok, *American Scientific Research Journal for Engineering, Technology, and Sciences (ASRJETS)*, vol. 68, no. 1, pp. 132–142. DOI: 10.1093/joc/jqx017.

18. Medina Serrano, Juan Carlos & Papakyriakopoulos, Orestis & Hegelich, Simon. (2020). Dancing to the Partisan Beat: A First Analysis of Political Communication on TikTok. In: Proceedings of the 12th ACM Conference on Web Science “WebSci’20”. Pp. 257–266. DOI: 10.1145/3394231.3397916.

19. Боженкова Н.А., Катышев П.А., Ионова С.В., Афанасьева Э.М., Саакян Л.Н. (2019). Русский политический дискурс в фокусе лингвоэкологии // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. Т. 18. № 3. С. 76–92.

20. Епишкин И.И., Исакова Е.Б., Лаврик А.А. (2019). Анализ интересов и предпочтений российской аудитории социальной сети TikTok // Вестник Московского гуманитарно-экономического института. № 4. С. 62–67.

21. Кветкин П.Д. (2020). Русскоязычный TikTok: пространство, несвободное от политики // MEDIAОбразование: медиа как тотальная повседневность : Материалы V Международной научной конференции / Под редакцией А. А. Морозовой. С. 370–374.

22. Шапошников А.А. (2020). Социальная сеть TikTok как инструмент распространения идеологии терроризма и экстремизма. Обзор // НЦПТИ. № 4 (23). С. 35–41.

23. Добросклонская Т.Г. 2020 Медиалингвистика: теория, методы, направления : Монография. Москва : «КДУ», «Добросвет». 178 с. URL: <https://bookonlime.ru/node/4824>. DOI: 10.31453/kdu.ru.91304.0107.

24. Ворошилова М.Б. (2013). Политический креолизованный текст: ключи к прочтению : Монография / М. Б. Ворошилова ; Уральский государственный педагогический университет. Екатеринбург. 194 с.

25. Палеха Е.С. (2019). Лингвоэкология как фактор информационно-коммуникативной безопасности в сети Интернет // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. Т. 161, кн. 5–6. С. 117–126. DOI: 10.26907/2541-7738.2019.5-6.117-126.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Плотникова Мария Вячеславовна – кандидат филологических наук, доцент; Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19); plotnikova_mary@mail.ru.

IMPACT OF NEW MEDIA DISCOURSE ON YOUNG PEOPLE (THE CASE OF TIKTOK)

M.V. Plotnikova^{10a}

^aUral Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin

ABSTRACT:

The article discusses the fundamental problem of suggestive influence of the social networks' discourse on young people. Extensive digitalization of contemporary media space, as well as the emergence of fundamentally new hybrid forms of media discourse, have led to a serious transformation of political communication. At the same time, political content in some Russian and international social networks is becoming an effective tool for promotion of certain ideological attitudes. Speech manipulation as a manifestation of the dissonance of the linguistic ecology of media discourse and an effective weapon of information wars lies at the heart of the post-truth phenomenon having an undoubted destructive potential from the point of view of public safety.

The empirical base of the research on the influence of the "new media" discourse is the video materials of TikTok service and the related content of YouTube platform, as well as users' comments. The method of sociolinguistic interpretation was used in this study, which makes it possible to identify the correlation between linguistic and extralinguistic data, the functional load of the phenomena under study, as well as the potential of their influence on a certain social group considering the data obtained. Interpretation of the research material is carried out from the perspective of the cognitive-semiotic approach: videos on a certain political topic are referred to as creolized polycode texts.

As a result of the analysis, the main factors that led to the active use of the platform for political propaganda were identified. Some technical aspects of the functioning of this social network, which have a significant impact on the use of certain manipulative tactics in the creation of politically oriented content, are examined. We analyze precedent socio-political situations (cases) that have caused a significant response from the youth audience of TikTok users in Russia and abroad.

The analysis carried out from the perspective of the linguistic ecology has shown that creolized texts with a dominant acoustic code, i.e. created using music representing protest, have the greatest manipulative potential. Taking into account the principle of functioning of TikTok, it has been suggested that the "for you" page greatly contributes to the effectiveness of social media propaganda among the young people: the network forms certain behavioral patterns of youth according to the principle of simulation.

Further study of destructive communication phenomena that lead to the marginalization of the cultural identity of the nation and the disruption of the harmonious coexistence of social groups and institutions can contribute to the adoption of effective measures in the field of social management, including the legal sphere.

FUNDING: The reported study was funded by the Russian Foundation for Basic Research and Social Research Expert Institute, project no. 20-011-32261.

KEYWORDS: media discourse, social networks, TikTok, political communication, creolized text, linguistic ecology, speech manipulation, political propaganda, social security.

---

¹⁰RSCI AuthorID: 787441, ORCID: 0000-0002-9391-9539, ResearcherID: N-4009-2016

FOR CITATION: Plotnikova M.V. (2021). Impact of new media discourse on young people (the case of TikTok), *Management Issues*, no. 2, pp. 16–30.

REFERENCES

1. Bennett Lance W., Pfetsch Barbara. (2018). Re-thinking Political Communication in a Time of Disrupted Public Spheres, *Journal of Communication*, no. 68, pp. 243–253.
2. Muqsith M.A., Muzykant V.L., Kuzmenkova K.E. (2019). Cyberprotest: new media and the new social movement in Indonesia, *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, vol. 24, no. 4, pp. 765–775. URL: <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2019-24-4-765-775>.
3. Balchugov A.V., Pakhomova E.A., Ustinkin S.V., Fomenkov A.A. (2020). Prospects for the relationship between traditional and new media, *Power*, no. 28 (6), pp. 89–93. URL: <https://doi.org/10.31171/vlast.v28i6.7728>.
4. Grebennikova O.V., Aanyan A.N., Yurchenko N.I., Poleva N.S. (2020). Social and personal development of modern youth in technological society, *Bulletin of RSUH, Series: Psychology. Pedagogy. Education*, no. 1, pp. 151–166.
5. Dobrosklonskaya T.G. (2020). Medialinguistics: modern trends in studying language in the media, *Bulletin of Moscow University. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication*, no. 4, pp. 26–38.
6. Rezayev A.V., Tregubova N.D. (2019). New media and “smart things”: how do new technologies objectify the distinction between “social intercourse” and “communication”? *Bulletin of Moscow University. Series 10: Journalism*, no. 1, pp. 25–45.
7. Timofeeva L.N. (2020). New sociality in the information agenda: the role of old and new media, *Bulletin of the Voronezh State University. Series: History. Political science. Sociology*, no. 2, pp. 64–69.
8. Rusakova O.F., Rusakov V.M. (2019). Discourse of post-truth as media technologies of the post-memory policy, *Diskurs-Pi*, vol. 16, no. 2 (35), pp. 10–17. URL: <https://doi.org/10.17506/dipi.2019.35.2.1027>.
9. Troshina N.N. (2020). Ecology of language: analytical overview. RAS. INION. Center for humanitarian informational research. Branch of Linguistics. Moscow, 54 p. (Series: Theory and History Linguistics).
10. Skovorodnikov A.P. (2016). Ecology of the Russian language. Krasnoyarsk, Siberian Federal University, 388 p.
11. Plotnikova M.V. (2020). Directed by Robert B. Weide: the manipulative potential of political Internet memes in the epoch of post-truth. In: Voroshilova M.B. (ed.) Proceedings of the XVI International Scientific and Practical Conference “State, Politics, Society: Challenges and Strategic Development Priorities. Sustainable Development of Regions” (Ekaterinburg, November 25–28, 2020). Vol. 1. Ekaterinburg, pp. 154–160.
12. Bychkov A.A. (2019). Threats to the national security of the Russian Federation in virtual social networks, *Bulletin of Tver State University. Series: Philosophy*, no. 4 (50), pp. 85–89.
13. Zhuykov A.A., Kasparov A.R., Nurahmedova A.A. (2019). Virtual conflicts in the Internet social networks as a threat of information security, *Bulletin of the Adygei State University. Series 1: Regional studies: philosophy, history, sociology, jurisprudence, political science, cultural studies*, no. 2 (239), pp. 89–94.
14. Sinitsyn I.M., Temkin V.L. (2019). Social networks: Challenges and threats of national security, *Electronic Network Edition “International Legal Courier”*, no. 4, pp. 54–60.
15. Sokolova M.E. (2018). Culture of smart consumption: an information and safety aspect (to the formulation of the problem), *Man: image and essence*, no. 4 (35), pp. 68–99.
16. Plotnikova M.V. (2019). The mayor of a healthy person: a speech portrait of the mayor of Yakutsk Sardana Avksentieva on the network, *Political linguistics*, no. 5 (77), pp. 105–113.
17. Dilon Cell. (2020). Tiktok Influences on Teenagers and Young Adults Students: The Common Usages of the Application Tiktok, *American Scientific Research Journal for Engineering, Technology, and Sciences (ASRJETS)*, vol. 68, no. 1, pp. 132–142. DOI: 10.1093/joc/jqx017.
18. Medina Serrano, Juan Carlos & Papakyriakopoulos, Orestis & Hegelich, Simon. (2020). Dancing to the Partisan Beat: A First Analysis of Political Communication on TikTok. In: Proceedings of the 12th ACM Conference on Web Science “WebSci’20”. Pp. 257–266. DOI: 10.1145/3394231.3397916.
19. Bozhenkova N.A., Katyshev P.A., Ionova S.V., Afanasyeva E.M., Saakyan L.N. (2019). Russian political discourse in the focus of linguocology, *Bulletin of the Volgograd State University. Series 2: Linguistics*, vol. 18, no. 3, pp. 76–92.

20. Epishkin I.I., Iskakova E.B., Lavrik A.A. (2019). Analysis of the interests and preferences of the Russian audience of the social network Tiktok, *Bulletin of the Moscow Humanitarian and Economics Institute*, no. 4, pp. 62–67.

21. Kvetkin P.D. (2020). Russian-speaking Tiktok: space, non-free from politics. In: Morozova A.A. (ed.) Proceedings of the V of the International Scientific Conference “Media Education: Media as total everyday life”, pp. 370–374.

22. Shaposhnikov A.A. (2020). Tiktok social network as a tool for distributing the ideology of terrorism and extremism. Review, *NTsPTI*, no. 4 (23), pp. 35–41.

23. Dobrosklonskaya T.G. (2020). *Medialinguistics: Theory, Methods, Directions*. Moscow: “KDU”, “Dobrosvet”, 178 p. URL: <https://bookonlime.ru/node/4824>. DOI: 10.31453/KDU.ru.91304.0107.

24. Voroshilova M.B. (2013). *Political Creolemic Text: Keys to reading*. Ekaterinburg, Ural State Pedagogical University, 194 p.

25. Palekha E.S. (2019). Lingvoecology as a factor in information and communicative security on the Internet, *Scientific Notes of the Kazan University. Series: Humanitarian sciences*, vol. 161, book 5-6, pp. 117–126. DOI: 10.26907/2541-7738.2019.5-6.117-126.

AUTHORS' INFORMATION:

Mariya V. Plotnikova – Ph.D. of Philological Sciences, Associate Professor; Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (19, Mira St., Ekaterinburg, 620002, Russia); plotnikova_mary@mail.ru.

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

ECONOMICS AND MANAGEMENT

ВЛИЯНИЕ КАЧЕСТВА ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИХ ЭКОСИСТЕМ РЕГИОНОВ РОССИИ НА РАЗВИТИЕ СЕКТОРА ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

С.А. Самусенко^{1а}

^аСибирский федеральный университет

АННОТАЦИЯ:

Цифровизация является фактором международной конкурентоспособности страны. Рост национальной экономики России может быть поддержан расширением цифрового сектора в регионах, имеющих большой исторически обусловленный отрыв в уровне экономического развития. Цифровизация ресурсных, старопромышленных, аграрных и депрессивных регионов будет способствовать развитию высокотехнологичных кластеров в обрабатывающих отраслях и сфере услуг, способных стать драйверами роста этих территорий. Эффективность реализации региональных проектов по цифровой экономике определяется не столько их целями, содержанием и финансированием, сколько качеством региональных предпринимательских экосистем. Концепция предпринимательской экосистемы является сравнительно новым научным направлением, сформировавшимся на стыке кластерной теории и теории региональных инновационных систем и объясняющим успешность развития отраслевых кластеров в регионах через благоприятную для бизнеса среду.

Базовой гипотезой статьи является предположение о влиянии качества предпринимательской экосистемы региона на размеры сектора цифровой экономики. Целью работы стала оценка распространения цифровой экономики в регионах России в зависимости от качества региональных предпринимательских экосистем. На основе данных 87 субъектов РФ в исследовании проведена оценка размеров цифровых секторов в регионах, а также построен и рассчитан комплексный индекс качества региональных предпринимательских систем. По результатам корреляционного анализа выявлена связь развития цифровой экономики с уровнем доходов населения регионов и качеством их человеческого капитала. Иерархический кластерный анализ на основе квадрата евклидова расстояния позволил выделить четыре группы регионов, характеризующихся разными уровнями развития цифровой экономики, предпринимательских экосистем, а также потенциалом и механизмами цифрового роста.

БЛАГОДАРНОСТИ: Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, Красноярского краевого фонда поддержки научной и научно-технической деятельности, корпорации «Енисейская Сибирь» в рамках исследовательского проекта № 20-410-242907 «Методологические подходы к созданию институциональной инфраструктуры «цифровой экономики» как системообразующего феномена цифровой экосистемы Енисейской Сибири».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: цифровая экономика, предпринимательская экосистема, региональная экономика, экономический рост, экосистемный подход, кластерный анализ регионов.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Самусенко С.А. (2021). Влияние качества предпринимательских экосистем регионов России на развитие сектора цифровой экономики // Вопросы управления. № 2. С. 32–46.

Введение и постановка проблемы

Более чем за 20 лет употребления термина «цифровая экономика» это понятие так и не приобрело четкого, устоявшегося значения [1]. Определение цифровой экономики

тесно связано с проблемами оценки ее масштабов: до середины 2010-х гг. под цифровой экономикой понимали интернет-торговлю и изменения, которые она порождает в структуре бизнеса и отдельных отраслях эко-

¹AuthorID РИНЦ: 340114, ORCID: 0000-0001-6178-592X, ResearcherID: U-4828-2019

номики; до 2013 г. измерение сектора основывалось на авторских подходах зарубежных консалтинговых компаний, которые оценивали расходы домашних хозяйств на радиоэлектронику и информационно-коммуникационные услуги. Первая масштабная попытка измерить цифровую экономику была предпринята в 2010 г. *The Boston Consulting Group* (BCG); она базировалась на расчете прямого вклада в валовой внутренний продукт (ВВП) «цифровых» секторов [1]. Аналогичный подход был использован при формировании методики оценки цифровой экономики НИУ «Высшая школа экономики» (ВШЭ): в рамках производственного подхода авторы предложили суммировать валовую добавленную стоимость (ВДС) сектора ИКТ-инфраструктуры, НДС компаний, ведущих бизнес исключительно в сети «Интернет», НДС компаний, сочетающих онлайн- и офлайн-бизнес, корректируя последний на коэффициент интернет-торговли [2; 3].

В настоящее время разработку методик оценки цифровой экономики осуществляют ведущие международные организации (ОЭСР, Всемирный банк, Всемирный экономический форум), консалтинговые агентства, национальные правительства [4; 5]. Измерение масштабов цифровизации происходит как через индикаторы распространения цифровой экономики, так и через прямую оценку национального продукта, генерируемого цифровыми секторами². С одной стороны, эти попытки выявили «невозможность определения четких границ цифровой экономики в рамках существующих систем отраслевой классификации» [1, с. 29]. С другой – становится очевидным, что реализация российских национальных проектов и программ в сфере цифровой экономики, которая может стать значимым фактором усиления международной конкурентоспособности страны, должна опираться на унифицированные и прозрачные измерения.

Особенность России, помимо прочего, заключается в исторически сложившейся асим-

метрии экономического развития её регионов, обусловленной их специализацией, климатическими, социально-экономическими и географическими особенностями. Однако развитие сектора цифровой экономики может стать конкурентным преимуществом и драйвером роста экономики как целого региона, так и части его традиционных отраслей. В этой связи необходима точная оценка размеров цифрового сектора в каждом регионе РФ, основанная на унифицированной методике, учитывающей особенности регионального статистического наблюдения. Поиск и апробация такой методики составили первую задачу нашей работы.

Важнейшую роль в развитии цифровых технологий стран и регионов играют структура и качество предпринимательской экосистемы, представляющей собой социально-экономическую «окружающую среду», поддерживающую и стимулирующую развитие предпринимательства. Именно концепция предпринимательской экосистемы объясняет успешность национальных информационно-технологических кластеров (ИТ-кластеров), таких как Кремниевая долина (США), *Silicon Wadi* (Израиль), Бангалор (Индия), Чжунгуаньцунь (Китай) [6]. Предпринимательские экосистемы (англ. *entrepreneurial ecosystems*) — это конгломерат территориально сосредоточенных культурологических установок, социальных сетей, источников инвестиционного капитала, университетов как поставщиков человеческого капитала, знаний и технологий, а также активной экономической политики, которые создают среду, поддерживающую инновационные предприятия [7, с. 49].

Качество региональных предпринимательских экосистем, безусловно, должно оказывать влияние на развитие сектора цифровой экономики. Второй задачей исследования, таким образом, стало конструирование индекса качества региональной предпринимательской экосистемы и оценка его влияния на размеры сектора цифровой экономики.

²Так, в России в состав ИКТ-сектора включают производство компьютерного и коммуникационного оборудования, бытовой электронной техники, издание программного обеспечения, консультирование по вопросам информатизации и работы в области компьютерных технологий, телекоммуникационные услуги, услуги по лизингу или аренде ИКТ-оборудования, услуги по обработке данных, по размещению информации, по управлению сетями и компьютерными системами, ремонту ИКТ-оборудования (Приказ Минкомсвязи России № 515 от 07.12.2015).

Кроме того, опираясь на значения двух ключевых параметров – размера цифрового сектора и качества региональной предпринимательской экосистемы – мы выполнили кластеризацию российских регионов, позволяющую оценить текущее состояние их предпринимательских экосистем и перспективы дальнейшей цифровой трансформации региональных экономик.

Обзор литературы

Термин «экосистема» был заимствован из биологии для понимания, описания и измерения социальных систем. По аналогии с живыми организмами, возможность изучения которых в изоляции ограничена, а более глубокое понимание достигается через анализ их сложных взаимоотношений друг с другом и окружающей средой, исследование человеческих сообществ представляется упрощенным и неточным вне контекста взаимодействий и окружающей их среды [8; 9]. Экосистемный подход к исследованиям предпринимательской деятельности отличается от традиционного индустриального подхода (англ. *industrial organization economics framework*), основанного на работах М. Портера и Гарвардской школы бизнеса. Последний концентрируется на отрасли как единице анализа; отрасль, в свою очередь, включает конкурентов, поставщиков и клиентов [10]. Экосистемный подход, помимо этого, вводит в анализ инфраструктуру отраслей и рынков, поддерживающие и обслуживающие организации, лидеров и работников, представляющих различные интересы, а также воздействие нерыночных сил [8].

Неэффективность существовавших в развитых странах подходов к отраслевой поддержке быстрорастущих фирм, включая создание благоприятной среды для бизнеса и целевое финансирование, привели к широкому использованию экосистемного подхода, утверждающего, что бизнес может активно развиваться лишь в определенных типах поддерживающей среды [11]. Первым термин «экосистема» использовал Д. Мур в 1993 г., отмечая значимость взаимодействия фирмы с окружающей средой (поставщиками, клиентами, финансирующими организациями) [12]; в динамичных экосистемах вновь создаваемые бизнесы получают лучшие условия для роста и со-

здания новых рабочих мест по отношению к фирмам, расположенным в регионах с неразвитыми экосистемами [10].

Возникновению концепции предпринимательской экосистемы предшествовали исследования роли социальных, культурных и институциональных факторов, способствующих формированию успешных региональных кластеров [13]. В их создании решающую роль играют неторговые зависимости (англ. *untraded interdependencies*), выраженные в форме неформальных правил и шаблонов поведения, координирующих действия экономических субъектов региона в условиях неопределенности [14], а также создаваемые в регионе знания и системы их трансфера [15–17], осуществляемые, в том числе, через личные неформальные контакты и сетевые взаимодействия [18].

В настоящее время концепция предпринимательской экосистемы является зонтичной и охватывает, скорее, «множество различных точек зрения на географию предпринимательства, а не целостную теорию о возникновении устойчивых сообществ предпринимателей в области технологий» [7, с. 50]. Это приводит к неблагоприятной тенденции, распространенной среди политиков всего мира, к заимствованию «лучших практик» успешных экосистем без учета основных местных экономических и культурных особенностей, от которых зависит успех копируемых предпринимательских экосистем [19].

Одна из первых работ, обосновывающих концепцию предпринимательской экосистемы, принадлежит Д. Айзенбергу, который систематизировал примеры «прорывов» национальных экономик (Руанда, Чили, Израиль, Исландия) на базе успешного предпринимательства и пришел к выводу, что все эти случаи объединены наличием гармоничной среды, сформированной правительствами, внутри которой предприниматели получают доступ к человеческим и финансовым ресурсам, новым технологиям, включены в тесные горизонтальные связи социального капитала, а государственная политика направлена на поощрение и защиту бизнеса [20]. Айзенберг отмечает, что различия между успешной и неуспешной экосистемами проистекают из истинных

Таблица 1 – Синтез основных работ, посвященных устойчивому развитию предпринимательских экосистем [21]

Table 1 – Synthesis of major works on sustainable development of entrepreneurial ecosystems [21]

Автор	Теория	Методология	Результаты
Isenberg (2010) [20]	Экосистемный подход	Концептуальная	Шесть областей экосистемы: политика; финансы; культура; опоры; человеческий капитал; рынки
Cohen (2006) [22]	Экосистемный подход	Концептуальная	Семь компонентов экосистемы: неформальные сети; формальные сети; университеты; правительство; профессиональные организации и службы поддержки; поставщики капитала; кадровый резерв
Stam (2015) [23]	Системный подход	Концептуальная	Сети; лидерство; финансы; кадры; источники знаний; предоставление услуг / посредничество; организации, формирующие спрос; физическая инфраструктура; культура; формальные институты
Spigel (2015) [7]	Конфигурационный подход	Количественное сравнительное исследование	Три атрибутивных категории: культурная, социальная, материальная
Stangler and Bell-Masterson (2015) [24]	Теория сетей	Концептуальная	Измерения экосистемы: плотность; подвижность; возможность подключения к сети новых участников; разнообразие

намерений государства (часто защита и развитие предпринимательства являются лишь декоративными целями), а также корректного целеполагания, основанного на хорошем понимании национальных особенностей, преимуществ и ограничений [20].

К настоящему времени разработано достаточное число моделей, описывающих предпринимательские экосистемы. Однако, как отмечается в работе Теодораки и др. [21], в современной литературе, посвященной вопросам формирования предпринимательских экосистем, нет единообразного понимания составляющих элементов, и единого подхода к их анализу (табл. 1).

Как замечает Б. Шпигель, существующие в научной и профессиональной бизнес-литературе подходы к определению и моделированию предпринимательских экосистем различаются по методологическим основаниям: они могут ассоциироваться с кластерным развитием, инновационными системами, экономической географией, социальным капиталом и сетевыми взаимодействиями. Несмотря на это, в основе всех подходов лежит объединяющая их идея о том, что значимые определяющие успех и конкурентоспособность предпринимательского проекта факторы находятся за пределами фирмы, но внутри региона, и могут быть сведены к трем группам ресурсов:

1) общие культурные договоренности и институциональная среда, которые облегчают сотрудничество фирм и формализуют обмен

знаниями и мобильность компаний или выступают в качестве барьеров для такого рода деятельности;

2) социальные сети внутри регионов, которые создают пути распространения знаний между фирмами и университетами, помогают распространять информацию о возможностях для предпринимателей и облегчают доступ к источникам финансирования;

3) государственная политика и университеты, которые являются центральным поддерживающим элементом сетей, устраняют институциональные барьеры, формируют человеческий капитал, формируют сетевые мероприятия и создают бизнес-инкубаторы [7, с. 51].

Таким образом, в отличие от кластерного подхода, в рамках которого фирмы получают преимущества, будучи включенными в территориально локализованную производственную цепочку или рынки сбыта, подход предпринимательских экосистем утверждает, что фирма получает преимущества, будучи интегрированной в предпринимательскую сеть региона, открывающую доступ к таким региональным ресурсам предпринимательской деятельности как знания и технологии, сети инвесторов и консультантов, человеческий капитал, государственная поддержка.

Как следует из таблицы 1, исторически исследования предпринимательских экосистем опирались на системный и конфигурационный подходы, которые расширили представ-

Таблица 2 – Элементы комплексного индекса качества региональной предпринимательской экосистемы³

Table 2 – Elements of a comprehensive quality index of a regional entrepreneurial ecosystem

Сфера оценки	Используемые измерители
Поддержка предпринимательской культуры	Совокупное количество религиозных, гражданских, предпринимательских, политических, профессиональных, трудовых, спортивных ассоциаций на душу населения; средняя явка избирателей на выборах; уровень отклика респондентов на переписи населения; число некоммерческих организаций на душу населения
Доступность финансирования	Инвестиции в венчурный капитал на душу населения; ссуды и гранты (включая государственное финансирование), выданные субъектам малого и среднего предпринимательства, на душу населения
Доступность человеческого капитала	Доля людей, имеющих высшее образование, в популяции региона
Инновационный потенциал	Количество выданных патентов в расчете на душу населения
Формальная поддержка	Количество бизнес-инкубаторов, посевных фондов, бизнес-ангелов и иных элементов инфраструктуры в расчете на душу населения

ления о структуре и содержании экосистемы, но, ввиду комплексности, не позволяли ввести измерения для ее компонент и эффективности. Для преодоления этого разрыва Станглер и Белл-Мастерсон [24] предложили рассматривать предпринимательскую экосистему как сеть (англ. *network*). Сеть может быть определена как набор узлов (англ. *nodes*), состоящих из людей или организаций, связанных определенными типами социальных отношений, такими как дружба, сотрудничество, формальные контакты [25]. Этот подход делает центральным элементом предпринимательской экосистемы социальный капитал (англ. *social capital*), ведь именно сетевые взаимодействия позволяют предпринимателям его создавать, поддерживать и использовать [26; 27].

В зависимости от того, насколько прочны связи между атрибутами (элементами) предпринимательской экосистемы, насколько эти элементы сочетаются между собой и дополняют друг друга, доступ к каким ресурсам, какого объема и качества они предоставляют, региональные предпринимательские экосистемы становятся более или менее привлекательными относительно друг друга, а также для различных видов бизнеса. Это, в свою очередь, определяет межрегиональную и межстрановую мобильность предпринимателей и инвесторов и оказывает дальнейшее воздействие на формирование государственной политики в области поддержки предпринимательства [28]. Такой подход позволил S. Vedula и P. Kim сконструировать индекс качества реги-

ональной предпринимательской экосистемы (англ. *regional entrepreneurial ecosystem quality index*), основанный на пяти контекстных измерителях: (1) предпринимательской культуре, (2) доступности финансирования, (3) человеческом капитале, (4) инновационном потенциале и (5) качестве и организации формальной поддержки. Для его оценки авторы использовали перечень показателей по каждой измеряемой сфере (табл. 2), провели факторный анализ главных компонент чтобы создать единый стандартизованный, изменяющийся во времени фактор.

Данные и методика исследования

Оценка влияния качества региональной предпринимательской экосистемы на развитие цифровой экономики в регионах России проводилась в несколько этапов. На первом этапе методика построения комплексного индекса качества региональной предпринимательской экосистемы [28] была адаптирована нами под особенности российского статистического наблюдения и дополнена рядом показателей. В частности, предлагаемый в настоящей работе комплексный индекс оценки качества региональной предпринимательской экосистемы состоит из четырех субиндексов – поддержки предпринимательской культуры, финансовой поддержки, человеческого капитала, инноваций (табл. 3).

В структуру индекса не был включен субиндекс формальной поддержки; несмотря на его важность, на систематической основе в Рос-

³Составлено автором на основе [28].

Таблица 3 – Состав комплексного индекса качества региональной предпринимательской экосистемы (адаптация для РФ с авторскими дополнениями)

Table 3 – Composition of the integrated quality index of the regional entrepreneurial ecosystem (adaptation for the Russian Federation with copyright additions)

Субиндекс	Составляющие субиндекс элементы (частные индексы, ЧИ)	Статистический показатель, с использованием которого рассчитывался частный индекс	Источник данных
Субиндекс поддержки предпринимательской культуры	ЧИ малого и среднего предпринимательства	Среднегодовое число малых и средних предприятий на 1 000 чел. постоянного населения	Федеральная налоговая служба РФ
	ЧИ некоммерческих организаций	Среднегодовое число некоммерческих организаций на 1 000 чел. постоянного населения	Росстат
	ЧИ активности избирателей	Явка избирателей на выборы Президента РФ	Центризбирком РФ
Субиндекс финансовой поддержки	ЧИ инвестиций в основной капитал	Инвестиции в основной капитал в расчете на душу населения	Росстат
	ЧИ государственного финансирования	Сумма государственной финансовой поддержки субъектам малого и среднего предпринимательства на душу населения, включая прямые субсидии из федерального бюджета, гарантированное финансирование через микрофинансовые организации, суммы кредитов, выданных через гарантийные фонды	Росстат, Минэкономразвития РФ
Субиндекс человеческого капитала	ЧИ уровня образования	Среднее накопленное занятым населением региона число лет обучения	Росстат
	ЧИ уровня доходов	Среднедушевой месячный доход	Росстат
	ЧИ обучения	Число студентов, обучающихся в государственных учебных заведениях по программам среднего и высшего образования, на 10 000 чел. постоянного населения	Росстат
Субиндекс инноваций	ЧИ исследовательского персонала	Численность персонала, занятого исследованиями и разработками, на 10 000 чел. постоянного населения	Росстат
	ЧИ внутренних затрат на исследования и разработки	Внутренние затраты на исследования и разработки на душу населения	Росстат
	ЧИ результативности по патентам	Число выданных патентов на изобретения и полезные модели 10 000 чел. населения	Росстат
	ЧИ результативности по инновационной продукции	Объем инновационных товаров на душу населения	Росстат

сийской Федерации информация о числе бизнес-инкубаторов, занимаемых ими площадях, количестве занятого персонала обобщается с 2017 г., при этом данные по трети регионов в статистике до сих пор отсутствуют. При организации регулярных статистических наблюдений за этими параметрами комплексный индекс целесообразно дополнить субиндексом формальной поддержки. Каждый из субиндексов был вычислен как среднее геометрическое от частных индексов, характеризующих соответствующую сферу. Например, субиндекс поддержки предпринимательской культуры включал частные индексы: малого и среднего предпринимательства; некоммерческих организаций; активности избирателей.

Для построения частных индексов абсолютные измерители были нормализованы по

кругу наблюдаемых значений (для 87 субъектов Российской Федерации) при помощи формулы:

$$I_j = \frac{x_i - x_{min}}{x_{max} - x_{min}}, \quad (1)$$

где I_j – частный индекс j ; x_i – абсолютное значение соответствующего показателя для наблюдаемого региона i ; x_{min} , x_{max} – минимальное и максимальное значения соответствующего показателя для совокупности наблюдаемых регионов.

При расчете частного индекса доходов (I_{Δ_i}), который является элементом субиндекса человеческого капитала, применялось логарифмирование с тем, чтобы учесть принцип убывающей полезности доходов [29]:

$$ИД_i = \frac{\ln x_i - \ln x_{min}}{\ln x_{max} - \ln x_{min}}, \quad (2)$$

где x_i – среднедушевой месячный доход в регионе i ; x_{min} , x_{max} – минимальный и максимальный размер среднедушевого месячного дохода в совокупности наблюдаемых регионов.

Авторские дополнения были сделаны в отношении частного индекса образования $ИО_i$, который является элементом субиндекса человеческого капитала. Он рассчитывается по формуле:

$$ИО_i = \frac{y_i - y_{min}}{y_{max} - y_{min}}, \quad (3)$$

где y_i – средневзвешенное число лет обучения работников, занятых во всех видах экономической деятельности в регионе i ; y_{min} – минимальное число лет образования, которое может иметь работник, занятый в отрасли⁴; y_{max} – максимальное число лет образования, которое может иметь работник, занятый в отрасли⁵.

В соответствии с подходом А.В. Корицкого [30], средневзвешенное число лет обучения работников определяется как средневзвешенное по доле занятых с соответствующим уровнем образования число лет обучения:

$$y_i = \sum_j ЧЛО_j \cdot w_{ij}, \quad (4)$$

где $ЧЛО_j$ – число лет обучения для образования соответствующего уровня (j)⁶; w_{ij} – доля занятых в регионе i , имеющих образование уровня j .

Таким образом, каждый из частных индексов может принимать значения в диапазоне от 0 до 1, где значение 0 присвоено региону с худшим наблюдаемым показателем (например, наименьшим среднедушевым доходом), 1 – с наилучшим. Поскольку для расчета

субиндекса применялась средняя геометрическая частных индексов, значения субиндексов для отдельных регионов также могли принимать нулевые значения.

При агрегировании субиндексов в комплексный индекс качества региональной предпринимательской экосистемы применялась средняя арифметическая. Это позволило получить для каждого из регионов значения комплексного индекса, отличные от нуля, что позволило произвести последующую статистическую обработку показателя. Частные индексы, субиндексы, комплексный индекс качества региональной предпринимательской экосистемы были рассчитаны по официальным статистическим данным 2018 г. для всех субъектов Российской Федерации.

На втором этапе исследования для каждого региона был вычислен показатель валовой добавленной стоимости (ВДС) сектора цифровой экономики в расчете на душу населения. При отборе секторов учитывались ограничения региональной статистики национальных счетов. Так, в региональном разрезе публикуется информация о ВДС лишь на уровне разделов общероссийского классификатора видов экономической деятельности (ОКВЭД), в то время как на национальном уровне эта информация детализируется по группам и отдельным кодам экономической деятельности. Таким образом, нами использовались данные о ВДС по разделам: *J* «деятельность в области информации и связи», *K* «деятельность финансовая и страховая», *M* «деятельность профессиональная и научно-техническая». Этот подход позволяет с высокой степенью вероятности идентифицировать собственно ИКТ-сектор, а также услуги (банкинг, страхование, учет, онлайн-платежи), реализуемые преиму-

⁴За минимальное число лет образования принят показатель «4», обычно такое число лет обучения приписывается категории работников, не имеющих образования. Этот подход отличается от принятого в методике оценки ИЧР, где минимальным значением является 0. Последнее обусловлено тем фактом, что ИЧР рассчитывается для нации, в которую включаются дети, не имеющие образования. Это компенсируется включением в индекс образования индекса ожидаемой продолжительности обучения, который в наших расчетах отсутствует, поскольку мы характеризуем образование действующих сотрудников, а не популяция в целом.

⁵За максимальное число лет образования принят показатель «16», обычно приписываемый специалистам с высшим образованием.

⁶В соответствии с общепринятым подходом (см., напр., [30]), число лет образования для соответствующего уровня обучения составило: для высшего образования – 16 лет, для неоконченного высшего – 14 лет, для среднего специального – 13 лет, начального профессионального – 12 лет, среднего общего – 11 лет, неполного среднего – 9 лет, начального и ниже – 4 года.

щественно в цифровой среде. Он не позволяет оценить долю услуг реального сектора, осуществляемую при помощи сетей: например, сюда не включены телемедицина и онлайн-образование, часть интернет-торговли реальными товарами, услуги фитнес-индустрии, реализуемые через интернет. Соответственно, размер цифровых секторов регионов, оцененный по предлагаемой методике, представляется нам заниженным по отношению к его реальным размерам, но, в то же время представляет собой достаточно надежный и достоверный способ оценки.

На третьем этапе исследования нами проведен корреляционный анализ показателей для оценки тесноты связи между результатом – размером цифрового сектора регионов России – и влияющими на него факторами – субиндексами, составляющими комплексный индекс качества региональной предпринимательской экосистемы.

На четвертом этапе мы провели иерархическую кластеризацию российских регионов по двум параметрам – размеру цифрового сектора региональной экономики и комплексному индексу качества региональной предпринимательской экосистемы на основе квадрата евклидова расстояния. Все необходимые расчеты были проведены с применением программного продукта *IBM SPSS Statistic*.

Результаты

и основные выводы исследования

Оценка значения ВДС цифрового сектора в расчете на душу населения региона показала существенный разброс значений: разрыв максимального (233,47 тыс. руб. в г. Москве) и минимального (3,6 тыс. руб. в Республике Ингушетия) значений составил 648 %. В оценке этого показателя выявлены три статистически аномалии – его значения для г. Москвы, г. Санкт-Петербурга (107,81 тыс. руб.), Тюменской области без учета автономных округов (92,6 тыс. руб.) более чем в два раза превосходят значения следующих десяти лидирующих регионов.

Комплексный индекс качества региональной предпринимательской экосистемы (рис. 1) обладает не меньшей амплитудой: при возможных изменениях от 0 (наихудшее возможное значение) до 1 (наилучшее возможное значение) он варьирует от 0,4727 (Ямало-Ненецкий автономный округ) до 0,0462 (Республика Ингушетия). В таблице 4 приводится выборка десяти регионов с наилучшими и десяти регионов с наихудшими значениями показателей. Очевидно, что состав регионов, отличающихся лучшими и худшими значениями обоих показателей в значительной степени стабилен: в первой группе это семь регионов, во второй – шесть. Кроме того, замет-

Рисунок 1 – Распределение регионов РФ по индексу качества региональной предпринимательской экосистемы
Figure 1 – Distribution of Russian regions by the quality index of the regional entrepreneurial ecosystem

Таблица 4 – Выборка регионов с наилучшими и наихудшими значениями показателей развития цифрового сектора и качества предпринимательской экосистемы

Table 4 – A sample of regions with the best and worst values of indicators of the development of the digital sector and the quality of the entrepreneurial ecosystem

ВДС цифрового сектора на душу населения, тыс. руб.		Комплексный индекс качества региональной предпринимательской экосистемы	
Регион	Значение	Регион	Значение
<i>Наилучшие значения</i>		<i>Наилучшие значения</i>	
г. Москва	233,47	Ямало-Ненецкий автономный округ	0,4727
г. Санкт Петербург	107,81	Чукотский автономный округ	0,3996
Тюменская область без АО	92,66	Ханты-Мансийский АО – Югра	0,3983
Тюменская область	59,26	Магаданская область	0,3878
Ненецкий автономный округ	55,62	Республика Адыгея	0,3846
Нижегородская область	44,10	г. Москва	0,3670
Чукотский автономный округ	42,62	Ненецкий автономный округ	0,3636
Новосибирская область	41,73	Тюменская область	0,3608
Магаданская область	40,71	Камчатский край	0,3546
Ямало-Ненецкий автономный округ	39,97	Республика Карелия	0,3500
<i>Худшие значения</i>		<i>Худшие значения</i>	
Еврейская автономная область	9,36	Республика Мордовия	0,1632
Республика Калмыкия	9,14	Краснодарский край	0,1597
Республика Алтай	9,03	Алтайский край	0,1544
Республика Северная Осетия - Алания	7,24	Республика Хакасия	0,1444
Кабардино-Балкарская Республика	6,39	Кабардино-Балкарская Республика	0,1441
Республика Тыва	6,39	Карачаево-Черкесская Республика	0,1349
Карачаево-Черкесская Республика	5,46	Республика Калмыкия	0,1290
Республика Дагестан	5,29	Республика Тыва	0,0986
Чеченская Республика	4,14	Чеченская Республика	0,0982
Республика Ингушетия	3,60	Республика Ингушетия	0,0462

на зависимость между «попаданием» региона в группу лидеров или аутсайдеров и его финансовым положением. Лидирующие позиции занимают, как правило, субъекты Федерации, имеющие наибольший ВРП, являющиеся донорами для финансовой системы РФ, преимущественно – ресурсной специализации. Здесь особое внимание нужно обратить на Новосибирскую и Нижегородскую области, которые, не обладая высоким финансированием и господдержкой, не входя в лидеры по качеству предпринимательских экосистем, все-таки добились высоких результатов в формировании цифрового сектора.

В группу аутсайдеров, напротив, попадают регионы, выступающие реципиентами и создающие небольшой региональный продукт. Тем не менее, Краснодарский край, республики Хакасия и Мордовия, Алтайский край, не обладая развитыми предпринимательскими экосистемами, поддерживают достаточный размер цифрового сектора: они не вошли в число аутсайдеров.

В таблице 5 представлены результаты корреляционного анализа. Связь между комплексным индексом и размером цифрового сектора регионов является слабой. Наблюдается средняя сила связи между развитием цифрового сектора в регионах и его человеческим капиталом, преимущественно – уровнем образования и среднедушевыми доходами. Можно предположить, что цифровой сектор стимулируется образованным населением с достаточно высокими доходами, создающим спрос на цифровые продукты и услуги.

Однако, гипотеза о наличии причинно-следственных связей нуждается в дополнительном исследовании. Следует отметить отсутствие связи между развитием сектора малого и среднего предпринимательства, уровнем государственного финансирования, инновационностью региональной экономики и размерами ее цифрового сектора. Вероятно, это объясняется спецификой цифровых товаров и услуг, движение которых между регионами и странами почти не имеет границ.

Таблица 5 – Линейный коэффициент корреляции Пирсона для показателя ВДС цифрового сектора
Table 5 – Linear Pearson correlation coefficient for the GVA indicator of the digital sector

Субиндекс, частный индекс	Знач.
Частный индекс малого и среднего предпринимательства	0,1973
Частный индекс некоммерческих организаций	-0,0075
Частный индекс активности избирателей	-0,1382
Субиндекс поддержки предпринимательской культуры	0,0432
Частный индекс инвестиций в основной капитал	0,2373
Частный индекс государственного финансирования	0,0553
Субиндекс финансовой поддержки	0,2839
Частный индекс уровня образования	0,4758
Частный индекс уровня доходов	0,5698
Частный индекс обучения	0,2937
Субиндекс человеческого капитала	0,5597
Частный индекс исследовательского персонала	-0,0262
Частный индекс внутренних затрат на исследование и разработки	-0,0704
Частный индекс результативности по патентам	-0,0282
Частный индекс результативности по инновационной продукции	0,0267
Субиндекс инноваций	-0,0126
Комплексный индекс качества региональной предпринимательск. экосистемы	0,4086

Кластерный анализ был проведен для выявления групп регионов, обладающих похожими типами связи между качеством предпринимательских экосистем и размерами цифрового сектора. Учитывая три региона с аномальными значениями подушевой ВДС цифрового сектора, кластеризация была проведена с учетом и без учета статистических выбросов. Характер рассеивания показателей при этом существенно изменялся (рис. 2).

Кластерный анализ, проведенный для всех регионов России, показал, что субъекты Федерации, имеющие аномальные значения ВДС цифрового сектора на душу населения, образуют отдельные кластеры, даже если их число будет сокращено до трех⁷. Таким образом, первоначальная кластеризация доказала целесообразность исключения трех рассматриваемых регионов из дальнейшего анализа.

⁷Трехкластерная модель с включением статистических выбросов предполагает, что первый кластер образован единственным субъектом – г. Москвой, во второй входят г. Санкт-Петербург и Тюменская область, в третий – остальные 84 региона.

Это оправдано и с точки зрения особенной роли данных субъектов в экономике России. Так, высокие значения ВДС связаны с особенностями формирования показателя: столичный статус позволяет Москве и отчасти Петербургу концентрировать потоки налоговых доходов, выплат персоналу, прибыли за счет крупного бизнеса, зарегистрированного в этих городах и реализующего продукцию через центральные подразделения. Это приводит к выводу добавленной стоимости из регионов, в которых действуют производственные подразделения, в столичные регионы, замыкающие сбытовые цепочки. Данный фактор формирует и очевидные диспропорции в индексах: человеческий капитал здесь существенно выше по причине существенно отклоняющейся от средней по стране заработной платы, а индекс обучения высок из-за концентрации в столичных городах учебных заведений. Аномальный статус Тюменской области, по-видимому, объясняется иными, не столь очевидными, причинами, кроме того, он может быть обусловлен не выявленными погрешностями статистических данных.

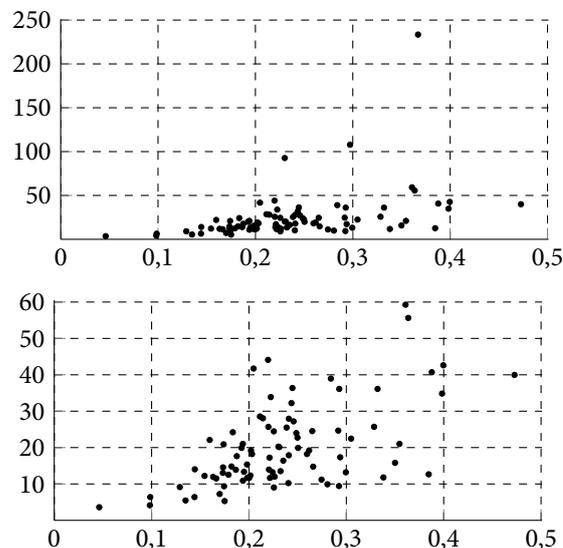

Рисунок 2 – Диаграммы рассеивания для всех регионов России (вверху) и для регионов, кроме г. Москвы, Санкт-Петербурга, Тюменской области (без автономных округов) (внизу)

Figure 2 – Scatter diagrams for all regions of Russia (top) and for regions except Moscow, St. Petersburg, Tyumen region (without autonomous districts) (bottom)

Таблица 6 – Результаты иерархического кластерного анализа регионов России по значениям комплексного индекса качества предпринимательской экосистемы и размера сектора цифровой экономики

Table 6 – The results of hierarchical cluster analysis of Russian regions according to the values of the complex index of the quality of the entrepreneurial ecosystem and the size of the digital economy sector

Кластер	1	2	3	4
Среднее значение комплексного индекса качества предпринимательской экосистемы	0,23	0,20	0,31	0,36
Среднее значение ВДС сектора цифровой экономики на душу населения, тыс. руб.	19,67	9,60	38,14	57,44
Число регионов, включенных в кластер	44 ⁸	26 ⁹	12 ¹⁰	2 ¹¹

В таблице 6 приведены результаты иерархического кластерного анализа. В первый, самый многочисленный, кластер вошли регионы, характеризующиеся средними значениями показателей. Эти субъекты Федерации обладают существенным потенциалом как в части развития цифрового сектора, так и в сфере совершенствования региональных предпринимательских экосистем. Вообще, в каждом отдельном случае предпринимательскую экосистему региона целесообразно анализировать в рамках сетевого подхода, выявляя основные ограничения, слабость и нерегулярность связей, рассогласованность и неплотность сетей.

Во второй кластер включены проблемные регионы, характеризующиеся, с одной стороны, невысокими размерами цифрового сектора, с другой – низким качеством предпринимательских экосистем. Вероятно, эти регионы находятся на стартовой точке цифровизации и нуждаются в специальных стимулах, позволя-

ющих нарастить потенциал роста, возможно, за счет поддержки, исходящей из традиционных секторов.

Третий кластер объединяет регионы-драйверы цифрового роста. С одной стороны, они обладают хорошими финансовыми возможностями для цифрового роста, являясь лидерами по региональному продукту. С другой стороны, эти субъекты Федерации отличаются качественными предпринимательскими экосистемами с сильными университетами и научными организациями, генерирующими инновации, высоким качеством человеческого капитала, плотными горизонтальными сетевыми связями и развитым социальным капиталом. Эти регионы нуждаются в дальнейшей поддержке для сохранения темпов развития цифрового сектора, механизмы которого могут быть изучены и заимствованы регионами, входящими в первый и второй кластеры.

Четвертый кластер включает два ресурсных региона-донора, обладающих, в первую очередь, значительными финансовыми ресурсами, дающими им серьезное преимущество в обеспечении цифрового роста. В то же время высокие значения ВДС цифрового сектора показывают, что эти субъекты Федерации смогли использовать данные преимущества наилучшим образом.

Заключение

Проведенное исследование выявило связь качества предпринимательских экосистем регионов с развитием регионального сектора цифровой экономики. В наибольшей степени на цифровой рост регионов влияет уровень жизни населения, выраженный в показателе среднедушевого дохода, а также качество человеческого капитала, измеренное через образовательный ценз работающего населения.

⁸Области: Белгородская, Владимирская, Воронежская, Ивановская, Калужская, Костромская, Липецкая, Рязанская, Смоленская, Тверская, Тульская, Ярославская, Архангельская (с округами и без них), Калининградская, Вологодская, Ленинградская, Мурманская, Новгородская, Волгоградская, Оренбургская, Пензенская, Саратовская, Ульяновская, Челябинская, Иркутская, Кемеровская, Омская, Амурская Ростовская. Республики: Карелия, Коми, Башкортостан, Марий Эл Удмуртская, Хакасия, Чувашская, Саха (Якутия). Край: Краснодарский, Пермский, Красноярский, Камчатский, Приморский, Хабаровский.

⁹Области: Брянская, Курская, Орловская, Тамбовская, Псковская, Астраханская, Кировская, Курганская. Республики: Адыгея, Калмыкия, Крым, Дагестан, Ингушетия, Кабардино-Балкарская, Карачаево-Черкесская, Чеченская Северная Осетия – Алания, Мордовия, Алтай, Тыва, Бурятия. Край: Алтайский, Ставропольский, Забайкальский. Еврейская автономная область. Г. Севастополь.

¹⁰Области: Московская, Нижегородская, Самарская, Свердловская, Новосибирская, Томская, Магаданская, Сахалинская. Республика Татарстан. Автономные округа: Ханты-Мансийский – Югра, Ямало-Ненецкий, Чукотский.

¹¹Ненецкий автономный округ, Тюменская область (с округами).

Более половины регионов России занимают среднее положение как по развитию цифрового сектора, так и по качеству предпринимательских экосистем. В число лидирующих регионов входят, в первую очередь, регионы ресурсной специализации, создающие основную часть национального продукта. Однако настоящими драйверами цифрового развития могут стать субъекты РФ, обладающие высоким социальным и человеческим капиталом, значительной инновационной активностью при

средних финансовых возможностях: Республика Татарстан, Нижегородская, Самарская, Свердловская, Новосибирская и Томская области. Здесь созданы качественные предпринимательские экосистемы, формирующие задел для цифрового роста. Очевидно, что опыт этих регионов нуждается в более детальном изучении, основанном не столько на статистических сопоставлениях, сколько на исследовании кейсов успешных проектов и предпринимательских сетей.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ганичев Н.А., Кошовец О.Б. (2020). Как почитать цифровую экономику: между реальностью и конструкцией // ЭКО. № 2. С. 8–36. DOI: 10.30680/ЕСО0131-7652-2020-2-8-36.
2. Plaksin S., Abdrakhmanova G., Kovaleva G. (2016). Approaches to Defining and Measuring Russia's Internet Economy, *Foresight and STI Governance*, vol. 10, no. 4, pp. 7–24. DOI: 10.17323/2500-2597.2017.1.55.65.
3. Бухт Р., Хикс Р. (2018). Определение, концепция и измерение цифровой экономики // Вестник международных организаций. Т. 13. № 2. С. 143–172. DOI: 10.17323/1996-7845-2018-02-07.
4. Kuvayeva Yu.V. (2019). Digital economy: Concepts and Russia's readiness to transition // Известия Уральского государственного экономического университета. Т. 20. № 1. С. 25–40. DOI: 10.29141/2073-1019-2019-20-1-3.
5. Watanabe C., Naveed K., Tou Y., Neittaanmäki P. (2018). Measuring GDP in the digital economy: Increasing dependence on uncaptured GDP, *Technological Forecasting and Social Change*, vol. 137, pp. 226–240. DOI: 10.1016/j.techfore.2018.07.053.
6. Ferras-Hernandez X., Nylund P. A. (2019). Clusters as Innovation Engines: The Accelerating Strengths of Proximity, *European Management Review*, vol. 16, iss. 1, pp. 37–53. DOI: 10.1111/emre.12330.
7. Spigel B. (2015). The Relational Organization of Entrepreneurial Ecosystems, *Entrepreneurship Theory and Practice*, no. 41 (1), pp. 49–72. DOI: 10.1111/etap.12167.
8. Bloom P. N., Dees J. G. (2008). Cultivate your Ecosystem, *Stanford Social Innovation Review*, Winter, pp. 47–53.
9. Audretsch D., Mason C., Miles M. P., O'Connor A. (2018). The dynamics of entrepreneurial ecosystems, *Entrepreneurship & Regional Development*, vol. 30, no. 3-4, pp. 471–474. DOI: 10.1080/08985626.2018.1436035.
10. Porter M. E. (1980). *Competitive Strategy: Techniques for Analyzing Industries and Competitors*. New York, The Free Press, 396 p.
11. Mason C., Brown R. (2013). Creating good public policy to support high growth firms, *Small Business Economics*, no. 40, pp. 211–225.
12. Moore J. (1993) Predators and Prey: A New Ecology of Competition, *Harvard Business Review*, no. 71 (3), pp. 75–86.
13. Saxenian A. (1994). Regional Competitive Advantage: culture and competition in Silicon Valley and Route 128. Cambridge, Harvard University Press, 240 p.
14. Storper M. (1995). The resurgence of regional economies ten years later: the region as a nexus of untraded interdependencies, *European Urban and Regional Studies*, no. 2 (3), pp. 191–221.
15. Ashheim B. T. (1996). Industrial districts as 'learning regions': a condition for prosperity, *European Planning Studies*, no. 4 (1), pp. 379–400.
16. Keeble D., Wilkinson F. (1999). Collective Learning and Knowledge Development in the Evolution of Regional Clusters of High Technology SMEs in Europe, *Regional Studies*, no. 33 (4), pp. 295–303.
17. Lundvall B. A. (2007). National Innovation Systems – Analytical Concept and Development Tool, *Industry and Innovation*, no. 14, pp. 95–119.
18. Bathelt H., Malmberg A., Maskell P. (2004). Clusters and knowledge, local buzz, global pipelines and the process of knowledge creation, *Progress in Human Geography*, no. 28 (1), pp. 31–56.
19. Harrison R.T., Leitch C. (2010). Voodoo institution or entrepreneurial university? Spin-off companies, the entrepreneurial system and regional development in the UK, *Regional Studies*, no. 44 (9), pp. 1241–1262.
20. Isenberg D. (2010). The Big Idea: How to

Start an Entrepreneurial Revolution, *Harvard Business Review*, June, pp. 1–12.

21. Theodoraki C., Meseghem K., Rice M. P. (2018). A social capital approach to the development of sustainable entrepreneurial ecosystems: an explorative study, *Small Business Economics*, no. 51 (1), pp. 153–170. DOI: 10.1007/s11187-017-9924-0.

22. Cohen B. (2006). Sustainable valley entrepreneurial ecosystems, *Business Strategy and the Environment*, no. 15 (1), pp. 1–14.

23. Stam E. (2015). Entrepreneurial ecosystems and regional policy: a sympathetic critique, *European Planning Studies*, no. 23 (9), pp. 1759–1769.

24. Stangler D., Bell-Masterson J. (2015). Measuring an entrepreneurial ecosystem. Kansas City, Kauffman Foundation Research Series on City, Metro, and Regional Entrepreneurship. URL: <https://www.kauffman.org/wp-content/uploads/2020/05/Measuring-an-Entrepreneurial-Ecosystem.pdf> (accessed 14.09.2020).

25. Laumann E. O., Galaskiewicz J., Marsden P. V. (1978). Community structure as interorganizational linkages, *Annual Review of Sociology*, no. 4 (1), pp. 455–484.

26. Климанова А.Р. (2019). Оценка влияния социального капитала на предпринимательскую активность в российских регионах // Актуальные проблемы экономики и права. Т. 13. № 1. С. 966–980. DOI: 10.21202/1993-047X.13.2019.1.966-980.

27. De Carolis D. M., Saporito P. (2006). Social capital, cognition, and entrepreneurial opportunities: a theoretical framework, *Entrepreneurship Theory and Practice*, no. 30 (1), pp. 41–56.

28. Vedula S., Kim P. H. (2019). Gimme shelter or fade away: the impact of regional entrepreneurial ecosystem quality on venture survival, *Industrial and Corporate Change*, no. 28 (4), pp. 1–28. DOI: 10.1093/icc/dtz032.

29. Земяк Е.Ф., Богданова М.С., Лучшева В.В. (2019). Компонента «достойный уровень жизни» индекса человеческого развития. Международный журнал гуманитарных и естественных наук. Т. 7. № 1. С. 188–192.

30. Корицкий А.В. (2010). Человеческий капитал как фактор экономического роста регионов России. Новосибирск: Сибирский университет потребительской кооперации. 368 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Самусенко Светлана Анатольевна – кандидат экономических наук, доцент; Сибирский федеральный университет (660041, Россия, Красноярск, пр-кт Свободный, 79); Sv_sam@bk.ru.

THE IMPACT OF REGIONAL ENTREPRENEURIAL ECOSYSTEMS QUALITY ON THE DEVELOPMENT OF THE DIGITAL ECONOMY SECTOR IN RUSSIA

S.A. Samusenko^{12a}

^aSiberian Federal University

ABSTRACT:

Digitalization is the main factor in the countries' international competitiveness. The Russian economic growth can be supported by the digital sector expansion in regions with a large historically determined gap in the level of economic development. The digitalization of regions characterized as resource-abundant, old-industrial, agricultural, and depressed could contribute to the high-tech clusters' development in the manufacturing and service sectors. That can become a growth driver in these territories. The influence of the regional projects implementation on the digital economy is determined by the quality of regional entrepreneurial ecosystems more than by their goals, content, and financing.

The entrepreneurial ecosystem concept is a relatively new scientific area formed at the intersection of cluster theory and the theory of regional innovation systems. It explains the success of the regional industrial clusters' development through a business-friendly environment.

The basic hypothesis of the study is the influence of the regional entrepreneurial ecosystem quality on the size of its digital economy sector. The purpose of the study was to evaluate the dissemination of the

¹²RSCI AuthorID: 340114, ORCID: 0000-0001-6178-592X, ResearcherID: U-4828-2019

digital economy in the Russian regions depending on the quality of regional entrepreneurial ecosystems. Based on data from 87 Russian regions, we assessed the size of regional digital sectors, constructed, and calculated a regional entrepreneurial ecosystems quality index. The correlation analysis results revealed the determining impact of regional population income level and the quality of human capital on digital economy development. Hierarchical cluster analysis based on the squared Euclidean distance identified four groups of regions characterized by different levels of the digital economy development, entrepreneurial ecosystems, as well as the potential and mechanisms of digital growth.

FUNDING: The reported study was funded by the Russian Foundation for Basic Research, Krasnoyarsk Krai Fund of scientific and research and technology activities and the corporation “Yenisey Siberia” in the frames of the project no. 20-410-242907 “Methodological approaches to the development of institutional infrastructure of ‘digital economy’ as the strategic phenomenon of digital ecosystem of Yenisey Siberia”.

KEYWORDS: digital economy, entrepreneurial ecosystem, regional economy, economic growth, ecosystem approach, cluster analysis of regions.

FOR CITATION: Samusenko S.A. (2021). The impact of regional entrepreneurial ecosystems quality on the development of the digital economy sector in Russia, *Management Issues*, no. 2, pp. 32–46.

REFERENCES

1. Ganichev N.A., Koshovets O.B. (2020). How to calculate the digital economy: between reality and construction, *ECO*, no. 2, pp. 8–36. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2020-2-8-36.
2. Plaksin S., Abdrakhmanova G., Kovaleva G. (2016). Approaches to Defining and Measuring Russia’s Internet Economy, *Foresight and STI Governance*, vol. 10, no. 4, pp. 7–24. DOI: 10.17323/2500-2597.2017.1.55.65.
3. Booht R., Hicks R. (2018). Definition, concept and measurement of the digital economy, *Bulletin of international organizations*, vol. 13, no. 2, pp. 143–172. DOI: 10.17323/1996-7845-2018-02-07.
4. Kuvayeva Yu.V. (2019). Digital economy: Concepts and Russia’s readiness to transition, *Journal of the Ural State University of Economics*, vol. 20, no. 1, pp. 25–40. DOI: 10.29141/2073-1019-2019-20-1-3.
5. Watanabe C., Naveed K., Tou Y., Neittaanmäki P. (2018). Measuring GDP in the digital economy: Increasing dependence on uncaptured GDP, *Technological Forecasting and Social Change*, vol. 137, pp. 226–240. DOI: 10.1016/j.techfore.2018.07.053.
6. Ferras-Hernandez X., Nylund P. A. (2019). Clusters as Innovation Engines: The Accelerating Strengths of Proximity, *European Management Review*, vol. 16, iss. 1, pp. 37–53. DOI: 10.1111/emre.12330.
7. Spigel B. (2015). The Relational Organization of Entrepreneurial Ecosystems, *Entrepreneurship Theory and Practice*, no. 41 (1), pp. 49–72. DOI: 10.1111/etap.12167.
8. Bloom P. N., Dees J. G. (2008). Cultivate your Ecosystem, *Stanford Social Innovation Review*, Winter, pp. 47–53.
9. Audretsch D., Mason C., Miles M. P., O’Connor A. (2018). The dynamics of entrepreneurial ecosystems, *Entrepreneurship & Regional Development*, vol. 30, no. 3-4, pp. 471–474. DOI: 10.1080/08985626.2018.1436035.
10. Porter M. E. (1980). *Competitive Strategy: Techniques for Analyzing Industries and Competitors*. New York, The Free Press, 396 p.
11. Mason C., Brown R. (2013). Creating good public policy to support high growth firms, *Small Business Economics*, no. 40, pp. 211–225.
12. Moore J. (1993) Predators and Prey: A New Ecology of Competition, *Harvard Business Review*, no. 71 (3), pp. 75–86.
13. Saxenian A. (1994). *Regional Competitive Advantage: culture and competition in Silicon Valley and Route 128*. Cambridge, Harvard University Press, 240 p.
14. Storper M. (1995). The resurgence of regional economies ten years later: the region as a nexus of untraded interdependencies, *European Urban and Regional Studies*, no. 2 (3), pp. 191–221.
15. Ashheim B. T. (1996). Industrial districts as ‘learning regions’: a condition for prosperity, *European Planning Studies*, no. 4 (1), pp. 379–400.
16. Keeble D., Wilkinson F. (1999). Collective Learning and Knowledge Development in the Evolution of Regional Clusters of High Technology SMEs in Europe, *Regional Studies*, no. 33 (4), pp. 295–303.
17. Lundvall B. A. (2007). National Innovation

Systems – Analytical Concept and Development Tool, *Industry and Innovation*, no. 14, pp. 95–119.

18. Bathelt H., Malmberg A., Maskell P. (2004). Clusters and knowledge, local buzz, global pipelines and the process of knowledge creation, *Progress in Human Geography*, no. 28 (1), pp. 31–56.

19. Harrison R.T., Leitch C. (2010). Voodoo institution or entrepreneurial university? Spin-off companies, the entrepreneurial system and regional development in the UK, *Regional Studies*, no. 44 (9), pp. 1241–1262.

20. Isenberg D. (2010). The Big Idea: How to Start an Entrepreneurial Revolution, *Harvard Business Review*, June, pp. 1–12.

21. Theodoraki C., Messeghem K., Rice M. P. (2018). A social capital approach to the development of sustainable entrepreneurial ecosystems: an explorative study, *Small Business Economics*, no. 51 (1), pp. 153–170. DOI: 10.1007/s11187-017-9924-0.

22. Cohen B. (2006). Sustainable valley entrepreneurial ecosystems, *Business Strategy and the Environment*, no. 15 (1), pp. 1–14.

23. Stam E. (2015). Entrepreneurial ecosystems and regional policy: a sympathetic critique, *European Planning Studies*, no. 23 (9), pp. 1759–1769.

24. Stangler D., Bell-Masterson J. (2015). Measuring an entrepreneurial ecosystem. Kansas City, Kauffman Foundation Research Series on City, Metro, and Regional Entrepreneurship. URL: <https://www.kauffman.org/wp-content/uploads/2020/05/Measuring-an-Entrepreneurial-Ecosystem.pdf> (accessed 14.09.2020).

5/Measuring-an-Entrepreneurial-Ecosystem.pdf (accessed 14.09.2020).

25. Laumann E. O., Galaskiewicz J., Marsden P. V. (1978). Community structure as interorganizational linkages, *Annual Review of Sociology*, no. 4 (1), pp. 455–484.

26. Klimanova A.R. (2019). Assessment of the impact of social capital on entrepreneurial activity in Russian regions, *Actual problems of the economy and law*, vol. 13, no. 1, pp. 966–980. DOI: 10.21202/1993-047x.13.2019.1.966-980.

27. De Carolis D. M., Saporito P. (2006). Social capital, cognition, and entrepreneurial opportunities: a theoretical framework, *Entrepreneurship Theory and Practice*, no. 30 (1), pp. 41–56.

28. Vedula S., Kim P. H. (2019). Gimme shelter or fade away: the impact of regional entrepreneurial ecosystem quality on venture survival, *Industrial and Corporate Change*, no. 28 (4), pp. 1–28. DOI: 10.1093/icc/dtz032.

29. Zelyak E.F., Bogdanova M.S., Luchsheva V.V. (2019). “Worthy standard of living” as a component of the human development index, *International Journal of Humanitarian and Natural Sciences*, vol. 7, no. 1, pp. 188–192.

30. Koritsky A.V. (2010). Human capital as a factor in the economic growth of the regions of Russia. Novosibirsk, Siberian University of Consumer Cooperation, 368 p.

AUTHORS' INFORMATION:

Svetlana A. Samusenko – Ph.D. of Economic Sciences, Associate Professor; Siberian Federal University (79, Svobodny St., Krasnoyarsk, 660041, Russia); Sv_sam@bk.ru.

ФАКТОРЫ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ ТРУДА РЕСУРСНЫХ И «НЕРЕСУРСНЫХ» РЕГИОНОВ

Т.С. Зимнякова^{1а}

^аСибирский федеральный университет

АННОТАЦИЯ:

Развитие регионов с преимущественно сырьевой специализацией экономики находится под угрозой ресурсной зависимости, которая проявляется в снижении конкурентоспособности обрабатывающих отраслей, ухудшении качества рыночных институтов, зависимости бюджетов всех уровней от колебания цен на добываемый ресурс. Преодоление негативных эффектов требует проведения целенаправленной государственной политики, предполагающей глубокое понимание особенностей экономического развития ресурсной экономики.

Статья посвящена изучению факторов производительности труда ресурсной экономики на региональном уровне. Цель статьи – оценить влияние фондовооруженности и человеческого капитала на динамику производительности труда в ресурсных регионах в сравнении с территориями, не обладающими сырьевой специализацией экономики.

В качестве объекта исследования были выбраны субъекты Российской Федерации, в составе которых присутствуют как ресурсные, так и «нересурсные» регионы. Выборка ресурсных регионов осуществлялась на основе среднего за исследуемый период коэффициента локализации по виду экономической деятельности «Добыча полезных ископаемых». Для анализа факторов производительности труда использовалась производственная функция Кобба-Дугласа. Расчет уравнения линейной регрессии осуществлялся на основе данных Росстата за период с 2011 по 2017 годы, поскольку информация о фактически отработанном времени доступна только с 2011 года.

Проведенные расчеты показали, что фактор фондовооруженности играет ведущую роль как в ресурсных, так и в «нересурсных» регионах, однако в первой группе его вклад существенно выше. Тогда как фактор человеческого капитала имеет незначительное влияние на динамику производительности в модели ресурсных регионов, что свидетельствует о низкой востребованности человеческого капитала в экономике.

Полученные результаты свидетельствуют о наличии угрозы устойчивому развитию ресурсных регионов Российской Федерации. Высокий уровень зависимости экономического роста от инвестиций в добычу полезных ископаемых, поступающих в регион извне, в сочетании с низкой востребованностью образованного населения на территории региона создают риски попадания в ресурсную зависимость.

Стратегической альтернативой может стать целенаправленная политика повышения инклюзии добывающих предприятий в экономику региона. Для этого требуется активное участие региональных властей в разработке лицензионных соглашений с потенциальными природопользователями и формировании требований к добыче полезных ископаемых, отвечающих интересам устойчивого развития территории.

БЛАГОДАРНОСТИ: Проект «Методология анализа факторов роста производительности труда в ресурсных регионах Российской Федерации в условиях перехода на новый путь технологического развития и реализации национального проекта „Производительность труда и поддержка занятости“ (на примере Красноярского края)» проведен при поддержке Красноярского краевого фонда науки.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: ресурсные регионы, производительность труда, фондовооруженность, человеческий капитал, добывающий сектор, ресурсная зависимость экономики.

¹AuthorID РИНЦ: 861933, ORCID: 0000-0001-8480-5399, ResearcherID: F-6071-2019

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Зимнякова Т.С. (2021). Факторы производительности труда ресурсных и «нересурсных» регионов // Вопросы управления. № 2. С. 47–60.

Научный интерес к особенностям развития социально-экономических систем с преимущественно сырьевой специализацией экономики появился в середине прошлого столетия. До этого момента природные ресурсы рассматривались в научном сообществе как неоспоримый фактор экономического роста, но в 70-х годах XX века появились эмпирические свидетельства неблагоприятного влияния ресурсного изобилия на экономическое развитие – так называемый «эффект Гронингена» [1]. Обнаружение газовых месторождений вблизи города Гронинген в Нидерландах в 1959 году не привело к ожидаемому экономическому росту, а в долгосрочном периоде сопровождалось падением производительности труда, повышением уровня безработицы, снижением конкурентоспособности отраслей промышленности, не связанных с добычей [2]. После Нидерландов симптомы «голландской болезни» были зафиксированы в нефтяных государствах Персидского залива, а также в таких странах, как Нигерия, Венесуэла, Мексика [3], Алжир, Эквадор, Тринидад и Тобаго, Индонезия [4]. Эмпирические свидетельства схожести проблем развития «ресурсных» экономик позволили говорить о существовании особой группы объектов исследования – социально-экономических систем, основанных на эксплуатации природных богатств.

Теоретическое объяснение механизма отрицательного влияния ресурсного изобилия на экономическое развитие впервые представили У. Корден и Дж. Нири. Они описали модель трехсекторной открытой экономики, в которой первый сектор, испытывающий бум развития (англ. *booming sector*), подавляет развитие двух других секторов экономики, производящих торгуемый и неторгуемый товар (англ. *trading and non-trading good*) [4]. Таким же образом, по мнению авторов, добывающая промышленность способна сдерживать развитие других отраслей экономики, оттягивая на себя ресурсы и инвестиции. Дальнейшее развитие тематика отрицательного влияния природных богатств получила в работах Дж. Сакса и А. Уорнера о «ресурсном проклятии» [5].

По результатам регрессионного анализа статистических данных об экономическом развитии 95 стран за период с 1970 по 1990 гг. авторы сделали вывод об отрицательном влиянии ресурсного изобилия на экономический рост: государства, в экспорте которых доминировали природные ресурсы, отставали по темпам роста от менее богатых ресурсами стран [5]. Несмотря на существенные недостатки метода исследования, примененного Дж. Саксом и А. Уорнером (в зависимости от выбранного периода времени регрессионный анализ дает разные результаты [6]), тема «ресурсного проклятия» продолжила свое развитие как на национальном [7; 3; 8], так и на региональном уровнях [9–11].

На сегодняшний день накоплен значительный теоретический и эмпирический материал об особенностях социально-экономического развития ресурсных экономик. Систематизация исследований, посвященных экономическим системам сырьевой специализации, позволяет выделить следующие общие черты:

– зависимость бюджета страны или региона от налоговых поступлений добывающего сектора [7; 12]. Известно, что конъюнктура сырьевых рынков отличается высокой волатильностью. В периоды падения цен на экспортируемый ресурс, доходы добывающих компаний падают, вызывая снижение налоговых поступлений в бюджеты всех уровней.

– подавление конкурентоспособности других секторов экономики. Во время подъема цен на добываемый в стране (или регионе) ресурс национальная валюта укрепляется, что ведет к снижению конкурентоспособности обрабатывающей промышленности, издержки которой растут вслед за ростом национальной валюты [2; 7; 13].

– ослабление рыночных институтов. Наличие сверхдоходов от высоких цен на сырье, приводит к рентоориентированному поведению элит (англ. *rent-seeking behavior*), непрозрачному распределению доходов от природной ренты, которое порождает коррупцию в бизнесе и органах государственного управления [9; 14; 15].

– относительная автономность ресурсных отраслей. Сырьевой сектор отличается высокой капиталоемкостью и низкой потребностью в рабочей силе [7]. В результате предприятия сырьевого сектора не формируют взаимосвязи с местной экономикой, оставаясь достаточно автономными: инвестиции и технологии для развития добычи поступают от иностранных государств или из других регионов, а рабочие места создаются в небольших количествах [16]. В этих условиях значительная доля доходов сырьевого сектора изымается из экономики в пользу обслуживания внешних заимствований, на приобретение оборудования, технологий, а также в виде налогов национального уровня [16–18].

Несмотря на выявленные негативные аспекты ресурсных экономических систем, имеются свидетельства положительного влияния обеспеченности природными ресурсами (англ. *resource abundance*) на экономику на национальном [19; 20] и на региональном уровне [10; 21]. Отрицательное воздействие природных богатств на экономическое развитие связывают с состоянием «ресурсной зависимости» (англ. *resource dependence*), которое характеризуется преобладанием добывающего сектора в экономике [22].

Преодоление ресурсной зависимости связывают с качеством институтов и проведением целенаправленной государственной политики в отношении добывающей промышленности, в частности политики диверсификации экономики для выравнивания структурных дисбалансов, вызванных доминированием минерально-сырьевого сектора [23]. Разработка такой политики требует научного обоснования, базирующегося на понимании особенностей социально-экономического развития ресурсной экономики и источников неблагоприятного влияния ресурсного изобилия на экономический рост.

В этой связи представляется актуальным изучение факторов, определяющих динамику производительности труда ресурсных экономических систем. Производительность является одним из показателей качества экономического роста, и понимание закономерностей ее динамики позволяет раскрыть драйверы развития ресурсной экономики. Особый ин-

терес представляет мезоэкономический уровень исследования, поскольку, региональный аспект ресурсной зависимости, в отличие от макроэкономического, изучен менее глубоко. Кроме того, региональный уровень исследования предоставляет возможность анализировать экономические системы с различной специализацией, находящиеся при этом в одинаковых институциональных условиях, в результате чего исключается фактор влияния общенациональных институтов, и становятся более заметными чисто экономические закономерности.

Статья посвящена изучению факторов производительности труда ресурсных регионов. В качестве объекта исследования были выбраны субъекты Российской Федерации с преимущественно сырьевой специализацией экономики. Цель статьи – оценить вклад факторов физического и человеческого капитала в производительность труда ресурсных регионов в сравнении с регионами, не обладающими сырьевой специализацией экономики. Для этого в работе проводится регрессионный анализ модели производительности труда отдельно для регионов, отнесенных к ресурсным, и для прочих субъектов Российской Федерации.

Тема факторов производительности ресурсных социально-экономических систем недостаточно широко освещается в экономической литературе. Большинство исследований посвящено изучению факторов производительности труда без учета специализации экономики и, чаще всего, на макроэкономическом уровне. Относительно ресурсных регионов приводятся свидетельства роста производительности, наблюдаемого при открытии новых месторождений полезных ископаемых, однако не оценивается вклад отдельных факторов производства в этот рост [15]. Либо решается обратная задача: исследуется влияние ресурсной обеспеченности на показатели экономического развития и интенсивность использования отдельных факторов (физического и человеческого капитала) [22]. Настоящая статья вносит вклад в изучение драйверов, определяющих динамику производительности ресурсных регионов.

Для анализа производительности труда, как правило, используются следующие методы:

простые показатели производительности; метод «growth accounting»; эконометрические методы; метод «level accounting».

Простые показатели производительности представляют собой отношение выпуска (ВВП, ВРП) к вкладу одного из факторов производства (например, труда или капитала), тогда как остальные три метода дают возможность сопоставить вклад отдельных факторов в динамику производительности, поскольку основаны на моделях экономического роста. Метод «growth accounting» использует модель Солоу-Тинбергена, в которой участвуют два фактора – физический капитал и труд, а также «остаток Солоу» – темп технологических изменений. Метод «level accounting» базируется на модели Ромера, в которую помимо труда и физического капитала добавлен человеческий капитал. Эконометрические методы позволяют помимо основных факторов производства включать дополнительные показатели, например, оценивающие качество институтов, предпринимательский климат и др., что позволяет оценить их влияние на динамику производительности. Более подробно преимущества и недостатки методов анализа факторов производительности описаны в [24].

В настоящем исследовании используется эконометрический метод анализа, базовой моделью для которого послужила производственная функция Кобба-Дугласа с факторами физического и человеческого капитала:

$$Q_i = A_i \cdot K_i^{w_K} * (hc_i \cdot H_i^{w_L}), \quad (1)$$

где Q – это выпуск, A – уровень развития технологий, K – физический капитал, hc – индекс человеческого капитала, – количество живого труда, w_K и w_L – эластичности выпуска по капиталу и труду соответственно, i – индикатор региона.

Переход к показателям производительности труда и фондовооруженности производился делением обеих частей уравнения (1) на H :

$$p_i = A_i * k_i^{w_K} * hc_i^{w_L}, \quad (2)$$

где p – производительность труда, k – капиталовооруженность.

После логарифмирования, уравнение (2) принимает следующий вид:

$$\ln p_i = w_K \cdot \ln k_i + w_L \cdot \ln hc_i. \quad (3)$$

Вклад факторов человеческого и физического капитала в динамику производительности определялся на основе расчета уравнения линейной регрессии методом наименьших квадратов. Показатели для описания переменных уравнения регрессии выбирались с соблюдением двух принципов: наилучшее соответствие содержанию переменной и наличие данных официальной статистики в региональном разрезе.

Для описания зависимой переменной (производительности p_i) использовались два показателя, представляющих собой отношение валового регионального продукта (ВРП) к фактически отработанному времени в первом случае и во втором – к численности населения, занятого в экономике региона (табл. 1). Оба показателя соответствуют сущности понятия производительности, как отношения «выхода» (результата труда) к вложенным трудовым ресурсам. Вклад фактора труда (L) можно оценить с помощью двух индикаторов – среднегодовой численности занятых в экономике региона либо показателем количества фактически отработанных часов.

Поскольку зависимая переменная фондовооруженности (k_i) представляет собой отношение фактора капитала (K) к фактору труда (L), для ее описания также могут быть использованы два показателя: отношение стоимости основных фондов к численности занятого населения в первом показателе или к фактически отработанному рабочему времени во втором. Наибольшая сложность заключается в подборе предиктора для второй зависимой переменной – человеческого капитала (hc_i). В литературе используются различные оценки, такие как показатель заработной платы, доли выпускников вузов [25]. Однако размер заработной платы не может объективно отражать уровень развития человеческого капитала, поскольку зависит не только от уровня образования и квалификации занятого населения, но и от надбавок за работу в тяжелых условиях, в регионах Крайнего Севера, что значительно искажает оценку. Показатель доли выпускников вузов тоже имеет существенный недостаток: далеко не все выпускники региональных высших учебных заведений находят работу на территории региона, тем самым обеспечивая

Таблица 1 – Переменные модели и их определение

Table 1 – Model variables and their definition

Переменная	Показатель	Формула	Данные
Производительность труда (p)	1. ВРП_Врем	$\frac{ВРП_i}{Врем_i}$	ВРП _{<i>i</i>} – валовой региональный продукт (в постоянных ценах 2011 года) в <i>i</i> -м регионе, тыс. руб.; Врем _{<i>i</i>} – количество фактически отработанного времени на всех видах работ по производству товаров и услуг (в среднем за год), в <i>i</i> -м регионе, тыс. человеко-часов.
	2. ВРП_Занят	$\frac{ВРП_i}{Занят_i}$	ВРП _{<i>i</i>} – валовой региональный продукт (в постоянных ценах 2011 года) в <i>i</i> -м регионе, тыс. руб.; Занят _{<i>i</i>} – среднегодовая численность занятых, тыс. чел.
Фондовооруженность (k)	1. ОсФ_Врем	$\frac{ОсФ_i}{Врем_i}$	ОсФ _{<i>i</i>} – наличие основных фондов на конец года по остаточной стоимости в <i>i</i> -м регионе, тыс. руб.; Врем _{<i>i</i>} – количество фактически отработанного времени на всех видах работ по производству товаров и услуг (в среднем за год), в <i>i</i> -м регионе, тыс. человеко-часов.
	2. ОсФ_Занят	$\frac{Инвест_i}{Занят_i}$	Инвест _{<i>i</i>} – инвестиции в ОсФ _{<i>i</i>} – наличие основных фондов на конец года по остаточной стоимости в <i>i</i> -м регионе, тыс. руб.; Занят _{<i>i</i>} – среднегодовая численность занятых, тыс. чел.
Человеческий капитал (hc)	1. ЧислоЛет	$\sum_j n_j s_{mj}$	n_j – число лет обучения для образования соответствующего уровня (j) ² в <i>i</i> -м регионе, лет; s_{mj} – доля занятых в виде экономической деятельности m , имеющих образование уровня j в <i>i</i> -м регионе, %.
	2. ВысокПр	—	Число высокопроизводительных рабочих мест в <i>i</i> -м регионе, ед.

прирост человеческого капитала территории. Поэтому наиболее точной оценкой человеческого капитала региона может служить среднее число лет обучения населения, занятого в экономике региона. Этот показатель уже применялся в других исследованиях для оценки человеческого капитала [26] и отражает уровень образования занятого населения. Показатель рассчитывается исходя из доли занятого населения с определенным уровнем образования и числа лет, которые необходимо затратить для получения образования соответствующего уровня (табл. 1). Альтернативным показателем оценки человеческого капитала может выступать показатель числа высокопроизводительных мест, созданных в экономике региона. Этот индикатор отражает качество регионального человеческого капитала, поскольку увеличение числа высокопроизводительных рабочих мест свидетельствует о росте квалификации населения, занятого в экономике региона.

Список переменных модели (3) и показателей, использованных для их оценки, приведен в таблице 1.

Для расчетов были использованы данные из официальных публикаций Федеральной службы государственной статистики (Росстат)

за период с 2011 по 2017 гг., поскольку информация о фактически отработанном времени и числе высокопроизводительных рабочих мест доступна только с 2011 года. Все стоимостные показатели были скорректированы на региональный индекс цен к уровню 2011 года, чтобы исключить фактор инфляции (см. табл. 1). Также перед расчетом уравнения регрессии все численные значения показателей были прологарифмированы с помощью натурального логарифма.

Затем, для обеспечения возможности сравнения моделей производительности труда ресурсных и «нересурсных» регионов, все субъекты Российской Федерации были разделены на две группы: группу ресурсных регионов и группу регионов, специализация которых не является сырьевой.

На сегодняшний день не существует общепринятой методики отнесения экономической системы к категории ресурсных. В зависимости от целей исследования используются различные подходы и критерии. Прежде всего, следует различать «ресурсобеспеченные» и «ресурсозависимые» территории. К первым относят экономические системы регионального и национального уровня, обладающие значительным объемом природных богатств.

²Число лет обучения для соответствующего уровня образования было определено аналогично [26]: для высшего образования – 16 лет, для неполного высшего – 14 лет, для среднего профессионального – 13 лет, начального профессионального – 12 лет, среднего общего – 11 лет, основного общего – 9 лет, начального и ниже – 4 года.

Ресурсообеспеченность может быть оценена, например, как отношение стоимости разведанных или эксплуатируемых природных ресурсов к численности населения. Однако в настоящем исследовании речь идет о «ресурсозависимых» регионах, которые характеризуются доминированием природоэксплуатирующего сектора в экономике. Таким сектором чаще всего считают добычу полезных ископаемых, но есть исследования, где к ресурсной относят сельскохозяйственную или лесную специализацию [27]. Для формализации отбора регионов, относящихся к ресурсным, необходимо определить, какой именно сектор экономики будет рассматриваться как «природоэксплуатирующий». Поскольку в настоящей статье используются данные по регионам Российской Федерации, под сырьевым или природоэксплуатирующим сектором будет пониматься добыча полезных ископаемых, как вид деятельности, определяющий международную специализацию российской экономики: последние 20 лет доля минерального сырья в экспорте страны устойчиво превышает 50 %.

Следующим шагом в определении группы ресурсных регионов является выбор критерия «ресурсности». В настоящее время для определения сырьевой специализации экономики региона используются следующие показатели:

- соотношение доли добычи полезных ископаемых и доли обрабатывающих отраслей в добавленной стоимости по экономике региона [28];

- индекс относительной специализации, рассчитанный по числу занятых в добывающих отраслях или по доле ресурсных отраслей в добавленной стоимости региона [29];

- коэффициент локализации отрасли – отношение доли добывающих отраслей в добавленной стоимости региона к такому же показателю по национальной экономике [30].

Поскольку экономика России характеризуется минерально-сырьевой специализацией, наилучшим для определения ресурсных субъектов РФ будет являться коэффициент локализации – показатель, демонстрирующий степень концентрации добывающего сектора на территории региона по сравнению с национальным уровнем. При этом для расчета коэффициента локализации предлагается исполь-

зовать не «срез» на определенный момент времени, а средний коэффициент локализации за исследуемый период. Использование среднего значения коэффициента локализации обеспечивает подтверждение статуса «ресурсности» для региона на протяжении всего исследуемого периода, поскольку специализация экономики может измениться со временем, и выделение группы ресурсных регионов на основе «среза» одного года представляется некорректным.

Таким образом, к ресурсным регионам были отнесены субъекты Федерации, в экономике которых средний за исследуемый период индекс локализации добывающей промышленности превысил единицу. То есть, с 2011 по 2017 доля ВРП добывающей отрасли в регионах ресурсной группы превышала соответствующую долю в экономике страны. Формула для расчета коэффициента локализации имеет вид:

$$K = \frac{\Delta CA_i}{VAC_i} \cdot \frac{VAC_c}{\Delta CA_c}, \quad (4)$$

где ΔCA_i – добавленная стоимость, созданная в добывающей отрасли региона i ; VAC_i – валовая добавленная стоимость, созданная во всех отраслях региона i ; ΔCA – добавленная стоимость, созданная в добывающих отраслях национальной экономики; VAC – валовая добавленная стоимость, созданная во всех отраслях национальной экономики.

В группу ресурсных регионов вошли субъекты РФ, для которых средний за период 2011–2017 гг. коэффициент локализации превысил 1:

$$K_{cpi} = \frac{\sum_t K_{it}}{2017 - 2011} > 1, \quad (5)$$

где K_{cpi} – это средний коэффициент локализации с 2011 по 2017 региона i , t – индикатор года.

В группу «нересурсных» регионов вошли субъекты РФ, не попавшие в категорию ресурсных (за исключением города федерального значения Севастополя и Республики Крым, статистические данные по которым были неполными). Аналогичный метод классификации регионов был применен в [31]. Раздельный анализ групп регионов позволяет выявить особенности экономического развития

Таблица 2 – Ресурсные регионы РФ с 2011 по 2017 гг.
Table 2 – Resource-dependent regions of the Russian Federation from 2011 to 2017

Наименование региона	Средний индекс локализации
Ненецкий АО	6,66
Ханты-Мансийский АО	6,02
Сахалинская область	5,41
Ямало-Ненецкий АО	4,78
Республика Саха (Якутия)	4,13
Чукотский АО	3,80
Оренбургская область	3,30
Республика Коми	3,09
Томская область	2,62
Кемеровская область	2,52
Магаданская область	2,34
Удмуртская Республика	2,22
Астраханская область	2,16
Республика Татарстан	1,95
Иркутская область	1,85
Красноярский край	1,60
Пермский край	1,50
Мурманская область	1,41
Самарская область	1,34
Белгородская область	1,29
Амурская область	1,27
Республика Карелия	1,15
Республика Хакасия	1,15
Тюменская область	1,03

ресурсных социально-экономических систем в сравнении с территориями, не обладающими сырьевой специализацией экономики.

Согласно предложенному подходу, из 85 субъектов Российской Федерации были выделены 24 ресурсных региона (табл. 2).

Практически вся добыча полезных ископаемых страны сосредоточена в группе ресурсных регионов: на 24 ресурсных региона приходится 93 % добавленной стоимости, созданной в отрасли «Добыча полезных ископаемых» в 2017 году. В совокупности 24 региона сырьевой специализации производят 30 % добавленной стоимости, созданной в экономике страны, и аккумулируют около 30 % основных фондов. При этом, производительность труда, рассчитанная как отношение ВРП к фактически отработанным в экономике региона человеко-часам, превышает среднюю производительность по группе «нересурсных» регионов почти в полтора раза (рис. 1).

³Производительность труда рассчитывалась как отношение валового регионального продукта к фактически отработанному времени в экономике региона.

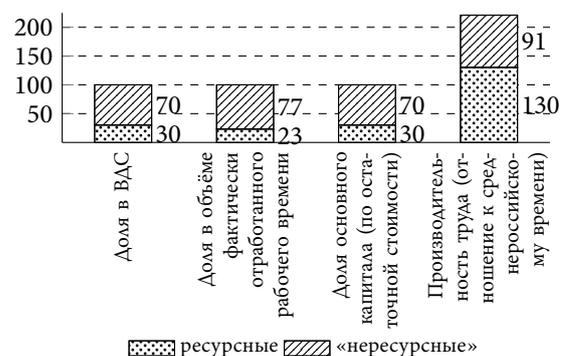

Рисунок 1 – Ресурсные регионы в экономике России, данные 2017 года (рассчитано автором по [32])³, %
Figure 1 – Resource-dependent regions in the Russian economy, 2017 data, %

Причиной высоких значений показателя производительности труда в ресурсных регионах является наличие природной ренты, присутствующей в налогах на добычу полезных ископаемых, включенных в валовую добавленную стоимость (ВДС).

При этом заметна зависимость значений производительности труда от степени сырьевой специализации в группе ресурсных регионов, тогда как в группе «нересурсных» регионов такая зависимость не наблюдается (рис. 2). То есть, уровень производительности труда в регионах, относящихся к группе ресурсных, в значительной степени зависит от степени локализации добывающей промышленности на их территории: чем больше доля минерально-сырьевого сектора в экономике, тем выше производительность труда. В группе «нересурсных» регионов такая закономерность не прослеживается.

Очевидно, что источники повышения производительности труда различны для двух групп регионов. Для выявления этих различий были рассчитаны регрессионные модели производительности отдельно для ресурсных и для «нересурсных» регионов. В качестве зависимой переменной в этих моделях выступала производительность труда, предикторами служили фондовооруженность и человеческий капитал (см. модель (3) и табл. 1).

Перед проведением регрессионного анализа были определены коэффициенты парной корреляции показателей, для исключения проблемы мультиколлинеарности модели (табл. 3, 4).

Таблица 3 – Коэффициенты корреляции Пирсона для показателей модели производительности труда ресурсных регионов

Table 3 – Pearson's correlation coefficients for the indicators of the labor productivity model of resource-dependent regions

	ПТ_Врем	ПТ_Занят	ОсФ_Врем	ОсФ_Занят	ЧислоЛет	ВысокПр
ПТ_Врем	1	0,9754	0,9260	0,9754	0,1121	-0,3728
ПТ_Занят	0,9754	1	0,9948	0,8966	0,1990	-0,3408
ОсФ_Врем	0,9260	0,9948	1	0,8922	0,1613	-0,3990
ОсФ_Занят	0,9754	0,8966	0,8922	1	0,1334	-0,3869
ЧислоЛет	0,1121	0,1990	0,1613	0,1334	1	0,2713
ВысокПр	-0,3728	-0,3408	-0,3990	-0,3869	0,2713	1

Таблица 4 – Коэффициенты корреляции Пирсона для показателей модели производительности труда «нересурсных» регионов

Table 4 – Pearson's correlation coefficients for the indicators of the labor productivity model of non-resource regions

	ПТ_Врем	ПТ_Занят	ОсФ_Врем	ОсФ_Занят	ЧислоЛет	ВысокПр
ПТ_Врем	1	0,8873	0,8152	0,7709	0,4185	0,5892
ПТ_Занят	0,8873	1	0,7385	0,7295	0,5495	0,5444
ОсФ_Врем	0,8152	0,7385	1	0,7385	0,2334	0,3789
ОсФ_Занят	0,7709	0,7295	0,7385	1	0,1963	0,3827
ЧислоЛет	0,4185	0,5495	0,2334	0,1963	1	0,2334
ВысокПр	0,5892	0,5444	0,3789	0,3827	0,2334	1

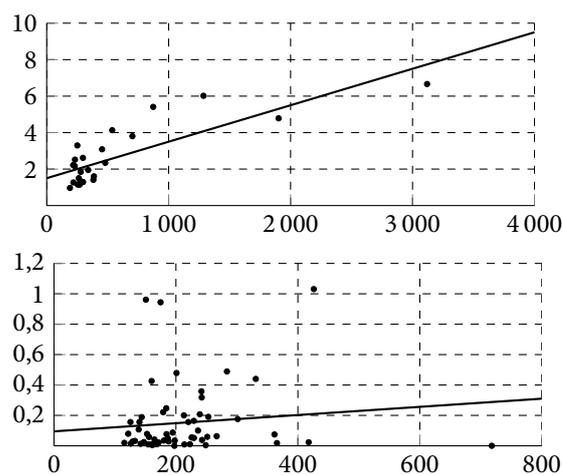
Производительность труда как в ресурсных, так и в «нересурсных» регионах в наивысшей степени коррелирует с показателями фондовооруженности, но в группе ресурсных регионов эта зависимость более тесная. При этом показатели оценки человеческого капитала (ЧислоЛет и ВысокПр) играют более заметную роль в «нересурсных» регионах: коэффициенты корреляции с обоими показателями производительности находятся в пределах 0,4185 – 0,5892, что соответствует средней силе статистической зависимости (табл. 4). Тогда как в группе ресурсных регионов индикаторы человеческого капитала демонстрируют слабую (для ЧислоЛет — 0,1121) и даже отрицательную (для ВысокПр — -0,3728) зависимость (табл. 3).

Обращает на себя внимание тесная статистическая зависимость между оценками производительности (ПТ_Врем и ПТ_Занят), а также между оценками фондовооруженности (ОсФ_Врем и ОсФ_Занят) для обеих групп регионов. Поэтому для построения регрессионных моделей может быть использован любой из пары предикторов.

Поскольку парная корреляция показателей фондовооруженности (ОсФ_Врем и ОсФ_Занят) и человеческого капитала (ЧислоЛет и ВысокПр) в обеих группах регионов находится на низком уровне, мы можем вклю-

чить оба показателя в регрессионный анализ, не опасаясь проявления мультиколлинеарности.

В результате расчетов моделей регрессии для различных наборов предикторов, были отобраны две модели, получившие наилучшие оценки по значимости коэффициентов регрессии и R^2 . Параметры этих моделей для ресурсных и «нересурсных» регионов приведены в таблицах 5 и 6 соответственно.

Рисунок 2 – Зависимость производительности труда от среднего коэффициента локализации добывающей промышленности по группам регионов РФ: ресурсные (вверху) и «нересурсные» (внизу)³
Figure 2 – Dependence of labor productivity on the average coefficient of localization of the extractive industry by groups of regions of the Russian Federation: resource-dependent (top) and non-resource (bottom)

Таблица 5 – Параметры линейной регрессии для ресурсных регионов: зависимая переменная – производительность труда (предиктор ПТ_Занят)

Table 5 – Linear regression parameters for resource-dependent regions: dependent variable – labor productivity

	Коэф-ты регрессии
Фондовооруженность (ОсФ_Занят)	0,783* (0,030)
Человеческий капитал (ЧислоЛет)	0,189* (0,080)
Константа	5,814* (1,050)
R^2	0,810
R^2_{adj}	0,808
N	168

* – уровень значимости 0,05

Таблица 6 – Параметры линейной регрессии для «нересурсных» регионов: зависимая переменная – производительность труда (предиктор ПТ_Занят)

Table 6 – Linear regression parameters for non-resource regions: dependent variable - labor productivity

	Коэф-ты регрессии
Фондовооруженность (ОсФ_Занят)	0,608* (0,026)
Человеческий капитал (ЧислоЛет)	0,429* (0,028)
Константа	3,628* (0,371)
R^2	0,704
R^2_{adj}	0,702
N	427

* – уровень значимости 0,05

Проведенные расчеты показали, что фактор фондовооруженности играет ведущую роль как в ресурсных, так и в «нересурсных» регионах, однако в первой группе его вклад существенно выше. При этом фактор человеческого капитала получил невысокий коэффициент регрессии в модели ресурсных регионов, что демонстрирует слабую зависимость производительности труда от уровня развития человеческого капитала в ресурсных регионах. Это означает, что экономика с преимущественно сырьевой специализацией характеризуется более высокой капиталоемкостью и низкой потребностью в высококвалифицированном труде. В «нересурсных» регионах напротив человеческий капитал играет более заметную роль при меньшем влиянии фактора физического капитала.

Полученные результаты свидетельствуют о наличии угрозы устойчивому развитию ресурсных регионов Российской Федерации. Высокая степень зависимости производительности

труда от фондовооруженности означает, что экономический рост в значительной степени обусловлен притоком инвестиций в основной капитал: деятельность по добыче полезных ископаемых характеризуется высокой инвестиционной емкостью, которая со временем увеличивается по мере роста технологической сложности добычи и истощения месторождений. При этом, в ресурсных регионах, как правило, нет достаточного объема локальных инвестиций для разработки месторождений, в результате необходимые средства поступают в регион извне, от инвесторов из других регионов, стран, вертикально-интегрированных компаний (ВИНК). В следствие этого, региональная экономика теряет значительную часть доходов от добываемого ресурса, которые изымаются в пользу «инорегиональных» инвесторов. Кроме того, внешние по отношению к ресурсному региону инвесторы не заинтересованы в долгосрочном развитии территории, и помимо потери значительной части доходов от природных богатств, регионы часто сталкиваются с экологическими проблемами, связанными с нерациональным природопользованием со стороны внешних пользователей природных богатств. Ричард Оти описывал этот эффект для случая стран с сырьевой специализацией экономики [7]. По его мнению, особенность производственной функции добывающего сектора, состоящая в высокой капиталоемкости, является источником риска появления зависимости от внешних источников инвестиций, и как следствие, попадание в зависимость от инвесторов, не заинтересованных в долгосрочном устойчивом развитии территории.

Влияние второго фактора регрессионной модели – человеческого капитала – оказалось крайне невысоким в случае ресурсных регионов. Показатель человеческого капитала получил невысокую оценку коэффициента регрессии, что отражает низкую потребность экономики ресурсных регионов в локальной рабочей силе с высоким уровнем образования. Этот результат согласуется с отечественными исследованиями, указывающими на наличие тенденции оттока образованного населения из ресурсных регионов России [33]. Подобный эффект отмечает А. Лашитеу и соавторы на на-

циональном уровне: в своей работе [23] авторы отмечают, что для ресурсо-зависимых стран, в отличие от ресурсо-обеспеченных, характерен низкий уровень развития человеческого и интеллектуального капитала.

Высокая зависимость от инвестиций в основной капитал в сочетании с низкой потребностью в квалифицированном труде создают угрозу устойчивому развитию ресурсных территорий. Поучая доступ к месторождениям полезных ископаемых, добывающие компании остаются в высокой степени автономными по отношению к экономике региона: инвестиции, технологии и оборудование они получают из других регионов (стран) и не предъявляют спрос на локальный человеческий капитал, располагая свои головные организации и исследовательские центры вне ресурсных регионов. О рисках, связанных с низкой степенью интеграции добывающей промышленности в экономику региона, писал В. А. Крюков и соавторы в монографии «Томская область: трудный выбор своего пути» [34].

Стратегической альтернативой ресурсной зависимости может стать целенаправленная политика повышения инклюзии добывающих предприятий в экономику региона [34]. Для этого требуется активное участие региональных властей в разработке лицензионных соглашений с потенциальными природопользователями, и формировании требований к до-

быче полезных ископаемых, отвечающих интересам устойчивого развития территории, в частности:

- направление части доходов от добываемого ресурса на долгосрочное развитие территории: образовательные, инновационные и научные проекты;

- увеличение степени локализации при закупках оборудования и сервисных услуг, сопровождающих добычу полезных ископаемых;

- повышение глубины переработки добываемого ресурса на территории региона, что позволит увеличить добавленную стоимость, создаваемую в регионе, и обеспечит прирост числа высококвалифицированных рабочих мест;

- повышение экологической безопасности добычи, применение современных технологий добычи, сохранение окружающей среды для будущих поколений.

Внесение региональными властями подобных требований в лицензионные соглашения с компаниями минерально-сырьевого сектора обращает угрозы, связанные с добычей полезных ископаемых, в преимущества от наличия природных богатств на территории региона: обеспечивает развитие обрабатывающей промышленности, улучшение экологической обстановки, стимулирует развитие человеческого капитала.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ellman M. (1981). Natural Gas, Restructuring and Re-industrialisation: The Dutch Experience of Industrial Policy. In: Barker T., Brailovsky V. (eds). *Oil or Industry?* London, Academic Press, pp. 149–166.

2. Corden W.M. (1984). Booming sector and Dutch disease economics: survey and consolidation, *Oxford economic Papers*, vol. 36, no. 3, pp. 359–380.

3. Sachs J.D., Warner A.M. (2001). The curse of natural resources, *European economic review*, vol. 45, no. 4-6, pp. 827–838.

4. Corden W.M., Neary J.P. (1982). Booming Sector and De-Industrialisation in a Small Open Economy, *The Economic Journal*, vol. 92, no. 368, pp. 825–848.

5. Sachs J.D., Warner A.M. (1997). Sources of slow growth in African economies, *Journal of African economies*, vol. 6, no. 3, pp. 335–376.

6. Sala-i-Martin X.X. (1997). I just ran four million regressions. National Bureau of Economic Research. No. w6252, pp. 1–21.

7. Auty Richard M. (1993). *Sustaining Development in Mineral Economies: The Resource Curse Thesis*. London, Routledge, 340 p.

8. Ross M.L. (2015). What have we learned about the resource curse? *Annual Review of Political Science*, vol. 18, pp. 239–259.

9. Papyrakis E., Gerlagh R. (2007). Resource abundance and economic growth in the United States, *European Economic Review*, vol. 51, no. 4, pp. 1011–1039.

10. Fleming D.A., Measham T.G., Paredes D. (2015). Understanding the resource curse (or blessing) across national and regional scales: Theory, empirical challenges and an application, *Australian*

Journal of Agricultural and Resource Economics, vol. 59, no. 4, pp. 624–639.

11. Крюков В.А., Токарев А.Н. (2014). Локализация эффектов от развития НГК как источник роста экономики области. Томская область: трудный выбор своего пути : Коллективная монография / В. А. Крюков, В. В. Шмат, В. И. Нефедкин [и др.] ; под общей редакцией акад. В. В. Кулешова. Новосибирск : Издательство ИЭОПП СО РАН. С. 111–152.

12. Михеева Н., Семенова Р. (2011). Инновационный потенциал регионов: проблемы и результаты измерения // Новая экономика. Инновационный портрет России. М. : Центр стратегического партнерства. С. 311–317.

13. Papyrakis E., Ravesh O. (2014). An empirical analysis of a regional Dutch Disease: the case of Canada, *Environ. Res. Econ.*, vol. 58, pp. 179–198.

14. Mehlum H., Moene K., Torvik R. (2006). Institutions and the resource curse, *The economic journal*, vol. 116, no. 508, pp. 1–20.

15. James A., Aadland D. (2011). The curse of natural resources: An empirical investigation of US counties, *Resource and Energy Economics*, vol. 33, no. 2, pp. 440–453.

16. Шмат В.В., Садовская В.О. (2017). Современные проблемы ресурсозависимости: опыт ресурсных стран и регионов. Ресурсные регионы России в «новой реальности» : Коллективная монография / В. А. Крюков, В. В. Шмат, В. И. Нефедкин [и др.] ; под общей редакцией акад. В. В. Кулешова. Новосибирск : Издательство ИЭОПП СО РАН. С. 69–103.

17. Ivanova G. (2014). The mining industry in Queensland, Australia: Some regional development issues, *Resources Policy*, vol. 39, pp. 101–114.

18. Поподько Г.И., Зимнякова Т.С. (2018). Источники развития сырьевых регионов Российской Федерации // Фундаментальные исследования. № 5. С. 103–108.

19. Cleary P. (2016). Poles apart: Comparative resource sector governance in Australia and Norway, *Australian Journal of Political Science*, vol. 51, no. 1, pp. 150–162.

20. James A. (2017). Natural resources and education outcomes in the United States, *Resour. Energy Econ.*, vol. 49, pp. 150–164.

21. Allcott H., Keniston D. (2018). Dutch disease or agglomeration? The local economic effects of natural resource booms in modern America, *The Review of Economic Studies*, vol. 85, no. 2, pp. 695–731.

22. Lashitew A.A., Werker E. (2020). Do Natural Resources Help or Hinder Development? Re-

source Abundance, Dependence, and the Role of Institutions, *Resource and Energy Economics*, vol. 61, pp. 1–21.

23. Lashitew A.A., Ross M.L., Werker E. (2020). What drives successful economic diversification in resource-rich countries? [i]The World Bank Research Observer[/I]. URL: <https://www.effective-states.org/working-paper-139/>.

24. Зимнякова Т.С., Самусенко С.А. (2020). Международный опыт оценки и анализа показателей производительности труда на национальном и региональном уровнях // Вестник Томского государственного университета. Экономика. № 51. С. 5–20.

25. Комарова А.В., Павшок О.В. (2007). Оценка вклада человеческого капитала в экономический рост регионов России (на основе модели Мэнкью-Ромера-Уэйла) // Вестник НГУ. Сер.: Социально-экономические науки. Т. 7. Вып. 3. С. 197.

26. Корицкий А.В. (2010). Человеческий капитал как фактор экономического роста регионов России : Монография / А. В. Корицкий. Новосибирск: Сибирский университет потребительской кооперации. 368 с.

27. Гранберг А. (2008). Есть ли будущее у сырьевых регионов России? // VI Международная Кондратьевская конференция «Есть ли у России несырьевое будущее?» : Материалы конференции. Москва. С. 142–159.

28. Глазырина И.П., Клевакина Е.А. (2015). Неравенство доходов, темпы и качество экономического роста в регионах России // Экономика региона. № 3. С. 102–113.

29. Мельникова Л.В. (2015). Современная региональная экономика: теории и модели / Л. В. Мельникова. Новосибирск : Новосибирский государственный университет. 304 с.

30. Видяпин В.И. (2006). Региональная экономика : Учебник / под ред. В. И. Видяпина, М. В. Степанова. М. : ИНФРА. 666 с.

31. Зимнякова Т.С. (2019). Инновационное развитие регионов ресурсного типа и «нересурсных» регионов Российской Федерации // Институциональная трансформация экономики: ресурсы и институты (ИТЭРИ–2019) : Материалы конференции. Красноярск : Сибирский федеральный университет. С. 46–47.

32. Регионы России. Социально-экономические показатели : Статистический сборник. М. : Росстат, 2018. 1162 с.

33. Бухарова Е.Б., Самусенко С.А., Семенова А.Р. (2016). Комплексная оценка экономи-

ческой безопасности региона ресурсного типа // Регион: экономика и социология. № 4. С. 113–138.

34. Крюков В.А., Севастьянова А.Е., Тока-

рев А.Н., Шмат В.В. (2017). Современный подход к разработке и выбору стратегических альтернатив развития ресурсных регионов // Экономика региона. Т. 13. № 1. С. 93–105.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Зимнякова Татьяна Сергеевна – Сибирский федеральный университет (660041, Россия, Красноярск, пр-кт Свободный, 79); zimnyakova@inbox.ru.

LABOR EFFICIENCY FACTORS IN RESOURCE-DEPENDENT AND NON-RESOURCE REGIONS

T.S. Zimnyakova^{4a}

^aSiberian Federal University

ABSTRACT:

The development of regions with extractive economy is under the threat of resource dependence, which has a negative impact on manufacturing and the market and leads to budget dependence on the fluctuation of extracted resource price. A targeted state policy can overcome negative effects of resource dependence, but it requires a deep understanding of the economic development of the resource-based economy.

The article studies the factors of labor efficiency in the resource-based economy at the regional level. The purpose of the article is to assess the impact of capital-labor ratio and human capital on the dynamics of productivity in resource regions in comparison with the territories with non-resource economy.

The subjects of the Russian Federation, which include both resource-dependent and non-resource regions, were chosen as the object of research. The sample of resource-dependent regions was created based on the localization coefficient for mining sector. The Cobb-Douglas production function was used to analyze labor efficiency factors. We used the data of the State Statistical Agency of Russia for the period of 2011 – 2017, because information about the working hours is available only since 2011.

The calculations have shown that capital-labor ratio plays a leading role in both resource-dependent and non-resource regions, but in the former its impact is significantly greater. At the same time, the role of the human capital factor is negligible in resource-dependent regions, which reflects low demand for educated employees in the resource economy.

The results show that sustainable development of resource-dependent regions of the Russian Federation is at risk. Serious dependence of the economic growth on outward investments together with low demand for educated employees increase the risk of becoming resource-dependent.

A strategic alternative for resource-dependent region development is a state policy that is targeted to include extractive industries into the local economy. Such policy requires the active participation of regional authorities in the development of licensing agreements with potential users of natural resources, and the formation of requirements for the extraction of minerals that meet the interests of sustainable development of the territory.

FUNDING: Project “Methodology for analysis of the factors influencing labor efficiency in resource-dependent regions of the Russian Federation during transition to a new way of technological development and integration of the national project ‘Labor efficiency and support of employment’ (the case of Krasnoyarsk Krai)” is supported by the Science foundation of Krasnoyarsk Krai.

KEYWORDS: resource dependent regions, labor efficiency, capital-labor ratio, human capital, extractive industries, resource dependence of economy.

---

⁴RSCI AuthorID: 861933, ORCID: 0000-0001-8480-5399, ResearcherID: F-6071-2019

FOR CITATION: Zimnyakova T.S. (2021). Labor efficiency factors in resource-dependent and non-resource regions, *Management Issues*, no. 2, pp. 47–60.

REFERENCES

1. Ellman M. (1981). Natural Gas, Restructuring and Re-industrialisation: The Dutch Experience of Industrial Policy. In: Barker T., Brailovsky V. (eds). *Oil or Industry?* London, Academic Press, pp. 149–166.
2. Corden W.M. (1984). Booming sector and Dutch disease economics: survey and consolidation, *Oxford economic Papers*, vol. 36, no. 3, pp. 359–380.
3. Sachs J.D., Warner A.M. (2001). The curse of natural resources, *European economic review*, vol. 45, no. 4–6, pp. 827–838.
4. Corden W.M., Neary J.P. (1982). Booming Sector and De-Industrialisation in a Small Open Economy, *The Economic Journal*, vol. 92, no. 368, pp. 825–848.
5. Sachs J.D., Warner A.M. (1997). Sources of slow growth in African economies, *Journal of African economies*, vol. 6, no. 3, pp. 335–376.
6. Sala-i-Martin X.X. (1997). I just ran four million regressions. National Bureau of Economic Research. No. w6252, pp. 1–21.
7. Auty Richard M. (1993). *Sustaining Development in Mineral Economies: The Resource Curse Thesis*. London, Routledge, 340 p.
8. Ross M.L. (2015). What have we learned about the resource curse? *Annual Review of Political Science*, vol. 18, pp. 239–259.
9. Papyrakis E., Gerlagh R. (2007). Resource abundance and economic growth in the United States, *European Economic Review*, vol. 51, no. 4, pp. 1011–1039.
10. Fleming D.A., Measham T.G., Paredes D. (2015). Understanding the resource curse (or blessing) across national and regional scales: Theory, empirical challenges and an application, *Australian Journal of Agricultural and Resource Economics*, vol. 59, no. 4, pp. 624–639.
11. Kryukov V.A., Tokarev A.N. (2014). Localization of effects of the development of NGC as a source of growth in the regional economy. Tomsk region: a difficult choice of its path. Novosibirsk: Publishing house of IEOPP SB RAS, pp. 111–152.
12. Mikheeva N., Semenova R. (2011). Innovative potential of the regions: problems and measurement results. In: *New economy. Innovative portrait of Russia*. Moscow: Center for Strategic Partnership, pp. 311–317.
13. Papyrakis E., Raveh O. (2014). An empirical analysis of a regional Dutch Disease: the case of Canada, *Environ. Res. Econ.*, vol. 58, pp. 179–198.
14. Mehlum H., Moene K., Torvik R. (2006). Institutions and the resource curse, *The economic journal*, vol. 116, no. 508, pp. 1–20.
15. James A., Aadland D. (2011). The curse of natural resources: An empirical investigation of US counties, *Resource and Energy Economics*, vol. 33, no. 2, pp. 440–453.
16. Shmat V.V., Sadovskaya V.O. (2017). Modern issues of resource dependence: the experience of resource countries and regions. Resource regions of Russia in “New Reality”. Novosibirsk: Publishing house of IEOPP SB RAS, pp. 69–103.
17. Ivanova G. (2014). The mining industry in Queensland, Australia: Some regional development issues, *Resources Policy*, vol. 39, pp. 101–114.
18. Popodko G.I., Zimnyakova T.S. (2018). Sources of development of commodity regions of the Russian Federation, *Fundamental studies*, no. 5, pp. 103–108.
19. Cleary P. (2016). Poles apart: Comparative resource sector governance in Australia and Norway, *Australian Journal of Political Science*, vol. 51, no. 1, pp. 150–162.
20. James A. (2017). Natural resources and education outcomes in the United States, *Resour. Energy Econ.*, vol. 49, pp. 150–164.
21. Allcott H., Keniston D. (2018). Dutch disease or agglomeration? The local economic effects of natural resource booms in modern America, *The Review of Economic Studies*, vol. 85, no. 2, pp. 695–731.
22. Lashitew A.A., Werker E. (2020). Do Natural Resources Help or Hinder Development? Resource Abundance, Dependence, and the Role of Institutions, *Resource and Energy Economics*, vol. 61, pp. 1–21.
23. Lashitew A.A., Ross M.L., Werker E. (2020). What drives successful economic diversification in resource-rich countries? [i]The World Bank Research Observer[/I]. URL: <https://www.effective-states.org/working-paper-139/>.
24. Zimnyakova T.S., Samusenko S.A. (2020). International experience of assessing and analyzing performance indicators at the national and regional levels, *Bulletin of Tomsk State University. Economy*, no. 51, pp. 5–20.
25. Komarova A.V., Pavshok O.V. (2007). Evalua-

tion of the contribution of human capital into the economic growth of the regions of Russia (based on the Mankiw – Romer – Weil model), *Bulletin of NSU. Series: Socio-economic sciences*, vol. 7, iss. 3, p. 197.

26. Koritsky A.V. (2010). Human capital as a factor in the economic growth of the regions of Russia. Novosibirsk: Siberian University of Consumer Cooperation, 368 p.

27. Granberg A. (2008). Is there a future in commodity regions of Russia? In: Proceedings of the VI International Kondratyevskaya Conference “Does Russia have a non-reliable future?”. Moscow, pp. 142–159.

28. Glazyrina I.P., Klevakina E.A. (2015). Inequality of income, pace and quality of economic growth in the regions of Russia, *Economy of the region*, no. 3, pp. 102–113.

29. Melnikova L.V. (2015). Modern regional economy: theories and models. Novosibirsk: Novosibirsk State University, 304 p.

30. Vydyagin V.I., Stepanova M.V. (ed.) (2006).

Regional Economics. Textbook. Moscow: Infra, 666 p.

31. Zimnyakova T.S. (2019). Innovative development of the regions of the resource type and non-resource regions of the Russian Federation. In: Proceedings of the conference “Institutional Transformation of the Economics: Resources and Institutions (ITERI–2019)”. Krasnoyarsk: Siberian Federal University, pp. 46–47.

32. Regions of Russia. Socio-economic indicators. Statistical collection. Moscow: Rosstat, 2018, 1162 p.

33. Bukharova E.B., Samusenko S.A., Semenova A.R. (2016). Integrated assessment of the economic security of the resource type region, *Region: Economics and Sociology*, no. 4, pp. 113–138.

34. Kryukov V.A., Sevastyanova A.E., Tokarev A.N., Shmat V.V. (2017). Modern approach to the development and selection of strategic alternatives to the development of resource regions, *Economy of the region*, vol. 13, no. 1, pp. 93–105.

AUTHORS' INFORMATION:

Tat'yana S. Zimnyakova – Siberian Federal University (79, Svobodny St., Krasnoyarsk, 660041, Russia); tzimnyakova@inbox.ru.

A COMPARATIVE ANALYSIS BETWEEN ITALIAN AND RUSSIAN MEASURES SUPPORTING THE DIGITAL TRANSFORMATION OF SMEs

F. Coacci^{1a,b}, D. Lepore^{2a}, E.O. Shebalina^{3b}

^aUniversity of Macerata

^bMoscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry for Foreign Affairs of Russia

ABSTRACT:

Purpose. This paper aims at providing a comparative analysis of the main policy measures introduced by Italy and the Russian Federation for supporting the digital transformation (DX) of small and medium-sized enterprises (SMEs).

Methods. The research collects data from Italian, European and Russian sources in order to carry out a full-fledged comparative analysis based on the desk analysis of the latest financial measures that promote the DX of SMEs. Empirical data about the performance of SMEs are examined in order to discuss the effectiveness and efficiency of the national support measures.

Results. The crucial role of SMEs in fostering growth and well-being is recognized at different levels in both countries. However, the analysis of facts and figures highlights a lack of strategic and integrated approach, along with a fluctuating trend, of Russian support towards SMEs, which lags behind the EU average in different fields, including digitization. Accordingly, Italian directions can be of help for the Russian experience in different areas, such as the elaboration of targeted and goal-oriented strategies, facilitation of the access to funding, socio-economic reforms and introduction of Industry 4.0 technologies through entrepreneurial associations.

Scientific novelty. Considering the Italian case, possible applications in the Russian Federation are identified. Since the critical assessment of the implementation of specific measures can be better carried out through comparative research, the adding value of this research relies on the opportunity for both sides to learn from other experiences.

KEYWORDS: SMEs, Italy, the Russian Federation, Industry 4.0, Innovation, facilitated finance, local development.

FOR CITATION: Coacci F., Lepore D., Shebalina E.O. (2021). A comparative analysis between Italian and Russian measures supporting the digital transformation of SMEs, *Management Issues*, no. 2, pp. 61–77.

Introduction

Support for SMEs is crucial for achieving sustainable growth [1]. Improving the competitiveness of SMEs is one of the thematic objectives of the Cohesion Policy for 2014-2020 in the European Union (EU) in line with the principle “Think Small First”.

This principle becomes relevant in the disruptive scenario of Industry 4.0 (I4.0) since SMEs are the firms that struggle the most in adopting

these advanced technologies [2]. Therefore, effective policies are required to promote awareness of the benefits achievable from their introduction. Above all, the transformations of science, technology and innovation policy are the result of the emphasis on these technologies [3].

In Italy, where the number of SMEs is over the EU average [4, p. 1], different programmes have been introduced for supporting SMEs in their digital transformation (DX) and specifically in the adoption of I4.0 technologies.

¹ORCID: 0000-0002-4504-6067

²ORCID: 0000-0002-0612-7059

³RSCI AuthorID: 971556, ORCID: 0000-0002-6830-8912

The paper discusses the most recent policy measures adopted by the Italian government with the aim of comparing and identifying possible applications in the Russian Federation. The Russian Federation is trying to help SMEs access new technologies, through attempts of digitalization of the Russian economy with the “Digital Economy of the Russian Federation” [5] and the reformation of the special investment contract, “SPIC 2.0”⁴.

However, the success of these measures is jeopardized by long-standing challenges such as underdeveloped ecosystems, lack of personnel and financial resources and conservative thinking [6]. Moreover, there are problems associated with insufficiently effective organization of Bank lending and awareness of support measures [7].

Some of these criticalities affect, in different ways, also the Italian scenario of SMEs. Accordingly, the Italian experience in supporting SMEs, striving against these challenges, can be of help to find solutions to these issues, which affect the development of the Russian SMEs.

The article is structured as follows. First, the role of SMEs in the economy is reviewed considering the impact of the DX and I4.0. Second, the Italian and Russian SMEs’ contexts are presented. Lastly, a comparative analysis of the two experiences, along with conclusions and policy implications, is drawn.

The role of SMEs in the economy

SMEs are the main catalyst for economic development as they contribute to the achievement of the main goals of national economies, acting as the backbone of socio-economic progress and the most important driver of employment [8; 9, p. 7]. However, in the fourth industrial revolution, known as I4.0, the integration of automation and digitisation in manufacturing processes

is challenging SMEs, faced with limited financial and organizational resources [10, p. 20; 11].

For these reasons, as pointed out by the World Economic Forum [12, p. 6], it is necessary to focus on raising awareness of the emerging technologies, providing expert and financial support to SME and fostering collaborative spaces to allow reciprocal learning. This means that new place-based industrial policies should be developed for SMEs [13]. In fact, during the international economic forum of Saint-Petersburg, the president of the Italian-Russian Chamber of Commerce, Vincenzo Trani, stressed out the fact that, even if since 2000 Putin’s presidency has focused on this aim, the long-standing Italian experience on SMEs can still teach a lot to the Russian Federation, above all in terms of innovation and know-how [14].

Italian SMEs

In Italy, SMEs are identified according to the European Commission (EC) as having less than 250 employees. They should also register an annual turnover up to € 50 million or a balance sheet total not exceeding € 43 million⁵ [15].

Based on the Small Business Act (SBA⁶) for 2018, Italian SMEs generate a value-added of 67.1 % against the EU average of 56.8 % and 78.5 % of employment against the EU average of 66.4 % [4, p. 2]. According to the Italian National Statistics Institute (ISTAT) [16, p. 499], in 2015 SMEs were about 195 thousand and absorbed 32,7 % employees, contributing to 38,8 % of the value created, while large enterprises were 3472, representing 20.6 % in terms of employees and 31,5 % of the value created.

Looking into the Italian SBA for 2018, Italian SMEs’ performance is below the EU average in 8 out of 10 SBA principles (Figure 1). The principles are entrepreneurship, second chance⁷, sin-

⁴The package of laws aimed at substantially reforming the special investment contract (SPIC) mechanism. Federal Law No. 269-FZ “On Amendments to Parts One and Two of the Tax Code of the Russian Federation”, Federal Law No. 290-FZ “On Amendments to the Federal Law ‘ On Industrial Policy in the Russian Federation Regarding the Regulation of Special Investment Contracts ’”, Federal Law No. 295-FZ “On Amendments to Article 78 of the Budget Code of the Russian Federation”.

⁵The main classes used are; micro enterprises: with less than 10 persons employed; small enterprises: with 10-49 persons employed; medium-sized enterprises: with 50-249 persons employed; small and medium-sized enterprises (SMEs): with 1-249 persons employed; large enterprises: with 250 or more persons employed. In Italy, the National legislator has transposed the Recommendation with the Ministerial Decree in 2005.

⁶The small business act (SBA) is an overarching framework for the EU policy on small and medium-sized enterprises (SMEs). It aims to improve the approach to entrepreneurship in Europe, simplify the regulatory and policy environment for SMEs, and remove the remaining barriers to their development.

⁷The second chance refers to ensuring that honest entrepreneurs who have gone bankrupt get quickly a second chance.

gle market, environment, internationalisation, responsive administration, state aid & public procurement and access to finance [4, p. 13].

The Italian government has adopted several policy measures across all the 10 SBA areas even if progress is still moderate. Efforts are required to improve SMEs' digitalisation and training [4]. This aspect is relevant considering that today's economy is heading towards I4.0 [17].

However, as specified by Deloitte [18, p. 5] in their analysis of Italy, large enterprises are the main ones adopting I4.0 technologies. In general, SMEs are still reluctant in their introduction [11] and seem to have approached I4.0 concepts only for monitoring industrial processes with no evidence of a business model transformation [2].

According to the Italian Ministry of Economic Development's investigation only 18,4 % of small enterprises and 35,5 % of medium enterprises are using I4.0 technologies. The adoption of I4.0 is expected mainly to improve quality and minimizing errors (63 %) and increasing production (46,3 %) [19, p. 11].

Russian SMEs

The current Russian law [20] laid the criterion for classifying SMEs based on the number of employees. Specifically, small enterprises employ from 16 to 100 people while medium-sized range from 101 to 250 people (Table 1). Other criteria are based on the presence of state and municipal property share in the equity of the business and the revenues from sales of goods and services, as well as the carrying amount of the assets as shown in the Table 1.

Table 1 – Classification of Russian Micro and Small and Medium-sized enterprises (according to Federal Laws)

Type	Employees	Sales Revenue	Share in registered capital
Micro	< 15	< ₺ 120 M.	Share of public bodies in the registered capital is less than 25 % Share of foreign legal entities which are not SMEs is less than 49 %
Small	16–100	< ₺ 800 M.	
Medium	101–250	< ₺ 2 B.	

As reported by the OECD, there are more than 6.2 million micro and SMEs in Russia (May 2019). The share of SMEs, which represents 3.86 % of total enterprises, has dropped by 9.2 % from 2017 to 2019. Further, less than 30 % of the Russian workforce is employed by SMEs and these firms account for about 22 % of the GDP [21, p. 176].

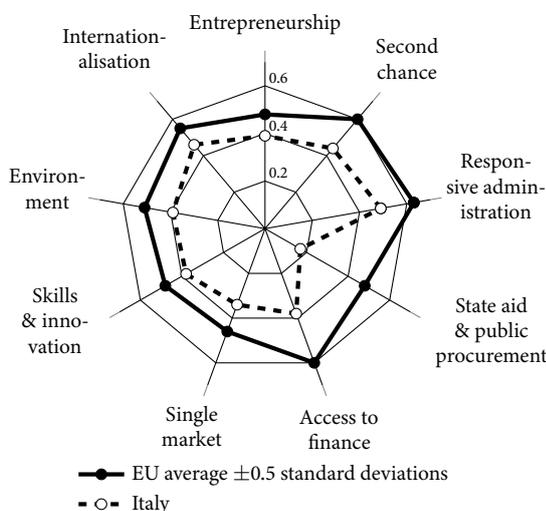
Even if SMEs in the Russian Federation are considered as a factor that can drive the economic growth [22], entrepreneurs and top managers of SMEs are faced with limited resources, lack of reputation and limited customer base. Exploration or opportunity-seeking behavior has been found to have a positive impact on the performance of Russian SMEs, which confirms the need to develop an entrepreneurial culture and business values among the employees of these firms [23, pp. 178, 179].

This means that among the main factors of competitiveness of Russian SMEs in today's business environment are the ability to implement entrepreneurial behavior and corporate entrepreneurship [23, p. 180]. Overall, the objective of raising economic growth rates requires an institutional reform of SMEs and a cohesive strategy for the implementation of national projects aimed at empowering human capital [24].

As for digital technologies, these are still not recognized as a source for enhancing business productivity. The economic incentives driving the digital economy in the EU countries, such as high labor costs and competition, are insufficient in the Russian context [25].

Methodology

In light of the above-mentioned differences between the Italian context, characterized by a high relevance of SMEs, and that of the Russian Federation, where SMEs have still a low impact on the economy, the article aims to answer the following

Figure 1 – SBA profile of Italy compared to EU average (source: European Commission, SBA, 2018)

research question: *What can the Russian Federation learn from the Italian experience in supporting SMEs?*

To provide insights on this matter, we review the main financial measures addressed to SMEs that have been introduced recently by the Italian government.

To understand which are the main national measures, we investigate different levels of support from the European level to the local one, focusing on those related to the DX of SMEs. As for the local level, we consider the explicative example of the Italian region of Marche whose SMEs have historically tight economic relations with the Russian Federation.

The main policy measures supporting SMEs in Italy

The policy measures supporting Italian SMEs can be grouped according to various factors that are deeply interconnected. Among the others, there is the level of governance, for example local, regional, national, European, and the type of policy measure, such as legal, financial, technical, which are all taken into account in this part.

However, to make the investigation of policy measures supporting SMEs as intelligible as possible, the analysis will be carried out by firstly sketching out a theoretical outlook of different instruments of support to SMEs with a focus on the financial and innovation-leading ones, and then, examining specific policies, and their *raison d'être*, related to the development of the SMEs.

The first and the last thing to understand about business activities is that cash for enterprises is like oxygen for human beings, and cash flow – the constant inflow and outgo of cash in a business operation – can be seen as the lifeblood of a business [26]. In light of this metaphor, SMEs are those which find it more difficult to start to breathe properly. The issue of lack of cash in businesses is even more crucial for SMEs, insofar as they must provide more guarantees to access financial resources and pay a higher rate of interest.

That is the reason why policy measures supporting SMEs seek to facilitate their access to financial resources focusing on the most strategic sectors for local enterprises and the introduction of I4.0 technologies. These two aspects are decisive to make SMEs keep up with the challenges of a globalized and competitive market [27, p. 9].

The main instruments aiming at helping Italian businesses, above all SMEs, to access financial resources, are grouped under the category of facilitated finance or subsidized loans⁸ (*finanza agevolata*). In a nutshell, in Italian business, facilitated finance is meant as financial resources available at better conditions than those of the market [28]. Specifically, facilitated finance refers to all the initiatives of subjects, mainly of public nature, aiming at fostering the economic development of the business entities of the local, national and European production system through the provisions of means which facilitate the access to financing. Accordingly, SMEs are the main target of measures of facilitated finance, such as direct and indirect funds, [28] since they are the ones facing more problems in getting the “oxygen” to survive and thrive.

Instruments of facilitated finance deeply differ to meet the peculiar needs of the enterprise and to comply with their different features. Below, this part lists the most relevant types of facilitated finance present in the Italian context.

The technical categories of instruments of facilitated finance are:

- 1) grants (*contributo a fondo perduto*): facilitation characterised by a grant for which no repayment is required;
- 2) facilitated financing: financing provided by public resources at a zero-interest rate or below market rates;
- 3) guarantees free of charge or at a price below market price: facilitation characterised by the warranty, free of charge or at a price below market price, of a financing guarantee to financial intermediaries and for the benefit of the enterprise.

⁸These terms, along with some of those which will follow, are just approximative translations to provide an idea of what *finanza agevolata* consists of. Indeed, there are no equivalent English translations of this Italian term. Moreover, even in Italian business the definition of this term is not univocal and it can take different meanings according to the different context it is referred to. See, for example, *finanza agevolata* in “incentivi finanza” (<https://www.incentiviefinanza.it/finanza-agevolata/>). Even in academia there is no clarification for the definition of this concept and scholars refer to this type of financing also with the term “finanza innovativa”. See C. Arlotta et al. (2014). *La crescita delle PMI attraverso gli strumenti di finanza innovativa*. Mini bond, cambiali finanziarie, AIM, progetto Elite, Spac, incentivi allo sviluppo, Franco Angeli editore, Milano.

Under the same initiative, technical forms of facilitated finance can occur in a combined way. The main sources of supply of facilitated finance, concerning the entity providing them at a different level of governance, can be classified as follows:

a) European resources: the EC provides resources for the activation of different facilitated financial measures, which are managed either directly or indirectly. In the latter case, strategic objectives are assigned to the regions, letting them identify the individual intervention models;

b) national resources: the central Public Administration, through the Ministries, makes available its resources for the activation of facilitating interventions, the implementation of which is often decentralized at regional and/or local level;

c) autonomous regional resources: regions use their resources to activate facilitating interventions in favour of the local business environment (in addition to or in combination with the national and community resources they manage);

d) local resources: resources from local authorities (provinces, municipalities), chambers of commerce and other local business actors.

This and the following core paragraphs aim at analysing the most relevant policy measures in supporting SMEs at European, national, regional and local levels with particular attention on the strategies undertaken by the supply source of these measures and the opportunities they seek to provide SMEs.

European measures

At the European level, the EC programmes represent the major share of the policy measures supporting SMEs.

Before proceeding with the analysis of the most relevant EC programme, Horizon 2020, a broad analysis of the overall European strategy in supporting SMEs must be discussed. The current European long-term budget lasts from 2014 to 2020 and the decisive year 2020 will also be the last year of the 10-year economic strategy Europe 2020 proposed by the EC in 2010. It underlines the role that smart, sustainable and inclusive growth has in im-

proving Europe's competitiveness and productivity and in supporting a sustainable social market economy.

To reach this objective, Europe 2020 defined targets to be reached in five main areas, i.e. Climate Change and Energy, Employment, Research and Development, Education, Poverty and Social Exclusion. Now that Europe 2020 is approaching the end of its cycle, it is clear that it has provided a key contribution to the EU's socio-economic development since its launch in 2010. However, improvements are still required for stimulating more investments in research and innovation and for fighting poverty and social exclusion [29; 30, p. 65; 31, p. 6].

The funding programmes for the period 2021–2027 will concentrate on the competitiveness of the European business and also on the ecological sustainability of the production. Indeed, the ex-post evaluations of the European cohesion policy and regional development are showing the crucial role and substantial impact of the European programmes in supporting SMEs. However, these programmes ought to be more concentrated on dynamic SMEs and strategies of “smart specialization”, i.e. incentives in innovation, digitalization of the economic activity and public administration, the introduction of 4.0 technologies to improve SMEs productivity and sustainability [31].

About the access to EU fundings, in Italy, the trend shows an underuse of the EU financial resources [32], which may be due to a lack of awareness among SMEs about the opportunities provided by the EC programmes and the shortage of technical resources and knowledge to apply for and obtain EU funds⁹.

The success rate of the Italian application for Horizon 2020 funds in the period 2014–2016 was 12 % almost 3 points under the EU member states average (14.8 %) [33, p. 22]. The just-mentioned programme Horizon 2020 is the most relevant financial programme so far adopted by the EC and it represents a crucial financial instrument of support for European SMEs. The EC defines Horizon 2020 as the biggest EU Research and In-

⁹Submitting a project proposal under a European call is often considered to be a long and complicated process, with a high rate of failure. For this reason, throughout Europe, facilitation companies are spreading in order to be able to effectively access to the European grant, supporting them since the programme initiation up to the phase of the balance settlement, passing through all the intermediate stages of this process and which link the fee regarding the service provided on the success of the operation. See: Iniziativa, Finanza e innovazione. European funding, aided finance. URL: <https://www.iniziativa.cc/en/aided-finance/european-funding>.

novation programme ever with nearly €80 billion of funding available over 7 years (2014 to 2020) – in addition to the private investment that these initiatives attract. Horizon 2020 seeks to take great ideas from the lab to the market and, in the wake of Europe 2020 economic strategy, it aims at achieving smart, sustainable and inclusive economic growth. Horizon 2020 mainly focuses on research, considered as an “investment in the future”, and its application in business. Horizon 2020 stimulates SMEs’ participation in the whole programme with a focus on close-to-market support, prioritizing the local development of SMEs and their peculiar needs.

Data seems to show the success of the programme. At the end of 2017, around 24 % of EU grants were addressed to SMEs under Horizon 2020 Societal Challenges and Leadership in Enabling and Industrial technologies (LEITs) receiving € 4.13 billion in grant money. This outcome exceeds the 20 % SME budget target, set by the EU Council and European Parliament [34].

National measures

As for national measures which will be analyzed, the National Guarantee Fund [35], focuses on the facilitation of SMEs to access financial resources while the National Plan Industry 4.0 [36], regards specifically the introduction of I4.0 technologies.

As highlighted in the previous paragraph, a growing emphasis has been placed on improving access to financial markets for SMEs. In the period 2008-2014, the fund made available € 32 billion of collateral (of which 17.6 for manufacturing firms), leading new investments to around € 56 billion (of which 31.2 in manufacturing). The main tool introduced is based on a system of loan guarantees, the so-called National Guarantee Fund, which was established after the 2008 crisis. This fund provides collateral and further instruments that allow SMEs to fund investment through bank loans [35, p. 11].

On the other hand, the national plan “Piano Nazionale Industria 4.0” in its second stage of “Piano Nazionale Impresa 4.0” [36, p. 1] was introduced for boosting investment and innovation for the years 2017 - 2020 with a focus also on SMEs. The main strategies of investment are: innovative investments, enabling infrastructures,

competences and research and awareness and e-Governance.

Several measures have been adopted including: incentives for investing in new material and immaterial goods and for integrating digital technologies in production processes; subsidies to cover the interest paid for loans granted from banks; access to credit by recognizing the possibility of achieving grants without additional guarantees; incremental expenses in R&D; tax breaks from income resulting from using immaterial goods as industrial patents, registered brands, industrial models, know-how and software with copyright and tax credit for training expenses of employees linked to technologies of the Plan.

Further measures are specifically addressed to Startup and innovative SMEs, which are part of the special register of enterprises, to support their new activities from the initial stages, guaranteeing partial or complete financial incentives.

In the development of competences, the plan promotes the diffusion of Digital Innovation Hubs (DIHs). DIHs are an instrument introduced in 2016 by the EC to support in a collaborative perspective the introduction of digital technologies and specifically I4.0 ones among SMEs. These structures can provide access to updated knowledge, expertise, and technology to help SME with their DX. They act as a first regional point of contact, and strengthen the innovation ecosystem by connecting firms, in particular SMEs, to external sources, as universities, research centers, businesses, and institutions [37]. The Italian context is characterized by the highest number of industrial and artisan associations in the role of DIHs. This result is explained by deep knowledge they hold on regional SMEs [38].

Regional and local level – the Marche Region

This part probes the measures undertaken by the Marche region and other local entities focusing on the beneficiary subject, the areas of investment and the main aim of the programmes. This discussion is of interest to understand how the specific interventions to support SMEs are shaped to address in the best way the needs of SMEs investing in strategic areas, fostering the DX of SMEs.

Marche regional law 20/03 [39] includes the norms related to industrial, crafts and production services matters. Specifically, art. 14 refers to the promotion of artistic, traditional and typical pro-

ductions and rules the contributions to single or associated SMEs whose activities are characteristic of the regional entrepreneurial environment, such as the sector of tailored clothing (art. 35).

The Regional Operational Programme (POR) FESR Marche 2014-2020 is the regional implementation of the European Regional Development Funds (ERDF or FESR), one of the structural funds of the European Union¹⁰. The Programme has been redefined after the 2016 earthquake and the activation of the solidarity contribution by the other regions. The financial resources of this programme amount to € 585 million and focus on eight thematic objectives of the intervention, in line with the objectives of Europe 2020. The first six prioritarian objectives are:

- 1) fostering research, technological development and innovation (€ 113 million);
- 2) improving access to ICT (€ 24 million);
- 3) promoting the competitiveness of SMEs with a focus on internationalization and processing of innovation (€ 79 million);
- 4) transition to a low carbon emission economy (€ 59 million);
- 5) adaptation to climate change and risk prevention and management (€ 23 million);
- 6) safeguarding the environment and promoting the efficient use of natural resources.

The seventh objective regards Technical Assistance for the implementation of the programme (€ 15 million) while the eighth objective has been added after the earthquake for recovering initiatives (€ 243 million). This objective regards seismic and hydrogeological prevention, enhancement of energy efficiency and support to the socio-economic recovery of areas affected by the earthquake. An example of an initiative aiming at pursuing this objective is the Activity 23.2.3 about the valorization and requalification of trade SMEs and artistic and quality craft SMEs. The intervention amounts to 3 million and regards expenditures for promotional initiatives, marketing and research activities, the realization of common services, and other activities related to the improvement of the efficiency and innovation of the business activity making the local trade and the touristic, cultural system more competitive and dynamic.

In the framework of the national programme “Piano Nazionale Industria 4.0” the regional call “Impresa e lavoro 4.0” (4.0 business and work) [40] aims at promoting the processes of business innovation and the use of new digital technologies in SMEs of the Marche Region. With this initiative, Marche Region seeks to facilitate substantial processes of technological and digital innovation of manufacturing SMEs through the support to new material and immaterial investments related to: industrial automation, Smart and Digital Factories, flexible production system, rapid production, and different type of product design, and development which include innovative digital technologies and methods. Other interesting examples of initiatives specifically conceived to support strategic local sectors, which are facing a crisis, are the Strategic integrated territorial investment in support of the Fabriane crisis area of € 4 million and the call of the Marche Chamber of Commerce for the Granting of Contributions to Quality Ambassadors Companies in the Year 2019, Complex industrial crisis area of the Fermo - Macerata district of € 800.000 [41].

The Russian SMEs support measures

The federal support to SMEs has followed a fluctuating trend since the government increased the federal budget plan allocated to the SME programme from ₺ 1.5 billion in 2005 to ₺ 23 billion in 2015 [42, p. 107] but decreased it to ₺ 18.5 billion in 2016 and to ₺ 11 billion in 2017, due to stricter budget constraints [43].

The SME Act of 2007 represented a milestone for raising the state budget addressed to the federal SME support programme. This Act enabled a range of new programme measures, including entrepreneurship centers offering business services to SMEs and entrepreneurs, technoparks, innovation centers, business incubators, training and marketing centers, consulting centers, and export centers. The Act defined simplified tax accounting rules, favourable procedures for SMEs to purchase privatised state property for business purposes, and an accelerated reform process for the administrative, regulatory, competition, and public procurement policy.

¹⁰The ERDF aims to strengthen economic and social cohesion in the European Union by correcting imbalances between its regions. The ERDF focuses its investments on key priority areas, known as ‘thematic concentration’: Innovation and research; The digital agenda; Support for small and medium-sized enterprises (SMEs); The low-carbon economy.

The government acted to facilitate SMEs and entrepreneurs' access to finance through new investment funds and leasing companies, loan guarantees to commercial SMEs lending and the establishment of the SME Bank, as the arm of the public development bank Vnesheconombank. Created in 1999, The SME Bank is a specific Bank for SMEs which provides them credit support, guarantees and other lending products [44, p. 36].

Even if these measures are central for economic growth and job creation, the Russian Federation still suffers from a gap in the scale of its SME and entrepreneurship activities compared with other OECD countries and other emerging economies, demonstrated by a low business start-up rate, few SMEs per head of population, limited employment in SMEs, and weak SME innovation and growth performance [45, p. 45].

To cope with these challenges, the most recent Russian policy measures that may help SMEs become more competitive, productive and innovative are the state Programme "Digital Economy of the Russian Federation" and the redefinition of the special investment contract with the so-called "SPIC 2.0" for attracting foreign investments in local businesses.

The programme Digital Economy of the Russian Federation is divided in two sets of measures. The first set deals with the structure of the Russian digital economy which requires the creation of nation-wide data architecture to meet the demands of both businesses and the state and, accordingly, to ensure an efficient and effective implementation of the Digital Economy national programme. The second set of tasks deals with the digital identity considering the full-fledged organizational digital residency for organizations, things, individuals and the management of solutions and digital profiles of a person in order to ensure a shared trusted environment [46].

As for the goals and objectives to be achieved with the Digital Economy programme, the minister of digital development, communications and mass media, Konstantin Noskov stated that the main strategic goals are to improve the quality of

life for people, modernizing the economy, infrastructure and state governance by employing digital technologies. To implement the measures of the National programme by 2024 the total investment of P 1.08 trillion is distributed in the following six areas: Information Infrastructure (P 413.39 billion), Regulations for the Digital Environment (P 1.59 billion), Human Reserves for the Digital Economy (P 138.65 billion), Digital State Governance and Information Security (P 17.99 billion), Digital Technologies (P 282.05 billion), Digital State Governance (P 226.34 billion). The digital economy is the basis of a disruptive change in business and in technology and the introduction of this programme was justified by the fact that the Russian Federation lags behind the leading countries in terms of digitization of the economy¹¹.

However, even though awareness on the role of digital technologies is growing, the development of the digital economy has exposed existing problems while identifying new ones, which have made harder the successful implementation of the programme [6].

Among the others, the key issues, on which the Russian Federation and Russian businesses should work to foster the digital economy, are the lack of investment resources for many SMEs to realize projects of implementation and maintenance of IT systems, lack of both IT professionals and users; underdeveloped ecosystem, and the weak technical development and pace of digitalization of the economy.

As for the second policy measure, SPIC 2.0 groups the new federal laws regulating the use of special investment contracts. Regarding the support to SME business, three key points of the SPIC 2.0 mechanism deserve particular attention i.e. technologies, local development, and business internationalization.

First of all, the measure mainly focuses on the development of innovation and the introduction of modern technologies in the business activities and the production system since, under a SPIC, it is a condition sine qua non for the investor to implement a project for the launch or develop-

¹¹The share of the digital economy in the GDP of developed countries from 2010 to 2016 increased from 4.3 % to 5.5 %, and in the GDP of developing countries – from 3.6 % to 4.9 %. In the G20 countries, this figure increased from 4.1 % to 5.3 % in five years. The world leader in the share of the digital economy in GDP is the UK – 12.4 %. According to the forecasts of the consulting company Accenture, the use of digital technologies should add 1.36 trillion U.S. dollars in 2020, or 2.3 % of GDP in the total GDP of dozens of the world's leading economies. See: Digitalization: history, prospects, digital economies of Russia and the world (<http://www.up-pro.ru>) in [6].

ment of one of the technologies specified in the List of Advanced Technologies, whose definition has been tasked to the Russian Government [47]. Second, the new SPIC mechanism aims at facilitating foreign investments and internationalizing the investment projects in the Russian Federation. Lastly, according to the new terms, SPIC should involve governmental entities at all levels (i.e. federal, regional and municipal), as the public party, to the contract [48, p. 4] to pay more attention to local development and strengthen the local business ecosystem whose backwardness is a long-standing issue of Russian business.

Even though these two initiatives, the digital economy national programme and SPIC 2.0, do not regard solely and in some cases directly SMEs but the economic system as a whole and the attraction of foreign direct investment, their implementation can have a significant impact on SMEs supporting them to deal with the above-mentioned rooted issues. In any case, their actual results can only be assessed in the coming years.

Other relevant policies focusing on the support to Russian SMEs – announced by the former Prime Minister Dmitry Medvedev at the 2014 Gaidar economic Forum and partially implemented in the following years [49] – are:

1) a federal guarantee fund for SMEs (rus. *Федеральный гарантийный фонд*), whose function is similar to the already mentioned Italian guarantee fund (see § 6.2.) to facilitate SMEs' access to the lending providing guarantees to get loans;

2) other measures for the development of SMEs in specific Russian regions;

3) incentives for enterprises investing in innovation;

4) a minimum threshold of 15 % of the volume of national commission to be assigned to SMEs and social-oriented organizations;

5) two-year exemption from the payment of taxes for newly formed companies in the productive, social and scientific spheres.

Even though the Russian federal guarantee fund for SMEs has never been created, other measures and institutions to foster SME lending have been set up and developed. SMEs can still count on the support of a system of 80 regional guarantee funds and from 2018 on the Federal Corporation for the development of SMEs, established for the coordination of the national initiatives for

SMEs, providing also guarantees for bank loans [21, p. 177]. Despite these measures and other state programmes of preferential lending for SMEs, introduced in the last five years, outstanding SME loans declined from 2014 to 2018, both in comparison to the previous year and as a share of the total amount of loans. Indeed, while there was a steady increase in outstanding SME loans from 2008 and 2013, the positive trend reversed in 2014. Another relevant data showing the partial ineffectiveness of the state support to the system of SMEs' lending is the steady increase of the share of non-performing loans (NPLs) as a proportion of all SME loans from 4.3 % in 2008 to 15 % in 2017 with a modest reversal in the year 2018 in which it slightly decreased to 12.4 % [21, p. 177]. This negative data also exacerbates the spread reluctance of banks to provide loans to SMEs.

Another programme implemented by the Ministry for Economic Development includes the co-financing of regional expenses for creating special infrastructures for SMEs. These infrastructures involve incubators for businesses, micro-financing organizations, guarantee funds, technology and industrial parks, centers for business development and export support. The share of federal funds can reach 95 % of the total commitment, depending on the regional financial strength [21]. This programme also aims at helping SMEs investing in innovation which could have counted on a mechanism of deferred payment which, however, has only been partially implemented. The measure to render the public procurement system more open to SMEs came into force in 2014. The law on the contract system provided notable preferences to SMEs that registered at least 15 % of the annual volume of orders, related to the procurement of large companies with state-ownership, to be handled by non-profit socially-oriented organisations and small businesses. Consequently, the purchases of state-owned companies from SMEs went up to more than twofold from 2016 to 2018 reaching P 3.3 trillion [21]. Despite these measures, along with the partial application of two years of tax holidays for newly created enterprises in the industrial, social and research spheres, the share of SMEs dropped by 9.2 % from 2015 to 2018 [21], which may demonstrate a weak effect of acceleration of programmes and measures to support SMEs.

Russian SMEs also receive direct financial support from the state budget in different forms such as subsidies for the development of leasing, interests payment on loans, development of social and youth entrepreneurship, staff training. However, figures show that the direct support to SMEs in terms of money has been progressively reduced with a drop of 40 % of the federal budget allocated to the SME programme in only one year (from 2016 to 2017).

Another rooted problem related to the survival and development of SMEs in the Russian business environment is the lack of a second chance for honest entrepreneurs who went bankrupt. Indeed, once entrepreneurs fail they find it hard to set up a new business because of the widespread stigmatization of the failure [50]. Opinions of several local and foreign entrepreneurs indicate this fact as one of the major obstacles of starting a new business in the Russian Federation making the business ecosystem less competitive and stimulant.

Regarding the support to Russian SMEs coming from the entrepreneurial association, the most important Russian business organization for Russian SMEs is the all-Russian non-governmental organization OPORA RUSSIA. OPORA plays a crucial role in the resolution of legal controversies among SMEs and in representation of their interests before the State. Moreover, OPORA also collects specific data about SMEs in order to elaborate important indexes, such as the dynamic index RSBI (Russian Small Business Index) about the performance of SMEs which evaluates business sentiment in three sectors: trade, production, and services [51]. An index value above 50 points means an increase in business activity, below 50 - a decrease. An index of 50 points indicates a stagnation in the market. The trend of RSBI, as reported in figure 2, shows an overall stagnation of the SMEs activity for the period 2014 - 2019.

Figure 2 - RSBI for the period 2014 - 2019

Table 2 – Comparative analysis between Italy and the Russian Federation (authors’ elaboration)

SMEs focus	Italy	Russian Federation
Definition ¹²	Number of employees (< 250) and annual turnover (up to € 50 M) or a balance sheet total not exceeding € 43 M	Number of employees (< 250) and annual turnover (< P 2 B) Registered capital: Share of public bodies less than 25 %, share of foreign legal entities which are not SMEs less than 49 %
Relevance of SMEs	SMEs generate 67 % of overall value added in the Italian ‘non-financial economy’. Share of employment is of 78.1 %	SMEs generate 22 % of the Russian GDP. Share of employment is around 30 %
Index	SBA performance	RSBI Index
Support for digital transformation	Horizon 2020 Piano Impresa 4.0	SME Act Digital Economy of the Russian Federation
Intermediaries	Industrial and Artisan associations in the role of DIHs	OPORA platform
Key activities of intermediaries	– awareness on I.4.0 – digital maturity assessment – networking	– legal protection of entrepreneurs – political lobbying

Comparative analysis

Based on the core question which inspired this paper i.e. What can the Russian Federation learn from the Italian experience in supporting SMEs? a comparative analysis is developed between Italy and the Russian Federation regarding the role of financial instruments supporting the DX of SMEs, especially for introducing I4.0. The following table summarizes the main differences between the Italian and Russian approach in supporting SMEs (Table 2). Specifically the table highlights differences in terms of definition of SMEs, relevance in the country, performance indices, support measures for their DX and the role of intermediary structures supporting their development.

Even though Italian policy measures support SME access to financial resources, and the introduction of DX, Italian SMEs still need to be supported in being able to capture benefits from these measures focusing on long-term plans. This role

¹²On the date 18 December, 2020, the exchange rate amounts to 1 € = 90 P, 1 P = 0,011 €.

could be covered by artisanal and industrial associations which, in their role of DIHs, are found to be acting as connectors promoting collaboration between firms, especially SMEs, to external sources.

On the other hand, considering the Russian experience, where SMEs have still a low impact on the economy, SMEs can count on different direct and indirect measures of support, mainly related to the access to the financing, the regional development, the introduction of new technologies, the creation of a competitive environment and the involvement of SMEs in state procurement, whose overall effect on SME performance results, however, modest. Russian SMEs also received indirect financing support from the State, however facts and figures show that national commitment is still limited to ensure their development and SMEs' access to DX. Russian SME support measures are excessively fragmented and not well-performing without, thus, resulting in a relevant and consistent positive impact on SMEs. As a matter of fact, for similar measures of financial support between Russia and EU countries, the performance of Russian SMEs is positioned much under the European average and, at the current conditions, the need for the lending of the Russian SMEs is only 20 % satisfied [43].

The gap between the Russian Federation and Italy, along with the other EU countries, is widely recognized by both experts and policy-makers.

The Italian directions can be considered by the Russian experience - in the following areas:

1) policies for facilitating access to the financing through stronger federal guarantees for SME lending and wider and more consistent fiscal benefit for SMEs;

2) a targeted and goal-oriented programme to foster more efficient use of resources and, thus, the environmental and financial sustainability of SMEs;

3) SME support measures for letting these firms easily access, introduce and apply technology 4.0;

4) socio-economic reforms to cope with the problem of the second chance. This is a relevant

point since the stigma of the failure is widespread in the Russian business environment and represents a relevant obstacle for the development of SMEs and the dynamicity and competitiveness of the economic system as a whole;

5) the exploitation of OPORA RUSSIA, representing a reference point for the development of Russian SMEs. OPORA RUSSIA could adopt the collaborative approaches held by DIHs, nationally and internationally, to support SMEs becoming aware of the benefits of digital technologies.

Conclusions

The comparative analysis of the Italian policy measures for supporting SMEs may be instrumental for the Russian experience in the definition of high-performing instruments for financial access and of the activities of business organizations to make Russian SMEs more competitive. Business organizations, following the model of Italy, should be focusing on promoting collaboration among different stakeholders.

In fact the Russian Federation has hundreds of mechanisms to support entrepreneurs, but, according to the President of the Russian Union of Industrialists and Entrepreneurs, Mr Alexander Shokhin, it does not mean they are all efficient [52]. Despite the State recognizing the crucial role of SMEs in the Russian economy and seeking to envision various instruments to support their development, Russian policy supporting SMEs is not stable, cohesive and systematic thus jeopardizing the effectiveness and efficiency of state SME support measures. As reported by the study of the OECD, the Russian Federation has a basic policy and legal framework for SMEs and unlike the majority of EU countries, lacks a medium-term cohesive vision for policy actions involving all the stakeholders [42, pp. 32, 100].

The study calls for further developments. It would be of interest to develop a study on the role of OPORA in comparison with that of the Italian business associations. Further, one potential area to explore both for the Italian and the Russian case may be represented by the role held by digital manufacturing technologies in unlocking the circularity of resources within supply chains.

REFERENCES

1. UNCTAD. Improving the competitiveness of SMEs through enhancing productive capacity, Proceedings of Four Expert Meetings. New York and Geneva: United Nations, 2015. URL: https://unctad.org/en/Docs/iteteb20051_en.pdf.
2. Moeuf A., Pellerin R., Lamouri S., Tamayo-Giraldo S., Barbaray R. (2018). The industrial management of SMEs in the era of Industry 4.0, *International Journal of Production Research*, no. 3 (56), pp. 1118–1136.
3. Danilin I.V. (2018). Emerging technologies development: challenges for the science, technology and innovation policies, *MGIMO Review of International Relations*, no. 6 (63), pp. 255–270.
4. EC. SBA Fact Sheet. Italy. 2018.
5. Program “Digital Economy of the Russian Federation”. Order no. 1632p of the Government of the Russian Federation dated July 28, 2017. URL: <http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf>.
6. Digilina O., Teslenko I., Abdullayev N. (2019). Prospects for digitalization of the Russian economy. In: Proceedings of the 2nd International Scientific conference on New Industrialization: global, national, regional dimension (SICNI 2018). Atlantis Press.
7. Tsinchenko G.M., Orlova I.S. (2019). State policy in the sphere of small and medium-sized business development, *Management Issues*, no. 3 (58). URL: <http://journal-management.com/en/issue/2020/03/15>.
8. Druker P.F. (2009). Innovation and Entrepreneurship. New York, Harper Collins.
9. OECD. Enhancing the contributions of SMEs in a global and digitalised economy Paris: OECD Publishing, 2017. URL: <https://www.oecd.org/industry/C-MIN-2017-8-EN.pdf>.
10. Kagermann H., Wahlster W., Helbig J. (2013). Recommendations for implementing the strategic initiative INDUSTRIE 4.0. Final report of the Industrie 4.0 Working Group. Frankfurt am Main: Acat-ech. URL: <https://www.din.de/blob/76902/e8cac883f42bf28536e7e8165993f1fd/recommendations-for-implementing-industry-4-0-data.pdf>.
11. Schröder C. (2016). The Challenges of Industry 4.0 for Small and Medium-sized Enterprises. Friedrich-Ebert-Stiftung.
12. World Economic Forum. White paper. Accelerating the Impact of Industrial IoT in Small and Medium-Sized Enterprises. A Protocol for Action. Geneva: WEF, 2019. URL: [http://www3.weforum.org/docs/WEF_Accelerating_the_IIoT.pdf](http://www3.weforum.org/docs/WEF_Accelerating_the_Impact_of_IIoT.pdf).
13. Bellandi M.D., Propris L., Santini E. (2019). Industry 4.0 challenges to local productive systems and place-based integrated industrial policies. In: Bianchi P., Ruiz Durán C., Labory S. (eds.) Transforming Industrial Policy for the Digital Age: Production, Territories and Structural Change. Cheltenham: Edward Elgar Pub.
14. St. Petersburg International Economic Forum (SPIEF). Developing small business. 2019. URL: <http://roscongress.org/en/sessions/eef-2019-rossiya-evropa-/discussion/>.
15. EC. Commission Recommendation of 6 May 2003 concerning the definition of micro, small and medium-sized enterprises [notified under document number C(2003) 1422], *Official Journal of the European Union*. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32003H0361&from=EN>.
16. ISTAT. Capitolo 14. Imprese. 2018. URL: <http://www.istat.it/it/files//2018/12/C14.pdf>.
17. Lee J., Kao H.A., Yang S. (2014). Service innovation and smart analytics for industry 4.0 and big data environment, *Procedia CIRp*, no. 16, pp. 3–8.
18. Deloitte, Italia 4.0. Siamo pronti? 2018. URL: https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/it/Documents/process-and-operations/Report%20Italia%204.0%20siamo%20pronti_Deloitte%20Italy.pdf.
19. MISE-MET. La Diffusione delle Imprese 4.0 e le Politiche. 2018. URL: <https://www.mise.gov.it/images/stories/documenti/Rapporto-MiSE-MetI40.pdf>.
20. About Development of Small and Medium Entrepreneurship in the Russian Federation. Federal Law no. 209-FZ dated July 24, 2007. URL: <https://cis-legislation.com/document.fwx?rgn=17873>.
21. OECD. Financing SMEs and Entrepreneurs 2020: An OECD Scoreboard. Paris: OECD Publishing, 2020.
22. Basareva V.G. (2017). Small businesses in a system of measures aimed at recovering the trajectory of economic growth, *Studies on Russian Economic Development*, no. 5 (28), pp. 521–527.
23. Shirokova G., Vega G., Sokolova L. (2013). Performance of Russian SMEs: exploration, exploitation and strategic entrepreneurship, *Critical perspectives on international business*, no. 1/2 (9), pp. 173–203.
24. Faltsman V.K. (2020). On Overcoming Rus-

sia's Challenges, *Studies on Russian Economic Development*, no. 1 (31), pp. 44–51.

25. Dobrolyubova E., Alexandrov O., Yefremov A. (2018). Is Russia Ready for Digital Transformation? In: Alexandrov D., Boukhanovsky A., Chugunov A., Kabanov Y., Koltsova O. (eds.) *Digital Transformation and Global Society*. Cham: Springer.

26. Stull M. (2011). *Cash flow, the oxygen of business*. San Bernardino: Daily Bulletin, California State University.

27. Schwab K. (ed.) (2019). *The Global Competitiveness Report*. Geneva: World Economic Forum. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_TheGlobalCompetitivenessReport2019.pdf.

28. Dugnani R. (2012). *Cos'è la finanza agevolata*. IPSOA.

29. EC. EU funding programmes 2014–2020. URL: https://ec.europa.eu/info/strategy/eu-budget/spending/topic/eu-funding-programmes-2014-2020_en.

30. Eurostat. Smarter, greener, more inclusive? Indicators to support the Europe 2020 strategy. 2019.

31. Salimbeni A.P. (2019). *Fondi europei 2021–2027. Politica di coesione, guida al negoziato sul bilancio UE*. URL: <https://web.uniroma1.it/bibbarone/sites/default/files/fondi%20europei.pdf>.

32. Pes G.N., Porretta P. (2016). *Microfinance, EU Structural Funds and Capacity Building for Managing Authorities. A Comparative Analysis of European Convergence Regions*. UK: Palgrave Macmillan.

33. EC. HORIZON 2020 IN FULL SWING. Three Years On: Key facts and figures 2014–2016. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2018.

34. EC. SMEs. Horizon 2020. URL: <https://ec.europa.eu/programmes/horizon2020/en/area/smes>.

35. Lucchese M., Nascia L., Pianta M. (2016). *Industrial policy and technology in Italy, ISI Growth, Working Paper.*, no. 2. URL: http://www.isigrowth.eu/wp-content/uploads/2016/01/working_paper_2016_2.pdf.

36. Camera dei Deputati Servizio Studi, *Impresa 4.0*. 2019. URL: https://www.camera.it/temiap/documentazione/temi/pdf/1105008.pdf?_1563382635341.

37. Smart Specialization Platform, *Digital Innovation Hubs*. URL: <https://s3platform.jrc.ec.europa.eu/digital-innovation-hubs>.

38. Crupi A., Del Sarto N., Di Minin A., Gregori G.L., Lepore D., Marinelli L., Spigarelli F. (2020). The digital transformation of SMEs – a new knowledge broker called the digital innovation hub, *Jour-*

nal of Knowledge Management, no. 6 (24), pp. 1263–1288.

39. Marche Region. Regional law 20/03: codified text on norms related to industrial, craft and production services matters. 2003. URL: https://www.tuttocamere.it/files/regione/MARCHE_2003_20_B.pdf.

40. Marche Region. Bando impresa lavoro 4.0. 2018. URL: <https://www.regione.marche.it/News-Eventi/Post/47568/Online-il-Bando-Impresa-e-Lavoro-4-0>.

41. Decree of the Italian Minister of the economic development on the recognition of the complex industrial crisis area of the Fermo – Macerata district. 2018. URL: https://www.mise.gov.it/images/stories/documenti/allegati/crisi/01_DM_12-1-2018.pdf.

42. OECD. *Russian Federation: Key Issues and Policies, OECD Studies on SMEs and Entrepreneurship*. Paris: OECD Publishing, 2015.

43. Akulich O. (2020). Sostegno finanziario alle piccole e medie imprese nell'UE e in Russia: analisi comparativa, *Economia e Diritto, Analisi, spunti e riflessioni su temi economico-giuridici*, no. 12 (68). URL: <https://www.economiaediritto.it/sostegno-finanziario-alle-pmi-nellue-e-in-russia-analisi-comparativa/>.

44. European Investment Bank. *Small and Medium Entrepreneurship in Russia*. EIB: Luxembourg, 2013. URL: https://www.eib.org/attachment/s/efs/econ_study_small_and_medium_entrepreneurship_in_russia_en.pdf.

45. Centre for entrepreneurship. *SMEs and local development. Review of SME and Entrepreneurship Issues and Policies in the Russian Federation CFE/SME(2013)9/FINAL*. OECD, 2015.

46. Analytical center for the government of the Russian Federation. The Digital Economy national program was officially presented at the Open Innovations forum. 2018. URL: <https://ac.gov.ru/en/news/page/the-digital-economy-national-program-was-officially-presented-at-the-open-innovations-forum-18558>.

47. Mikhailovskaia E., Shavshina W., Sizova K. The new “SPIC 2.0” mechanism becomes law. DLA PIPER, 2019. URL: <https://www.dlapiper.com/en/russia/insights/publications/2019/08/spic/>.

48. Sitnikov A., Vasyukhnova A., Gasparyan A., Grigoryev M., Abtseshko N. *SPIC 2.0: Mechanism for development of innovations and introduction of modern technologies*. Vegas Lex, 2019.

49. The Russian Government. The 5th Gaidar Forum. 2014. URL: <http://government.ru/en/news/9741/>.

50. Dias A., Teixeira A.A.C. (2017). The anatomy of business failure: A qualitative account of its implications for future business success, *European Journal of Management and Business Economics*, no. 1 (26), pp. 2–20.

51. Opora Russia. RSBI Opora Index Small and Medium-sized Businesses. 2019.

52. SPIEF. New Investment Policy Mechanisms: Engines of Growth, Key conclusions. 2018. URL: <https://roscongress.org/en/sessions/novye-mekhanizmy-investitsionnoy-politiki-lokomotivyrosta/discussion/>.

AUTHORS' INFORMATION:

Fabio Coacci – University of Macerata (30/32, Via Giovanni Mario Crescimbeni, Macerata, Marche, 62100, Italy); Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry for Foreign Affairs of Russia (76, Vernadsky Av., Moscow, 119454, Russia); f.coacci1@unimc.it.

Dominique Lepore – University of Macerata (30/32, Via Giovanni Mario Crescimbeni, Macerata, Marche, 62100, Italy); d.lepore@unimc.it.

Ekaterina O. Shebalina – Ph.D. of Historical Sciences; Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry for Foreign Affairs of Russia (76, Vernadsky Av., Moscow, 119454, Russia); shebalina.e.o@my.mgimo.ru.

ВАК: 23.00.02

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ИТАЛЬЯНСКИХ И РОССИЙСКИХ МЕР ПОДДЕРЖКИ ЦИФРОВИЗАЦИИ МАЛОГО И СРЕДНЕГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

Ф. Коаччи^{13a,b}, Д. Лепоре^{14a}, Е.О. Шебалина^{15b}

^aУниверситет Мачераты

^bМосковский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

АННОТАЦИЯ:

Цель исследования заключается в сравнительном анализе основных мер, введенных Италией и Российской Федерацией для поддержки цифровой трансформации малых и средних предприятий (МСП).

Методы. В исследовании собраны данные из итальянских, европейских и российских источников для проведения полноценного сравнительного анализа, основанного на кабинетном исследовании последних финансовых мер, способствующих цифровизации МСП. Эмпирические данные о деятельности МСП позволяют сделать выводы об эффективности и действенности национальных мер поддержки.

Полученные результаты. Решающая роль МСП в стимулировании роста и благосостояния признается на разных уровнях в обеих странах. Однако анализ фактов и цифр указывает на отсутствие стратегического и комплексного подхода, а также на колеблющуюся тенденцию поддержки МСП со стороны России, которая отстает от среднего показателя по ЕС в различных областях, включая цифровизацию. Соответственно, итальянский опыт может помочь России в различных областях, таких как разработка стратегии таргетирования и целевых стратегий, облегчение доступа к финансированию, социально-экономические реформы и внедрение технологий Индустрии 4.0 через предпринимательские ассоциации.

¹³ORCID: 0000-0002-4504-6067

¹⁴ORCID: 0000-0002-0612-7059

¹⁵AuthorID РИНЦ: 971556, ORCID: 0000-0002-6830-8912

Научная новизна. Рассматривая опыт Италии, определены возможности его заимствования Российской Федерацией. Сравнительное исследование позволяет провести глубокую критическую оценку реализации конкретных мер, следовательно, дополнительная ценность данной работы для обеих рассмотренных стран, заключается в возможности перенимать чужой опыт.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: малое и среднее предпринимательство, Италия, Россия, Индустрия 4.0, инновация, дополнительное финансирование, развитие регионов.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Коаччи Ф., Лепоре Д., Шебалина Е.О. (2021). Сопоставительный анализ итальянских и российских мер поддержки цифровизации малого и среднего предпринимательства // Вопросы управления. № 2. С. 61–77.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. UNCTAD. Improving the competitiveness of SMEs through enhancing productive capacity, Proceedings of Four Expert Meetings. New York and Geneva: United Nations, 2015. URL: https://unctad.org/en/Docs/iteteb20051_en.pdf.
2. Moeuf A., Pellerin R., Lamouri S., Tamayo-Giraldo S., Barbaray R. (2018). The industrial management of SMEs in the era of Industry 4.0, *International Journal of Production Research*, no. 3 (56), pp. 1118–1136.
3. Danilin I.V. (2018). Emerging technologies development: challenges for the science, technology and innovation policies, *MGIMO Review of International Relations*, no. 6 (63), pp. 255–270.
4. EC. SBA Fact Sheet. Italy. 2018.
5. Program “Digital Economy of the Russian Federation”. Order no. 1632p of the Government of the Russian Federation dated July 28, 2017. URL: <http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf>.
6. Digilina O., Teslenko I., Abdullayev N. (2019). Prospects for digitalization of the Russian economy. In: Proceedings of the 2nd International Scientific conference on New Industrialization: global, national, regional dimension (SICNI 2018). Atlantis Press.
7. Tsinchenko G.M., Orlova I.S. (2019). State policy in the sphere of small and medium-sized business development, *Management Issues*, no. 3 (58). URL: <http://journal-management.com/en/issue/2020/03/15>.
8. Druker P.F. (2009). Innovation and Entrepreneurship. New York, Harper Collins.
9. OECD. Enhancing the contributions of SMEs in a global and digitalised economy Paris: OECD Publishing, 2017. URL: <https://www.oecd.org/industry/C-MIN-2017-8-EN.pdf>.
10. Kagermann H., Wahlster W., Helbig J. (2013). Recommendations for implementing the strategic initiative INDUSTRIE 4.0. Final report of the Industrie 4.0 Working Group. Frankfurt am Main: Acat-ech. URL: <https://www.din.de/blob/76902/e8cac883f42bf28536e7e8165993f1fd/recommendations-for-implementing-industry-4-0-data.pdf>.
11. Schröder C. (2016). The Challenges of Industry 4.0 for Small and Medium-sized Enterprises. Friedrich-Ebert-Stiftung.
12. World Economic Forum. White paper. Accelerating the Impact of Industrial IoT in Small and Medium-Sized Enterprises. A Protocol for Action. Geneva: WEF, 2019. URL: [http://www3.weforum.org/docs/WEF_Accelerating_the_IIoT.pdf](http://www3.weforum.org/docs/WEF_Accelerating_the_Impact_of_IIoT.pdf).
13. Bellandi M.D., Propriis L., Santini E. (2019). Industry 4.0 challenges to local productive systems and place-based integrated industrial policies. In: Bianchi P., Ruiz Durán C., Labory S. (eds.) Transforming Industrial Policy for the Digital Age: Production, Territories and Structural Change. Cheltenham: Edward Elgar Pub.
14. St. Petersburg International Economic Forum (SPIEF). Developing small business. 2019. URL: <http://roscongress.org/en/sessions/eef-2019-rossiya-evropa-/discussion/>.
15. EC. Commission Recommendation of 6 May 2003 concerning the definition of micro, small and medium-sized enterprises [notified under document number C(2003) 1422], *Official Journal of the European Union*. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32003H0361&from=EN>.
16. ISTAT. Capitolo 14. Imprese. 2018. URL: <http://www.istat.it/it/files//2018/12/C14.pdf>.
17. Lee J., Kao H.A., Yang S. (2014). Service innovation and smart analytics for industry 4.0 and big data environment, *Procedia CIRp*, no. 16, pp. 3–8.
18. Deloitte, Italia 4.0. Siamo pronti? 2018. URL: <https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/i>

t/Documents/process-and-operations/Report%20Italia%204.0%20siamo%20pronti_Deloitte%20Italy.pdf.

19. MISE-MET. La Diffusione delle Imprese 4.0 e le Politiche. 2018. URL: <https://www.mise.gov.it/images/stories/documenti/Rapporto-MiSE-MetI40.pdf>.

20. About Development of Small and Medium Entrepreneurship in the Russian Federation. Federal Law no. 209-FZ dated July 24, 2007. URL: <https://cis-legislation.com/document.fwx?rgn=17873>.

21. OECD. Financing SMEs and Entrepreneurs 2020: An OECD Scoreboard. Paris: OECD Publishing, 2020.

22. Basareva V.G. (2017). Small businesses in a system of measures aimed at recovering the trajectory of economic growth, *Studies on Russian Economic Development*, no. 5 (28), pp. 521–527.

23. Shirokova G., Vega G., Sokolova L. (2013). Performance of Russian SMEs: exploration, exploitation and strategic entrepreneurship, *Critical perspectives on international business*, no. 1/2 (9), pp. 173–203.

24. Faltsman V.K. (2020). On Overcoming Russia's Challenges, *Studies on Russian Economic Development*, no. 1 (31), pp. 44–51.

25. Dobrolyubova E., Alexandrov O., Yefremov A. (2018). Is Russia Ready for Digital Transformation? In: Alexandrov D., Boukhanovsky A., Chugunov A., Kabanov Y., Koltsova O. (eds.) *Digital Transformation and Global Society*. Cham: Springer.

26. Stull M. (2011). *Cash flow, the oxygen of business*. San Bernardino: Daily Bulletin, California State University.

27. Schwab K. (ed.) (2019). *The Global Competitiveness Report*. Geneva: World Economic Forum. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_TheGlobalCompetitivenessReport2019.pdf.

28. Dugnani R. (2012). *Cos'è la finanza agevolata*. IPSOA.

29. EC. EU funding programmes 2014–2020. URL: https://ec.europa.eu/info/strategy/eu-budget/spending/topic/eu-funding-programmes-2014-2020_en.

30. Eurostat. Smarter, greener, more inclusive? Indicators to support the Europe 2020 strategy. 2019.

31. Salimbeni A.P. (2019). *Fondi europei 2021–2027. Politica di coesione, guida al negoziato sul bilancio UE*. URL: <https://web.uniroma1.it/bibbarone/sites/default/files/fondi%20europei.pdf>.

32. Pes G.N., Porretta P. (2016). *Microfinance, EU Structural Funds and Capacity Building for Manag-*

ing Authorities. A Comparative Analysis of European Convergence Regions. UK: Palgrave Macmillan.

33. EC. HORIZON 2020 IN FULL SWING. Three Years On: Key facts and figures 2014–2016. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2018.

34. EC. SMEs. Horizon 2020. URL: <https://ec.europa.eu/programmes/horizon2020/en/area/smes>.

35. Lucchese M., Nascia L., Pianta M. (2016). Industrial policy and technology in Italy, *ISI Growth, Working Paper*, no. 2. URL: http://www.isigrowth.eu/wp-content/uploads/2016/01/working_paper_2016_2.pdf.

36. Camera dei Deputati Servizio Studi, Impresa 4.0. 2019. URL: https://www.camera.it/temiap/documentazione/temi/pdf/1105008.pdf?_1563382635341.

37. Smart Specialization Platform, Digital Innovation Hubs. URL: <https://s3platform.jrc.ec.europa.eu/digital-innovation-hubs>.

38. Crupi A., Del Sarto N., Di Minin A., Gregori G.L., Lepore D., Marinelli L., Spigarelli F. (2020). The digital transformation of SMEs – a new knowledge broker called the digital innovation hub, *Journal of Knowledge Management*, no. 6 (24), pp. 1263–1288.

39. Marche Region. Regional law 20/03: codified text on norms related to industrial, craft and production services matters. 2003. URL: https://www.tuttocamere.it/files/regione/MARCHE_2003_20_B.pdf.

40. Marche Region. Bando impresa lavoro 4.0. 2018. URL: <https://www.regione.marche.it/News-Eventi/Post/47568/Online-il-Bando-Impresa-e-Lavoro-4-0>.

41. Decree of the Italian Minister of the economic development on the recognition of the complex industrial crisis area of the Fermo – Macerata district. 2018. URL: https://www.mise.gov.it/images/stories/documenti/allegati/crisi/01_DM_12-1-2018.pdf.

42. OECD. Russian Federation: Key Issues and Policies, *OECD Studies on SMEs and Entrepreneurship*. Paris: OECD Publishing, 2015.

43. Akulich O. (2020). Sostegno finanziario alle piccole e medie imprese nell'UE e in Russia: analisi comparativa, *Economia e Diritto, Analisi, spunti e riflessioni su temi economico-giuridici*, no. 12 (68). URL: <https://www.economiaediritto.it/sostegno-finanziario-alle-pmi-nellue-e-in-russia-analisi-comparativa/>.

44. European Investment Bank. *Small and Medium Entrepreneurship in Russia*. EIB: Luxembourg, 2013. URL: <https://www.eib.org/attachment>

s/efs/econ_study_small_and_medium_entrepreneurship_in_russia_en.pdf.

45. Centre for entrepreneurship. SMEs and local development. Review of SME and Entrepreneurship Issues and Policies in the Russian Federation CFE/SME(2013)9/FINAL. OECD, 2015.

46. Analytical center for the government of the Russian Federation. The Digital Economy national program was officially presented at the Open Innovations forum. 2018. URL: <https://ac.gov.ru/en/news/page/the-digital-economy-national-program-was-officially-presented-at-the-open-innovations-forum-18558>.

47. Mikhailovskaia E., Shavshina W., Sizova K. The new "SPIC 2.0" mechanism becomes law. DLA PIPER, 2019. URL: <https://www.dlapiper.com/en/russia/insights/publications/2019/08/spic/>.

48. Sitnikov A., Vasyukhnova A., Gasparyan A.,

Grigoryev M., Abtseshko N. SPIC 2.0: Mechanism for development of innovations and introduction of modern technologies. Vegas Lex, 2019.

49. The Russian Government. The 5th Gaidar Forum. 2014. URL: <http://government.ru/en/news/9741/>.

50. Dias A., Teixeira A.A.C. (2017). The anatomy of business failure: A qualitative account of its implications for future business success, *European Journal of Management and Business Economics*, no. 1 (26), pp. 2–20.

51. Opora Russia. RSBI Opora Index Small and Medium-sized Businesses. 2019.

52. SPIEF. New Investment Policy Mechanisms: Engines of Growth, Key conclusions. 2018. URL: <https://roscongress.org/en/sessions/novye-mekhanizmy-investitsionnoy-politiki-lokomotiv-rosta/discussion/>.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Коаччи Фабио – Университет Мачераты (62100, Италия, Марке, Мачерата, ул. Джованни Марио Крешимбени, 30/32); Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России (119454, Россия, Москва, пр-кт Вернадского, 76); f.coacci1@unimc.it.

Лепоре Доминик – Университет Мачераты (62100, Италия, Марке, Мачерата, ул. Джованни Марио Крешимбени, 30/32); d.lepore@unimc.it.

Шебалина Екатерина Олеговна – кандидат исторических наук; Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России (119454, Россия, Москва, пр-кт Вернадского, 76); shebalina.e.o@my.mgimo.ru.

ОЦЕНКА ВОЗРАСТА НАЧАЛА ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЖЕНЩИНАМИ В СОВРЕМЕННЫХ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЭКОНОМИКАХ

Ю.С. Пиньковецкая^а

^аУльяновский государственный университет

АННОТАЦИЯ:

Цель. Развитие предпринимательства требует понимания возрастной структуры начинающих предпринимателей в современных странах. Целью исследования являлась оценка начала предпринимательской деятельности в ряде национальных экономик. При этом решались задачи определения основных возрастных групп женщин-предпринимателей, создающих свои бизнесы, установление удельных весов по пяти возрастным группам в общей численности женского населения по странам, оценка средних значений и интервалов изменения пяти показателей.

Методы. Исследование основывалось на использовании статистических и экономических методов, моделировании эмпирических данных, компаративного анализа, а также систематизации и структуризации информации. Исходными данными являлись материалы проекта глобального мониторинга предпринимательства по 59 странам. Оценка распределения по всем этим странам значений удельных весов начинающих женщин-предпринимателей осуществлялась на основе построения пяти экономико-математических моделей, которые представляли собой функции плотности нормального распределения.

Результаты. В процессе вычислительного эксперимента устанавливались средние значения рассматриваемых показателей. Было доказано, что женщины-предприниматели предпочитают создавать свои бизнесы в возрасте от 25 до 44 лет. Существенное снижение доли начинающих женщин-предпринимателей отмечается в предпенсионном возрасте. Было показано, что в 2018 году имели место существенные различия в значениях пяти рассматриваемых показателей по странам. Выявлены страны, для которых были характерны максимальные и минимальные значения показателей. Проведен сравнительный анализ значений показателей по России и зарубежным странам.

Научная новизна. Получены новые знания о возрастной структуре женщин-предпринимателей, начинающих свои бизнесы в современных экономиках. Проведен компаративный межстрановой анализ начала предпринимательской деятельности женщинами.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: женщины-предприниматели, создание собственных бизнесов, возрастная структура, страны, глобальный мониторинг предпринимательства, функции нормального распределения.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Пиньковецкая Ю.С. (2021). Оценка возраста начала предпринимательской деятельности женщинами в современных национальных экономиках // Вопросы управления. № 2. С. 78–89.

Введение

В последние годы значительно возросла роль предпринимательского сектора в национальных экономиках. Развитие предпринимательства решает задачи повышения эффективности производства товаров и оказания услуг, создания новых рабочих мест, усиливает конкуренцию на действующих рынках, а также решает широкий спектр социальных задач [1; 2]. Предпринимательская инициатива

является жизненно важным элементом, определяющим конкурентоспособность экономики. Предприниматели играют существенную роль в содействии техническому прогрессу и инновациям в современных странах. Значение предпринимателей особенно возрастает в периоды экономических кризисов, поскольку малый и средний бизнес способен лучше адаптироваться к изменениям рыночных условий. Поэтому актуальной проблемой для большин-

ства стран является привлечение новых людей к предпринимательской деятельности. Решение соответствующих задач требует понимания того, в каком возрасте люди предпочитают создавать собственные бизнесы.

Рассматривая формирование сложившейся возрастной структуры начинающих предпринимателей, можно выделить основные тенденции [3; 4], отражающие влияние возраста, в котором люди начинают создавать свои собственные бизнесы. В молодом возрасте люди не имеют еще семей и связанных с этим обязанностей, они зачастую хорошо понимают создавшиеся на рынках возможности производства новых товаров и оказания услуг [5]. Вместе с тем, у молодых людей нет еще необходимых для успешного предпринимательства компетенций и знаний, а главное – финансов, поэтому авторы статьи [6] указали на то, что молодежь в возрасте до 24 лет относительно редко создают собственные бизнесы. В процессе дальнейшего взросления у людей накапливаются необходимые образовательные, денежные и социальные ресурсы [7]. Речь идет о человеческом капитале (знаниях и компетенциях), финансовом капитале и социальном капитале (наличии положительной репутации, сетевых связей и знакомств, а также общественного статуса). То есть появляются реальные возможности создания собственных фирм, а также их последующей успешной деятельности. Значительные интенции предпринимательской активности отмечаются до 45–50 лет, а затем они снижаются [8]. Отметим, что основными факторами, обуславливающими такое снижение, являются желание не рисковать и сохранять статус наемного работника, проблемы со здоровьем, неуверенность в себе, отсутствие необходимых знаний или трудности их освоения в зрелом возрасте.

По мнению ряда исследователей наиболее приемлемым для создания бизнесов является интервал от 25–44 года. Такой вывод на примере экономически развитых стран сделан в [9]. То же и в развивающихся странах [10].

В целом, указанные выше тенденции формируют обратную U-образную связь между возрастом начинающих предпринимателей и их долей в общей численности взрослого населения [11; 12], то есть небольшая вначале предпринимательская активность молодых людей увеличивается с возрастом, достигает своего насыщения, а затем снижается при приближении к пенсионному возрасту.

Предпринимательство имеет существенные региональные различия [13; 14], в том числе отмечается значительная дифференциация возрастных характеристик начинающих предпринимателей в разных странах [11; 15]. Поэтому логичным представляется анализ возраста взрослых людей, создающих свои бизнесы в современных национальных экономиках. Учитывая возрастание роли гендерных исследований в предпринимательстве [16–18], наряду с компаративным межстрановым анализом, в нашей статье рассматриваются сложившиеся различия в возрасте женщин, создающих собственные бизнесы.

В последние годы в большинстве стран сформировались высокие ожидания дальнейшего развития женского предпринимательства [19]. Для развивающихся стран характерен интерес к предпринимательству как инструменту освобождения и расширения прав и возможностей женщин от нищеты, дискриминации и патриархальных ограничений [20; 21]. В качестве примера можно отметить, что в десяти странах АСЕАН владели и управляли в 2018 году собственным бизнесом более 61 миллиона женщин-предпринимателей¹. В развитых странах женское предпринимательство выступает в качестве инструмента обретения независимости (в том числе финансовой), удовлетворения своих потребностей, повышения социального статуса, освобождения от организационных и институциональных препятствий, а также обеспечения благосостояния своей семьи [22; 23]. В материалах Всемирного экономического форума², проходившего в 2018 году, сделано предположение, что

¹Women's Entrepreneurship: Lessons and Good Practice. ST/ESCAP/2814. Economic and Social Commission. United Nations Publication. 2018. URL: <https://www.unescap.org/resources/womens-entrepreneurship-lessons-and-good-practices-asia-and-pacific> (дата обращения: 15.01.2021).

²World Economic Forum. 2018. The Global Gender Gap Report. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_GGGG_R_2018.pdf (дата обращения: 20.12.2020).

расширение возможностей участия женщин в предпринимательстве позволило бы увеличить ВВП современных национальных экономик на 28 триллионов долларов к 2025 году. Как показывает накопленный опыт, женщины начинают свой собственный бизнес по двум основным, хотя и не обязательно взаимоисключающим причинам. Первая причина связана с тем, что у некоторых из них нет других возможностей обеспечить свою занятость и соответственно зарабатывать средства. Вторая причина обусловлена желанием женщин улучшить свое финансовое положение и социальный статус за счет поиска возможностей начать предпринимательскую деятельность. Соответственно можно говорить о том, что женщины, вовлеченные в предпринимательство, начинают создание бизнесов по необходимости или по возможности.

Несмотря на препятствия, с которыми сталкиваются женщины при открытии своего бизнеса и управлении им, все больше и больше женщин создают свои собственные предприятия. Как уже отмечалось, на сегодняшний день женское предпринимательство находится на подъеме. Вместе с тем для его дальнейшего становления и наращивания необходимо устранить имеющиеся во многих странах финансовые, социальные, организационные барьеры или, по крайней мере, их уменьшить. Такие меры позволят на наш взгляд решить комплекс задач, среди которых можно выделить:

– экономические задачи, связанные с созданием женщинами-предпринимателями новых рабочих мест для себя и других. При этом создание женщинами собственных фирм позволяет капитализировать накопленный ими опыт, приобретенные ранее навыки и полученные в процессе обучения знания и компетенции;

– социологические задачи, направленные на создание собственных бизнесов в качестве альтернативы другим видам занятости и безработице, на возможность оптимального баланса трудовых и семейных обязанностей, а также улучшение социального климата;

– политические задачи, связанные с уменьшением неравенства между мужчинами и женщинами (гендерного разрыва), повышения самостоятельности женщины и их возможности

играть более активную роль в политической жизни страны.

В целом можно констатировать, что для большинства развитых и развивающихся экономик актуальной проблемой является увеличение роли женщин в предпринимательстве, обеспечение поддержки и помощи женщинам, которые создают собственные бизнесы или являются самозанятыми. При этом необходимо учитывать возрастную структуру женского предпринимательства [24]. Вместе с тем, в теоретических и прикладных исследованиях до настоящего времени неоправданно мало внимания уделяется возрастным аспектам женского предпринимательства. Учитывая это, наше исследование было посвящено такой проблеме, как возрастные особенности женщин-предпринимателей в современных национальных экономиках.

Целью нашего исследования была оценка возраста, в котором начинающие женщины-предприниматели создали свои собственные бизнесы в современных странах. К начинающим предпринимательскую деятельность женщинам относятся те, кто во время обследования находился на стадии создания либо уже создал собственные бизнесы и владеют ими менее трех с половиной лет. Для оценки возраста начинающих предпринимателей использовались показатели, характеризующие их удельный вес в численности взрослого (18–64 года) населения каждой из стран.

Учитывая итоги анализа научных публикаций, посвященных возрастным особенностям создания собственных бизнесов, некоторые из которых приведены выше, в процессе нашего исследования рассматривались пять возрастных групп начинающих женщин-предпринимателей. В первую группу вошли женщины-предприниматели, создавшие бизнесы в возрастном интервале от 18 до 24 лет. Во вторую группу были включены те, кто находился на начальной стадии предпринимательской деятельности и имел возраст от 25 до 34 лет. Третьей, четвертой и пятой группам соответствовали начинающие женщины-предприниматели в возрасте 35–44 лет, 45–54 лет и 55–64 лет соответственно.

Процесс исследования включал пять этапов. На первом этапе формировались исход-

ные данные, описывающие создание бизнесов женщинами, относящимися к соответствующим группам, по различным странам. На втором этапе оценивались значения удельных показателей, характеризующих создание бизнесов женщинами, относящимися к указанным возрастным группам, в общей численности всех женщин в каждой из стран. На третьем этапе определялись средние значения показателей по рассматриваемым странам и диапазоны, в которых находятся значения этих показателей для большинства из них. На четвертом этапе проводился компаративный анализ, в процессе которого устанавливались страны, в которых отмечались минимальные и максимальные значения показателей. На пятом этапе проводился сравнительный анализ значений показателей по России и зарубежным странам.

В качестве исходной информации в исследовании использовались результаты опросов взрослых людей, проведенных в 59 странах, в процессе реализации проекта Глобального мониторинга предпринимательства.

В нашем исследовании рассматривалась оценка пяти показателей, характеризующих создание бизнесов женщинами в указанных выше возрастных группах по 59 странам в 2018 году. К этим показателям относятся: 1) удельный вес женщин-предпринимателей, относящихся к первой группе, в общей численности женщин (показатель 1); 2) ко второй группе – показатель 2; 3) к третьей группе – показатель 3; 4) к четвертой группе – показатель 4; 5) к пятой группе – показатель 5.

Проведенное исследование включало проверку пяти следующих гипотез:

– гипотеза 1: наибольшая доля женщин-предпринимателей создает бизнесы в возрасте от 25 лет до 44 лет;

– гипотеза 2: наименьшая доля женщин-предпринимателей создает бизнесы в возрасте от 55 лет до 64 лет;

– гипотеза 3: значения рассматриваемых пяти показателей имеют существенную дифференциацию по разным странам;

– гипотеза 4: территориальное расположение стран не оказывает существенного влияния на значения каждого из пяти показателей;

– гипотеза 5: уровень доходов населения в рассматриваемых странах не оказывает существенного влияния на значения каждого из пяти показателей.

В экономико-математическом моделировании, используемом для оценки каждого из пяти показателей, применялись функции нормального распределения. Их использование основывается на предположении о вероятностном (стохастическом) распределении значений показателей по различным странам. При этом мы исходим из того, что дифференциация эмпирических данных, характеризующих участие женщин-предпринимателей в экономике стран, обуславливается многими факторами: объективными и субъективными.

К объективным факторам относятся:

- территориальное расположение стран;
- природные и климатические условия;
- особенности социального и уровень экономического развития стран;
- преобладающие виды деятельности, характерные для женщин-предпринимателей;
- наличие производственной и технологической инфраструктуры.

Субъективными факторами являются:

- сложившиеся традиции, национальные и культурные особенности;
- система образования, как общего, так и профессионального;
- принципы менеджмента, характерного для различных стран;
- институциональные концепции и неформальные регуляторные особенности;
- нормативно-правовые акты, регулирующие предпринимательскую деятельность, включая те, которые обеспечивают поддержку бизнеса.

Отметим, что указанные факторы действуют разнонаправлено. Соответственно некоторые из них приводят к росту, а другие – к уменьшению величин показателей.

Значение показателей наряду с факторами определяются также действием двух социально-экономических механизмов. Первый механизм определяет схожесть величин показателей по странам и приводит к группировке их около некоторого среднего значения по большинству стран. Второй механизм определяет разброс величин показателей по конкрет-

ным странам по отношению к среднему значению. При этом для ряда стран отклонения могут быть положительными, а для других стран – отрицательными. Этот вывод определяется разнонаправленностью действия факторов второго вида. Указанные предположения позволяют считать, что имеется возможность проводить аппроксимацию эмпирических данных (наблюдений) с использованием таких моделей, как функции нормального распределения. При этом мы исходим из центральной предельной теоремы, устанавливающей, что среднее арифметическое достаточно большого числа независимых случайных величин утрачивает характер случайной величины. Большое количество величин в рассматриваемых нами объектах очевидно, поскольку множество предпринимательских структур, создаваемых женщинами в современных экономиках, измеряется от тысяч до сотен тысяч. Необходимо также отметить, что каждая из этих структур является независимым хозяйствующим субъектом со своими собственными целями и задачами. Они ведут конкурентную деятельность на существующих рынках и принимают на себя риск, определяемый конкретными экономическими ситуациями. Существенно, что каждое из наблюдений, как было отмечено, может описываться показателями, имеющими значительный разброс, однако их среднее значение является относительно стабильным. Следовательно, можно предположить, что удельные значения, характеризующие возрастную структуру женского предпринимательства, являются случайными величинами.

Для проверки возможности использования функций плотности нормального распределения этих случайных величин проводился соответствующий вычислительный эксперимент. В процессе разработки функций исходные эмпирические данные объединялись в группы по диапазонам изменения значений показателей. Эти группы данных геометрически отображаются в виде соответствующих гистограмм. Аппроксимация данных с использованием функций нормального распределения осуществляется по общепринятым статистическим методам. Важно отметить, что среднее значение рассматриваемых показателей, а также их

стандартные отклонения для функций плотности нормального распределения отображаются в самих формулах разработанных функций. Следовательно, построив конкретную функцию, мы без дополнительных расчетов получаем указанные параметры рассматриваемых показателей. В статье автора [25] представлен методический подход к их разработке и использованию для определения средних значений показателей по рассматриваемым государствам, а также диапазонов вариации значений по большинству государств. Границы диапазонов значений показателей по 68 % стран определялись исходя из средних значений показателей и соответствующих стандартных отклонений. Нижняя граница интервала равна разности между средним значением и стандартным отклонением, а верхняя граница – их сумме. В процессе нашей работы устанавливались государства с максимальными и минимальными величинами показателей.

Результаты и их обсуждение

На первом этапе исследования формировались исходные данные по 59 странам, описывающие удельные веса женщин-предпринимателей, входящих в каждую из возрастных групп в общей численности взрослых женщин в соответствующих странах. Итоги этой работы приведены в таблице 1.

Таблица 1 – Удельный вес женщин-предпринимателей, относящихся к каждой из групп, в общей численности женщин по стране (исходные данные), %

Table 1 – Share of women entrepreneurs belonging to each of the groups in the total number of women in the country (initial data), %

Страны	Группа				
	1	2	3	4	5
Ангола	35,1	52,6	40,8	27,2	32,1
Аргентина	6,0	9,7	9,3	10,3	4,5
Австралия	6,7	10,0	10,9	10,0	6,6
Австрия	12,0	9,2	9,7	7,2	2,6
Босния и Герцоговина	5,7	5,1	1,9	1,3	0,9
Бразилия	18,8	20,3	21,2	13,1	9,0
Болгария	5,3	6,8	7,5	6,2	2,1
Канада	26,4	26,8	16,3	13,8	6,3
Чили	14,8	22,0	26,0	24,9	15,6
Китай	9,5	9,8	14,5	7,8	5,1
Колумбия	15,5	21,5	21,3	20,4	7,9
Хорватия	8,5	14,8	7,3	3,9	2,7
Кипр	0,7	3,1	3,3	4,0	2,6
Эквадор	24,0	38,5	32,5	32,5	18,1

Продолжение таблицы 1

Египет	5,1	7,4	3,2	5,6	3,3
Эстония	14,7	25,4	17,3	9,8	5,2
Франция	3,9	5,8	8,5	4,1	3,6
Германия	5,1	3,4	3,7	3,4	1,8
Греция	7,8	4,6	1,8	3,5	2,8
Гватемала	24,2	24,3	29,0	25,8	13,6
Индия	10,0	8,4	7,8	10,0	6,8
Индонезия	14,4	12,7	16,6	13,4	13,2
Иран	4,3	8,8	9,2	2,6	2,8
Ирландия	6,8	10,7	8,0	6,0	4,0
Израиль	10,3	14,1	7,8	7,0	5,3
Италия	2,8	7,3	3,4	0,8	0,9
Япония	6,0	6,0	4,1	3,2	1,8
Казахстан	17,5	9,2	12,9	9,0	8,9
Республика Корея	11,2	12,4	12,2	13,3	10,6
Латвия	13,8	15,4	14,5	10,9	2,6
Ливан	9,8	22,4	23,0	14,1	14,1
Люксембург	5,6	7,5	15,2	7,2	5,1
Мадагаскар	25,6	25,7	16,4	17,2	8,2
Малайзия	17,5	26,2	23,5	17,0	8,5
Мексика	8,0	12,5	14,7	12,1	5,2
Марокко	5,2	4,4	5,2	3,2	1,8
Нидерланды	7,4	13,8	10,1	7,0	3,2
Панама	12,8	15,4	15,7	16,0	6,6
Перу	23,4	20,6	23,7	17,3	17,4
Польша	1,7	8,8	7,1	1,9	1,0
Пуэрто Рико	9,1	15,0	11,0	3,9	3,2
Катар	7,4	4,3	13,2	14,1	0,0
Российская Федерация	3,8	7,1	3,9	3,3	1,2
Саудовская Аравия	5,2	9,2	7,9	9,2	13,2
Словакия	13,9	12,9	7,0	7,1	5,9
Словения	2,0	5,3	5,0	3,7	2,2
ЮАР	7,0	14,6	10,0	5,7	3,9
Испания	2,0	7,8	7,0	7,1	3,8
Судан	7,5	18,0	22,0	27,8	17,6
Швеция	5,1	5,8	3,0	3,1	3,3
Швейцария	2,5	7,5	4,9	4,4	3,4
Тайвань	10,9	19,9	7,9	4,0	3,4
Таиланд	12,5	28,1	19,8	15,7	18,7
Турция	7,7	10,2	10,9	6,3	3,7
ОАЭ	4,7	12,0	7,8	16,4	0,0
Великобритания	3,1	8,7	6,7	4,1	3,6
США	12,7	14,8	17,9	11,6	10,4
Уругвай	13,9	19,3	13,3	8,8	3,5
Вьетнам	26,8	33,6	20,9	19,9	14,3

В процессе вычислительного эксперимента проводилось экономико-математическое моделирование на основе эмпирических данных. Модели, которые описывают распределения пяти показателей по 59 странам, продемонстрированы ниже:

– удельный вес женщин-предпринимателей, относящихся к первой группе, в общей численности женщин (%):

$$y_1(x_1) = \frac{269,71}{6,47 \cdot \sqrt{2\pi}} \cdot e^{-\frac{(x_1-10,10)^2}{2 \cdot 6,47 \cdot 6,47}}; \quad (1)$$

– удельный вес женщин-предпринимателей, относящихся ко второй группе, в общей численности женщин (%):

$$y_2(x_2) = \frac{373,67}{7,27 \cdot \sqrt{2\pi}} \cdot e^{-\frac{(x_2-13,26)^2}{2 \cdot 7,27 \cdot 7,27}}; \quad (2)$$

– удельный вес женщин-предпринимателей, относящихся к третьей группе, в общей численности женщин (%):

$$y_3(x_3) = \frac{373,67}{12,13 \cdot \sqrt{2\pi}} \cdot e^{-\frac{(x_3-12,13)^2}{2 \cdot 7,27 \cdot 7,27}}; \quad (3)$$

– удельный вес женщин-предпринимателей, относящихся к четвертой группе, в общей численности женщин (%):

$$y_4(x_4) = \frac{314,66}{5,89 \cdot \sqrt{2\pi}} \cdot e^{-\frac{(x_4-9,35)^2}{2 \cdot 5,89 \cdot 5,89}}; \quad (4)$$

– удельный вес женщин-предпринимателей, относящихся к пятой группе, в общей численности женщин (%):

$$y_5(x_5) = \frac{132,75}{3,79 \cdot \sqrt{2\pi}} \cdot e^{-\frac{(x_5-5,51)^2}{2 \cdot 3,79 \cdot 3,79}}. \quad (5)$$

Высокое качество функций (1)–(5) было подтверждено в процессе тестирования по критериям Шапиро-Вилка, Пирсона и Колмогорова-Смирнова.

На следующем этапе исследования были выявлены закономерности, характеризующие распределения рассматриваемых показателей. В столбце 2 (табл. 2) приведены данные, характеризующие средние величины показателей. Диапазоны, в которых находятся значения показателей по большинству стран, продемонстрированы в третьем столбце таблицы.

Приведенные в таблице 2 данные показывают, что начинающие женщины-предприниматели предпочитают создавать свои собственные бизнесы в возрасте от 25 лет до 44 лет. То есть начинающим предпринимателям, входящим во вторую и третью возрастные группы, разница между средними значениями по которым была около 1 %. В среднем по рассматриваемым странам каждая восьмая женщина в 2018 году являлась начинающим предпринимателем. Несколько меньшие средние значения показателей отмечались по первой и четвертой возрастным группам. В этих группах

Таблица 2 – Значения³ показателей, характеризующих создание бизнесов (удельный вес женщин-предпринимателей, относящихся к различным группам, в общей численности женщин), %

Table 2 – Values of indicators characterizing the creation of businesses (share of women entrepreneurs belonging to different groups in the total number of women), %

Группа	Средние величины	Значения по большинству стран
Первая	10,10	3,63-16,57
Вторая	13,26	5,99-20,53
Третья	12,13	4,86-19,40
Четвёртая	9,35	3,46-15,24
Пятая	5,51	1,72-9,30

каждая десятая женщина участвовала в создании собственной фирмы или была ее владелицей. Среднее значение показателя по пятой группе было значительно (почти в два раза) меньшим по сравнению со значениями по первой и четвертой группам. Только каждая восемнадцатая женщина в предпенсионном возрасте начинала собственный бизнес. Таким образом, первая и вторая гипотезы получили свое подтверждение.

Необходимо отметить, что полученные результаты подтвердили итоги предыдущих исследований, относившихся к изучению возрастной структуры начинающих предпринимателей, без разделения их по гендерному принципу. Речь идет о наличии обратной U-образной связи между возрастом начинающих женщин-предпринимателей и их долей в общей численности взрослых женщин.

Для проверки гипотезы 3 проводился анализ данных, представленных в столбце 3 таблицы 2. Анализ показал существенную дифференциацию по рассматриваемым странам значений каждого из пяти показателей. Следовательно, третья гипотеза подтвердилась.

На следующем этапе выявлялись страны, в которых отмечались максимальные и минимальные значения каждого из показателей. При этом к максимальным и минимальным относятся значения, соответственно превышающие верхние границы диапазонов, продемонстрированных в третьем столбце таблицы 2, и меньшие нижних границ диапазонов. Итоги этого анализа приведены в таблице 3. Наряду с перечнями стран в этой таблице представлено также подразделение выяв-

ленных стран по их географическому положению и уровню доходов населения.

В табл. 3 приведена информация по территориальному расположению стран с высокими (столбец 2) и низкими (столбец 3) значениями каждого из пяти оцениваемых в нашем исследовании показателей. Анализ этой информации показал, что четвертая и пятая гипотезы получили частичное подтверждение. Не наблюдается связей между значениями показателей и территориальным расположением стран, а также доходами населения в большинстве случаев. Единственным исключением являются страны с минимальным уровнем удельного веса женщин-предпринимателей, создавших бизнесы в возрасте от 18 до 24 лет, в общей численности женщин. Все эти страны расположены в Европе и во всех них отмечаются высокие доходы населения. Такой феномен представляется логичным, поскольку во многих экономически развитых европейских странах молодежь много внимания уделяет получению хорошего специального образования и лишь затем начинает самостоятельную деятельность.

Сравнительный анализ значений рассматриваемых показателей по России и зарубежным странам продемонстрировал следующее:

- значение показателя 1 составляет 3,8 %, что в 2,7 раза меньше средней величины по зарубежным странам;
- значение показателя 2 составляет 7,1 %, что в 1,9 раза меньше средней величины по зарубежным странам;
- значение показателя 3 составляет 3,9 %, что в 3,1 раза меньше средней величины по зарубежным странам;
- значение показателя 4 составляет 3,3 %, что в 2,8 раза меньше средней величины по зарубежным странам;
- значение показателя 5 составляет 1,2 %, что в 4,6 раза меньше средней величины по зарубежным странам.

Сравнение с зарубежными странами показывает значительные резервы развития женского предпринимательства в России. Особенно актуально это для женщин, относящихся к возрастной группе от 55 до 64 лет. Опыт зарубежных стран свидетельствует о том, что у

³Источник: расчеты проведены автором на основе функций (1)–(5).

Таблица 3 – Страны с максимальными и минимальными значениями показателей⁴

Table 3 – Countries with maximum and minimum values of indicators

Наименование показателя	Максимальные значения	Минимальные значения
удельный вес женщин-предпринимателей, относящихся к первой группе, в общей численности женщин	Казахстан, Малайзия, Бразилия, Перу, Эквадор, Гватемала, Мадагаскар, Канада, Вьетнам, Ангола. Расположены в Азии – 3 страны, в Африке – 2 страны, в Северной Америке – 1 страна, в Латинской Америке – 4 страны. Доходы населения: высокие (1 страна), средние (5 стран), низкие (4 страны).	Кипр, Польша, Словения, Испания, Швейцария, Италия, Великобритания. Все 7 стран расположены в Европе, во всех этих странах отмечаются высокие доходы населения.
удельный вес женщин-предпринимателей, относящихся ко второй группе, в общей численности женщин	Ливан, Гватемала, Эстония, Мадагаскар, Малайзия, Канада, Таиланд, Вьетнам, Эквадор, Ангола. Расположены: в Европе 1 страна, в Азии - 4 страны, по 2 страны в Африке и Латинской Америке, 1 страна в Северной Америке. Доходы населения: высокие (2 страны), средние (2 страны), низкие (6 стран).	Кипр, Германия, Катар, Марокко, Греция, Босния и Герцеговина, Словения, Франция, Швеция. 7 стран расположены в Европе, по 1 стране в Азии и Африке. Высокие доходы населения отмечаются в 7 странах, средние и низкие доходы по одной стране.
удельный вес женщин-предпринимателей, относящихся к третьей группе, в общей численности женщин	Вьетнам, Бразилия, Колумбия, Судан, Ливан, Малайзия, Перу, Чили, Гватемала, Эквадор, Ангола. Расположены в Азии – 3 страны, в Африке – 2 страны, в Латинской Америке – 6 стран. Доходы населения: высокие (1 страна), средние (5 стран), низкие (5 стран).	Греция, Босния и Герцеговина, Швеция, Египет, Кипр, Италия, Германия, Российская Федерация, Япония. 7 стран расположены в Европе, в Азии и Африке расположены по 1 стране. Высокие доходы населения отмечаются в 6 странах, средние доходы в 2 странах, низкие доходы в 1 стране.
удельный вес женщин-предпринимателей, относящихся к четвертой группе, в общей численности женщин	ОАЭ, Малайзия, Мадагаскар, Перу, Вьетнам, Колумбия, Чили, Гватемала, Ангола, Судан, Эквадор. Расположены в Азии – 3 страны, в Латинской Америке – 5 стран, в Африке – 3 страны. Высокие доходы населения отмечаются в 2 странах, средние доходы в 4 странах и низкие доходы в 5 странах.	Италия, Босния и Герцеговина, Польша, Иран, Швеция, Япония, Марокко, Российская Федерация, Германия. 6 стран расположены в Европе, в Азии – 2 страны, в Африке – 1 страна. Высокие доходы населения отмечаются в 5 странах, средние и низкие доходы в 2 странах.
удельный вес женщин-предпринимателей, относящихся к пятой группе, в общей численности женщин	Саудовская Аравия, Гватемала, Ливан, Вьетнам, Чили, Перу, Судан, Эквадор, Таиланд, Ангола. По 4 страны расположены в Азии и Латинской Америке, в Африке – 2 страны. Высокие доходы населения в 2 странах, средние доходы в 4 странах, низкие доходы в 4 странах.	Катар, ОАЭ, Босния и Герцеговина, Италия, Польша, Российская Федерация, Германия. 5 стран расположены в Европе, 2 страны – в Азии. Высокие доходы отмечались в 5 странах, средние доходы в 2 странах.

людей, относящихся к пятой возрастной группе, имеются широкие возможности сохранения трудовой активности путем вовлечения их в предпринимательство, то есть к тому, чтобы создать собственные бизнесы. В связи с общим старением населения, которое является распространенным явлением, в ближайшие годы большее количество людей этой возрастной категории будет принимать участие в предпринимательстве и использовать альтернативную (по сравнению с наемным трудом) возможность заработка. Изменение пенсионного возраста в России дела-

ет соответствующее предложение особенно актуальным. Поэтому можно предположить, что в связи с увеличением ожидаемой продолжительности трудовой деятельности произойдет существенное увеличение доли новых предприятий, созданных предпринимателями, в том числе и женщинами в возрасте от 55 до 64 лет. На оказание им необходимой поддержки в предпринимательских намерениях должны обратить особое внимание органы государственного управления. Соответствующие мероприятия приведены, например, в статье [26].

⁴Источник: разработано автором на основе данных таблицы 1 и проекта Глобального мониторинга предпринимательства.

Заключение

Цель исследования, заключающаяся в оценке возраста, в котором начинающие женщины-предприниматели создали свои собственные бизнесы в 59 современных странах по данным за 2018 год, была достигнута. Выводы, обладающие научной новизной и оригинальностью:

1. Приведена методика оценки показателей, описывающих возраст создания собственных бизнесов женщинами-предпринимателями по пяти возрастным группам.

2. Проведено моделирование распределения пяти показателей по 59 странам.

3. Доказано, что средние значения удельного веса женщин, относящихся ко второй группе, достигали 13,26 %, а относящихся к третьей группе – 12,13 %.

4. Доказано, что доля женщин, относящихся к пятой группе, была небольшой и составляла 5,51 %.

5. Показано наличие обратной U-образной связи между возрастом начинающих женщин-предпринимателей и их долей в общей численности взрослых женщин.

6. В 2018 году имели место существенные различия в значениях пяти рассматриваемых показателей по странам.

7. Выявлены страны, для которых были характерны максимальные и минимальные значения этих пяти показателей.

8. Сопоставление значений показателей показало, что по России они ниже, чем в зарубежных странах.

Итоги проведенной нами работы обладают определенным теоретическим и практическим значением для правительств и предпринимателей. Представленный в статье методический подход к оценке сложившейся возрастной структуры начинающих женщин-предпринимателей может применяться в дальнейших исследованиях. Полученные новые знания представляют интерес и могут использоваться в образовательном процессе в университетах.

В процессе исследования присутствовали ограничения на эмпирические данные, обусловленные тем, что рассматривалась информация только по 59 странам.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Decker R., Haltiwanger J., Jarmin R., Miranda J. (2014). The Role of Entrepreneurship in US Job Creation and Economic Dynamism, *Journal of Economic Perspectives*, no. 28 (3), pp. 3–24.

2. Simon-Moya V., Revuelto-Taboada L., Ribeiro-Soriano D. (2016). Influence of economic crisis on new SME survival: reality or fiction? *Entrepreneurship and Regional Development*, no. 28 (1-2), pp. 157–176.

3. Gielnik M.M., Zacher H., Wang M. (2018). Age in the entrepreneurial process: The role of future time perspective and prior entrepreneurial experience, *Journal of Applied Psychology*, no. 103 (10), pp. 1067–1085.

4. Kautonen T., Down S., Minniti M. (2014). Ageing and entrepreneurial preferences, *Small Business Economics*, no. 42 (3), pp. 579–594.

5. Obschonka M., Hakkarainen K., Lonka K., Salmela-Aro K. (2017). Entrepreneurship as a twenty-first century skill: entrepreneurial alertness and intention in the transition to adulthood, *Small Business Economics*, no. 48 (3), pp. 487–501.

6. Raposo M., do Paço A., Ferreira J. (2008). En-

trepreneur's profile: a taxonomy of attributes and motivations of university students, *Journal of Small Business and Enterprise Development*, no. 15 (2), pp. 405–418.

7. Azoulay P., Jones B., Kim J.D., Miranda J. Age and High-Growth Entrepreneurship, *NBER Working Paper*, no. 24489. April 2018. URL: <https://www.nber.org/papers/w24489.pdf> (accessed: 22.12.2020).

8. Pinkovetskaia I., Nuretdinova Y., Navasardyan A. (2020). Entrepreneurship in the third age: data from Russia, *Amazonia Investiga*, no. 9 (27), pp. 165–172.

9. Parker S. (2018). *The Economics of Entrepreneurship*. Cambridge: Cambridge University Press. 896 p.

10. Karadeniz E., Ozfam A. (2009). Entrepreneurship in Turkey and Developing countries, a comparison of Activities, Characteristics, Motivation and Environment for Entrepreneurship, *MIBES Transactions*, no. 3 (1), pp. 30–45.

11. Bergmann H., Sternberg R. (2007). The Changing Face of Entrepreneurship in Germany, *Small Business Economics*, no. 28, pp. 205–221.

12. Zhang T., Acs Z.J. (2018). Age and entrepreneurship: nuances from entrepreneur types and generation effects, *Small Business Economics*, no. 51 (4), pp. 773–809.
13. Content J., Bosma N., Jordaan J., Sanders M. (2019). Entrepreneurial ecosystems, entrepreneurial activity and economic growth: new evidence from European regions, *Regional Studies*, no. 54 (8), pp. 1–13.
14. Fritsch M., Obschonka M., Wyrwich M., Gosling S.D., Rentfrow P., Potter J. (2018). Regional differences of people with an entrepreneurial personality structure in Germany – An overview, *Raumforschung und Raumordnung Spatial Research and Planning*, no. 7 (1), pp. 1–35.
15. Ebert T., Götz F.M., Obschonka M., Zmirod L., Rentfrow P.J. (2019). Regional variation in courage and entrepreneurship: The contrasting role of courage for the emergence and survival of start-ups in the United States, *Journal of Personality*, no. 87 (5), pp. 1–52.
16. Ughetto E., Rossi M., Audretsch D.B., Lehmann E. (2020). Female entrepreneurship in the digital era, *Small Business Economics*, no. 55 (2), pp. 305–312.
17. Grosser K., Moon J. (2019). CSR and feminist organization studies: towards an integrated theorization for the analysis of gender issues, *Journal of Business Ethics*, no. 155 (2), pp. 321–342.
18. Sperber S., Linder C. (2018). Gender-specifics in startup strategies and the role of the entrepreneurial ecosystem, *Small Business Economics*, no. 53 (4), pp. 1–14.
19. Brieger S., Francoeur C., Welzel C., Ben Amar W. (2019). Empowering Women: The Role of Emancipative Forces in Board Gender Diversity, *Journal of Business Ethics*, no. 155, pp. 495–511.
20. Yunis M., Hashim H., Anderson A. (2019). Enablers and Constraints of Female Entrepreneurship in Khyber Pukhtunkhawa, Pakistan: Institutional and Feminist Perspectives, *Sustainability*, no. 11 (27), pp. 1–20.
21. Banihani M., Jawad S. (2017). A macro-national level analysis of Arab women's work engagement, *European Management Review*, no. 14, pp. 133–142.
22. Ahl H., Marlow S. (2012). Exploring the dynamics of gender, feminism and entrepreneurship: Advancing debate to escape a dead end? *Organization*, no. 19, pp. 543–562.
23. Pettersson K., Ahl H., Berglund K., Tillmar M. (2017). In the name of women? Feminist readings of policies for women's entrepreneurship in Scandinavia, *Scandinavian Journal of Management*, no. 33, pp. 50–63.
24. Zhao H., O'Connor G., Wu J., Lumpkin G.T. (2021). Age and entrepreneurial career success: A review and a meta-analysis, *Journal of Business Venturing*, no. 36 (1), pp. 1–21.
25. Pinkovetskaia I., Slepova V. (2018). Estimation of Fixed Capital Investment in SMEs: the Existing Differentiation in the Russian Federation, *Business Systems Research*, no. 9 (1), pp. 65–78.
26. Soto-Simeone A., Kautonen T. (2020). Senior entrepreneurship following unemployment: a social identity perspective, *Review of Managerial Science*, May 21, pp. 1–46.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Пиньковецкая Юлия Семеновна – кандидат экономических наук, доцент; Ульяновский государственный университет (432011, Россия, Ульяновск, 2 пер. Мира, 27/6); judy54@yandex.ru.

ANALYSIS OF THE AGE AT WHICH WOMEN START ENTREPRENEURSHIP IN MODERN NATIONAL ECONOMIES

Yu.S. Pinkovetskaia^a

^aUlyanovsk State University

ABSTRACT:

Purpose. The development of entrepreneurship requires the information about the age of aspiring entrepreneurs in modern countries. The goal of the study was to analyze the start of entrepreneurial activity in a number of national economies. At the same time, the following tasks were fulfilled: identification of the main age groups of women-entrepreneurs who set up their own businesses; analysis of proportion of female entrepreneurs in five age groups in different countries; and evaluation of the average values and intervals of changes of five indicators.

Methods. The research is based on statistical and economic methods, modeling of empirical data and comparative analysis, as well as systematization and structuring of information. The initial data were the materials of the Global Entrepreneurship Monitoring project for 59 countries. The estimation of the distribution of women-entrepreneurs in these countries was carried out on the basis of the construction of five economic and mathematical models, which were the density functions of the normal distribution.

Results. In the course of the computational experiment, the average values of the considered indicators were established. It was proved that women-entrepreneurs prefer to set up their own businesses between the age of 25 and 44. A significant decrease in the number of beginning women-entrepreneurs is observed in the pre-retirement age. It is shown that in 2018 there were significant differences in the values of the five indicators considered by country. The countries that are characterized by the maximum and minimum values of the indicators were identified. A comparative analysis of the values of indicators for Russia and foreign countries was carried out.

Scientific novelty. New knowledge has been gained about the age of women-entrepreneurs starting their businesses in modern economies. A comparative cross-country analysis of the start of entrepreneurial activity by women was carried out.

KEYWORDS: women-entrepreneurs, set up of business, age structure, countries, Global entrepreneurship monitoring, normal distribution functions.

FOR CITATION: Pinkovetskaia Yu.S. (2021). Analysis of the age at which women start entrepreneurship in modern national economies, *Management Issues*, no. 2, pp. 78–89.

REFERENCES

1. Decker R., Haltiwanger J., Jarmin R., Miranda J. (2014). The Role of Entrepreneurship in US Job Creation and Economic Dynamism, *Journal of Economic Perspectives*, no. 28 (3), pp. 3–24.
2. Simon-Moya V., Revuelto-Taboada L., Ribeiro-Soriano D. (2016). Influence of economic crisis on new SME survival: reality or fiction? *Entrepreneurship and Regional Development*, no. 28 (1-2), pp. 157–176.
3. Gielnik M.M., Zacher H., Wang M. (2018). Age in the entrepreneurial process: The role of future time perspective and prior entrepreneurial experience, *Journal of Applied Psychology*, no. 103 (10), pp. 1067–1085.
4. Kautonen T., Down S., Minniti M. (2014). Ageing and entrepreneurial preferences, *Small Business Economics*, no. 42 (3), pp. 579–594.
5. Obschonka M., Hakkarainen K., Lonka K., Salmele-Aro K. (2017). Entrepreneurship as a twenty-first century skill: entrepreneurial alertness and intention in the transition to adulthood, *Small Business Economics*, no. 48 (3), pp. 487–501.

6. Raposo M., do Paço A., Ferreira J. (2008). Entrepreneur's profile: a taxonomy of attributes and motivations of university students, *Journal of Small Business and Enterprise Development*, no. 15 (2), pp. 405–418.
7. Azoulay P., Jones B., Kim J.D., Miranda J. Age and High-Growth Entrepreneurship, *NBER Working Paper*, no. 24489. April 2018. URL: <https://www.nber.org/papers/w24489.pdf> (accessed: 22.12.2020).
8. Pinkovetskaia I., Nuretdinova Y., Navasardyan A. (2020). Entrepreneurship in the third age: data from Russia, *Amazonia Investiga*, no. 9 (27), pp. 165–172.
9. Parker S. (2018). *The Economics of Entrepreneurship*. Cambridge: Cambridge University Press. 896 p.
10. Karadeniz E., Ozfam A. (2009). Entrepreneurship in Turkey and Developing countries, a comparison of Activities, Characteristics, Motivation and Environment for Entrepreneurship, *MIBES Transactions*, no. 3 (1), pp. 30–45.
11. Bergmann H., Sternberg R. (2007). The Changing Face of Entrepreneurship in Germany, *Small Business Economics*, no. 28, pp. 205–221.
12. Zhang T., Acs Z.J. (2018). Age and entrepreneurship: nuances from entrepreneur types and generation effects, *Small Business Economics*, no. 51 (4), pp. 773–809.
13. Content J., Bosma N., Jordaan J., Sanders M. (2019). Entrepreneurial ecosystems, entrepreneurial activity and economic growth: new evidence from European regions, *Regional Studies*, no. 54 (8), pp. 1–13.
14. Fritsch M., Obschonka M., Wyrwich M., Gosling S.D., Rentfrow P., Potter J. (2018). Regional differences of people with an entrepreneurial personality structure in Germany – An overview, *Raumforschung und Raumordnung Spatial Research and Planning*, no. 7 (1), pp. 1–35.
15. Ebert T., Götz F.M., Obschonka M., Zmigrod L., Rentfrow P.J. (2019). Regional variation in courage and entrepreneurship: The contrasting role of courage for the emergence and survival of start-ups in the United States, *Journal of Personality*, no. 87 (5), pp. 1–52.
16. Ughetto E., Rossi M., Audretsch D.B., Lehmann E. (2020). Female entrepreneurship in the digital era, *Small Business Economics*, no. 55 (2), pp. 305–312.
17. Grosser K., Moon J. (2019). CSR and feminist organization studies: towards an integrated theorization for the analysis of gender issues, *Journal of Business Ethics*, no. 155 (2), pp. 321–342.
18. Sperber S., Linder C. (2018). Gender-specifics in startup strategies and the role of the entrepreneurial ecosystem, *Small Business Economics*, no. 53 (4), pp. 1–14.
19. Brieger S., Francoeur C., Welzel C., Ben-Amar W. (2019). Empowering Women: The Role of Emancipative Forces in Board Gender Diversity, *Journal of Business Ethics*, no. 155, pp. 495–511.
20. Yunis M., Hashim H., Anderson A. (2019). Enablers and Constraints of Female Entrepreneurship in Khyber Pukhtunkhawa, Pakistan: Institutional and Feminist Perspectives, *Sustainability*, no. 11 (27), pp. 1–20.
21. Banihani M., Jawad S. (2017). A macro-national level analysis of Arab women's work engagement, *European Management Review*, no. 14, pp. 133–142.
22. Ahl H., Marlow S. (2012). Exploring the dynamics of gender, feminism and entrepreneurship: Advancing debate to escape a dead end? *Organization*, no. 19, pp. 543–562.
23. Pettersson K., Ahl H., Berglund K., Tillmar M. (2017). In the name of women? Feminist readings of policies for women's entrepreneurship in Scandinavia, *Scandinavian Journal of Management*, no. 33, pp. 50–63.
24. Zhao H., O'Connor G., Wu J., Lumpkin G.T. (2021). Age and entrepreneurial career success: A review and a meta-analysis, *Journal of Business Venturing*, no. 36 (1), pp. 1–21.
25. Pinkovetskaia I., Slepova V. (2018). Estimation of Fixed Capital Investment in SMEs: the Existing Differentiation in the Russian Federation, *Business Systems Research*, no. 9 (1), pp. 65–78.
26. Soto-Simeone A., Kautonen T. (2020). Senior entrepreneurship following unemployment: a social identity perspective, *Review of Managerial Science*, May 21, pp. 1–46.

AUTHORS' INFORMATION:

Yulia S. Pinkovetskaia – Ph.D. of Economic Sciences, Associate Professor; Ulyanovsk State University (27/6, 2nd Mira Lane, Ulyanovsk, 432011, Russia); judy54@yandex.ru.

РЕАЛИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ СОЦИАЛЬНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РАЗВИТИИ УСЛУГ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ В РФ В РЕГИОНАЛЬНЫХ ПРАКТИКАХ

В.Ю. Кулькова^{1а}

^аКазанский государственный энергетический университет

АННОТАЦИЯ:

Постановка проблемы. В настоящее время происходит активное формирование практик социального предпринимательства в РФ, которое характеризуется трендом опережающего эмпирического развития над нормативно-правовой регламентацией. В отдельных субъектах РФ на субфедеральном уровне проводилась разработка и реализация продвинутых моделей субфедеральной поддержки социального предпринимательства, включая и направления развития негосударственных поставщиков социальных услуг; малого и среднего предпринимательства (МСП), что требует анализа и обобщений для выделения эффективных мер региональной государственной поддержки с целью тиражирования в региональной политике РФ по нивелированию региональной дифференциации развития социального предпринимательства.

Научная задача. Диагностика реализации субфедеральной государственной поддержки социального предпринимательства в развитии услуг социальной сферы в РФ в региональных практиках.

Методологическая база исследования. Это положения позитивной экономической теории, заключающиеся в изучении сложившихся региональных практик развития социального предпринимательства, включая реализацию мер по видам государственной поддержки, предусмотренных законодательством РФ. Социальное предпринимательство рассматривается как самостоятельный вид предпринимательства, имеющий имманентные характеристики, отличные от СО НКО и МСП.

Используемые материалы. Информационной базой исследования выступили письма с фактографией о реализации мер поддержки социальным предприятиям в субъектах РФ. Приведенные в письмах данные были подвергнуты обработке и сводке. Методы исследования – общенаучные методы: индукции, сравнения, обобщения.

Основные результаты исследования. Выявлено, что самой распространенной реализуемой мерой государственной поддержки социального предпринимательства в субъектах РФ выступает проведение конкурсов различного уровня, что направлено на популяризацию социального предпринимательства и идентифицируется с начальным этапом его развития. Субъекты РФ демонстрируют вариацию моделей субфедеральной государственной поддержки социального предпринимательства, включая и дифференциацию институтов инфраструктуры поддержки. Некоторые регионы констатируют отсутствие финансовых средств для развития инфраструктуры поддержки в субъект РФ и формулируют запрос на федеральное финансирование этого направления. Выделены субъекты РФ с продвинутыми практиками государственной поддержки социального предпринимательства на субфедеральном уровне, отличающиеся ориентацией на развитие технологий (социальные инвестиции, сертификаты) или механизм межотраслевого социального партнерства с упором на взаимодействие с бизнесом или с активной ролью ответственных региональных ведомственных структур.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: социальное предпринимательство, поддержка социального предпринимательства, инфраструктура поддержки, меры государственной поддержки, поставщики социальных услуг, негосударственные поставщики, малое и среднее предпринимательство, МСП.

¹AuthorID РИНЦ: 360869, ORCID: 0000-0001-9943-1780

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Кулькова В.Ю. (2021). Реализация государственной поддержки социального предпринимательства в развитии услуг социальной сферы в РФ в региональных практиках // Вопросы управления. № 2. С. 90–101.

В настоящее время происходит активное формирование практик социального предпринимательства в РФ, которое характеризуется трендом опережающего эмпирического развития над нормативно-правовой регламентацией. В науке оценка инфраструктуры поддержки социального предпринимательства в РФ проводилось автором ранее [1, с. 1592–1607], а также наличествуют исследования развития различных видов и проблемных вопросов социального предпринимательства в практиках как зарубежных стран [2– 9], так и субъектов РФ [10–14].

Определение социального предпринимательства было официально введено только в 2019 году², однако в последнее десятилетие на субфедеральном уровне в отдельных субъектах РФ проводилась разработка и реализация продвинутых моделей поддержки социального предпринимательства в регионах, включая и направление развития негосударственных поставщиков социальных услуг. В составе негосударственных поставщиков социальных услуг наряду с социальными предпринимателями выделяются социально ориентированные некоммерческие организации (СО НКО). В некоторых региональных моделях инфраструктурная поддержка социального предпринимательства и СО НКО складывается в рамках единого института развития – ЦИСС. На практике это приводит к номинальному увеличению количества социального предпринимательства за счет НКО, что искажает реальные данные о развитии социального предпринимательства.

В направлении развития негосударственных поставщиков социальных услуг на государственном уровне ответственный феде-

ральный орган исполнительной власти, а это Министерство экономического развития РФ, проводит «Рейтинг субъектов Российской Федерации по итогам реализации механизмов поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций и социального предпринимательства, обеспечения доступа негосударственных организаций к предоставлению услуг в социальной сфере и внедрения конкурентных способов оказания государственных (муниципальных) услуг в социальной сфере»³. Широкая предметная область рейтинга определяет состав показателей методики, которая становилась объектом дискуссий [15, с. 6]. Мы разделяем позицию об обобщенной оценке рейтинга негосударственных организаций поставщиков социальных услуг, которая раскрывается в отсутствии конкретизации количественного выражения негосударственных поставщиков социальных услуг по видовой структуре. В частности, в рейтинге указывается количество СО НКО, а количество социальных предпринимателей не выделяется, приводятся данные в целом по государственной поддержке без видовой привязки.

Справедливости ради отметим, отождествление деятельности НКО и социального предпринимательства, а также синхронизация их инфраструктурной поддержки находит методологическое обоснование в теории гибридации [16–21], в которой рассматривается НКО как стартовая форма социального предпринимательства. Однако подобное позиционирование искажает истинную миссию организации третьего сектора по безвозмездному предоставлению социальных услуг населению, приводя их деятельность к коммерциализации⁴, тем самым усложняя практики налого-

²О внесении изменений в Федеральный закон «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации»: Федеральный закон от 26.07.2019 № 245-ФЗ.

³Рейтинг субъектов Российской Федерации по итогам реализации механизмов поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций и социального предпринимательства, обеспечения доступа негосударственных организаций к предоставлению услуг в социальной сфере и внедрения конкурентных способов оказания государственных (муниципальных) услуг в социальной сфере. URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/minekonomrazvitiya_sostavlen_reyting_subektov_rf_po_aktivnosti_podderzhki_nko.html (дата обращения: 09.01.2021).

⁴J. Dennis Rich. The Importance of Mission for NGO's. URL: <https://grans.hse.ru/mirror/pubs/share/306942079> (accessed 19.01.2021).

обложения⁵, что в конечном итоге подрывает доверие общества к НКО. В классическом подходе транслируется разграничение деятельности СО НКО и социального предпринимательства [22; 23].

В законодательстве РФ в настоящее время СО НКО выведены из организационно-правовой формы социального предпринимательства². Продвижение характеристик социального предпринимательства, заложенных в Федеральном законе от 26.07.2019 № 245-ФЗ, активно проводит Комитет социального предпринимательства Общероссийской общественной организации малого и среднего предпринимательства «Опора России»⁶. Так, согласно этому закону среди характеристик, раскрывающих сущность социального предпринимательства выделяются: «трудоустройство социально уязвимых категорий населения (трудоустроенные из числа социально уязвимых категорий – не менее 50 %, фонд оплаты труда – не менее 25 %); продвижение продуктов и услуг социально уязвимых категорий населения (доходы на эту деятельность – не менее 50 %; прибыль, reinvestированная – не менее 50 %); товары и услуги для социально уязвимых категорий населения, снимающие ограничения жизнедеятельности (доходы на эту деятельность – не менее 50 %; прибыль, reinvestированная – не менее 50 %); деятельность, направленная на социально значимые цели (доходы на эту деятельность – не менее 50 %; прибыль, reinvestированная – не менее 50 %)»².

Нами поддерживается позиция о разграничении социального предпринимательства и СО НКО. Вместе с тем в авторских исследованиях ставился вопрос о необходимости разделения социального предпринимательства и такого самостоятельного типа организаций как бизнес в социальной сфере [24]. Проблема «смещения» социального предпринимательства и бизнеса в социальной сфере в отече-

ственной практике формулируется и другими исследователями [16, с. 9], что работает на верификацию нашей позиции.

Кроме того, в отечественной практике социальное предпринимательство выделяется как вид малого и среднего предпринимательства, что прослеживается в реализации модели государственной поддержки. Так, согласно национальному проекту «Малое и среднее предпринимательство и поддержка предпринимательской инициативы» приоритетная государственная поддержка предусматривается для субъектов малого и среднего предпринимательства, осуществляющих деятельность в статусе социального предприятия⁷. Порядок признания субъекта МСП социальным предприятием определен приказом Минэкономразвития России от 29.11.2019 № 773 и имеет заявительный характер. Как указывается корпорацией МСП – институтом развития МСП: «Сведения о получивших статус „социальное предприятие“ включаются в единый реестр субъектов МСП ежегодно 10 августа. По состоянию на 04.12.2020 в этот реестр внесены сведения о 2 880 социальных предприятиях»⁸. Действительно Федеральной налоговой службой в соответствии с Федеральным законом от 24.07.2007 № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» ведется единый реестр субъектов МСП, получающих государственную поддержку. В статистике единого реестра представлен учет категорий МСП (микропредприятия, малые и средние предприятия) и видов получателей поддержки (юридические лица, самозанятые и индивидуальные предприниматели), форм и видов оказанной поддержки, при этом отдельно в субъектах МСП социальное предпринимательство не выделяется⁹. Учитывая заявительный характер получения статуса социального предприятия, думается, что фактическое количество социального предпринимательства больше, чем количество

⁵Report on money laundering and tax evasion in the field of philanthropy. URL: <https://www.oecd.org/tah/exchange-noof-tah-informatiation/42232037.pdf> (accessed 09.02.2019).

⁶URL: <https://drive.google.com/drive/folders/1wAw724wjnwXqhb7WQsHkOAWLDCcpZTqh?usp=sharing>.

⁷В России работают около 50 тыс. социальных предприятий. URL: <https://tass.ru/ekonomika/9054185>.

⁸Социальное предпринимательство и меры его поддержки. Корпорация МСП. URL: <https://tpprf.ru/upload/iblock/661/661eb5d7cc192565c09d0b9f1ddaf9fe.pdf>.

⁹Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства – получателей поддержки. Вход для организаций, предоставляющих поддержку. URL: <https://rmsp-pp.nalog.ru/statistics.html#statdate=05.01.2021>.

вошедших в реестр. Для решения этой проблемы, включая направленность на активизацию учетной функции и развитие социального предпринимательства, в 2021–2024 гг. предполагается введение невозвратной финансовой поддержки в форме субсидии в размере до 500 тыс. рублей для социальных предприятий включенных в единый реестр МСП⁸.

В целом, в рамках государственной поддержки социального предпринимательства предусмотрены следующие направления: формирование инфраструктуры поддержки; финансовая поддержка (кредиты по программе субсидирования процентной ставки; микролизинг для развития социального предпринимательства в области здравоохранения и социальных услуг и услуг педагогической направленности; микрозаймы по льготным ставкам дифференцированы по критерию залога и без залога, а также в моногороде и не в моногороде; субсидирование на территории моногородов; налоговое стимулирование); имущественная поддержка; информационная и консультационная методическая поддержка (портал Бизнес-навигатора МСП (<http://smbn.ru/>): сервис по составлению и расчету бизнес-плана, каталог франшиз по социальным услугам); продвижение социального предпринимательства на ярмарках, конгрессах, выставках; обучение и повышение квалификации и иные виды поддержки.

В рамках инфраструктуры поддержки социального предпринимательства субъектами РФ создаются ЦИСС, в том числе за счет субсидий федерального уровня. В отсутствие ЦИСС в регионе господдержку социальному предпринимательству оказывают Центр поддержки МСП и центр «Мой бизнес». Существуют практики развития социального предпринимательства некоммерческими организациями (Фонд «Наше будущее», «Опора России», «Фонд социальных инвестиций» и др.) и крупными компаниями и институтами развития (СУЭК, Металлоинвест, РУСАЛ, Северсталь, ПАО «Татнефть», АО «Корпорация МСП» и др.).

На субфедеральном уровне отдельные субъекты РФ (Нижегородская область, г. Санкт-Петербург, Московская области и др.) инициировали активную работу по формиро-

ванию реестров социального предпринимательства на базе ЦИСС на основе созданных каталогов социальных предпринимателей. Комитет по социальному предпринимательству «Опора России» разработал ресурсный подход к развитию социального предпринимательства, положенный в основу модельного закона по государственной поддержке социального предпринимательства в субъектах РФ.

Сложившиеся региональные практики государственной поддержки социального предпринимательства в субъектах РФ и иницируемые организационные новации государственной поддержки МСП, описанные выше, обогащают предмет исследования и требуют анализа и обобщений, что обуславливает актуальность и постановку цели исследования.

Цель исследования – провести диагностику реализации субфедеральной государственной поддержки социального предпринимательства.

Объект исследования – меры субфедеральной государственной поддержки социального предпринимательства в субъектах РФ: Белгородская, Брянская, Владимирская, Волгоградская, Вологодская, Калужская, Кировская, Курская, Ленинградская, Магаданская, Нижегородская, Новосибирская, Омская, Орловская, Рязанская, Сахалинская, Тамбовская, Тюменская и Ульяновская области; Республики Башкортостан, Кабардино-Балкарская, Коми, Карачаево-Черкесская, Марий Эл, Алтай, Удмуртская, Хакасия, Чеченская и Чувашская; Еврейская автономная область; Забайкальский, Камчатский, Краснодарский и Красноярский края; Ненецкий, Чукотский и Ямало-Ненецкий автономные округа. Выбор субъектов РФ обусловлен информационной доступностью и предоставлением материалов в обратной связи субъектов РФ.

Методы исследования

Во-первых, это методы сбора информации. Информационной базой исследования выступили письма с фактографией о реализации мер поддержки социальным предприятиям в субъектах РФ, сформированные регионами как ответы на информационный запрос от 20.09.2019 года № ДВС-4/310 Комитета по экономической политике, промышленности, инновационному развитию и предприниматель-

ству Государственной Думы Российской Федерации. Приведенные в письмах данные о реализации мер поддержки социальным предприятиям в субъектах РФ были подвергнуты обработке и сводке.

Во-вторых, это общенаучные методы, обусловленные поставленной целью, в частности с использованием методов индукции, описания и сравнения регионов по выделенным качественным признакам (указаны далее) проведено: определение мер по видам государственной поддержки, получающих наибольшее распространение в практиках субъектов РФ (по детализации описания в письмах-ответах от субъектов РФ); обозначение институтов инфраструктуры поддержки социального предпринимательства в субъектах РФ; выделение субъектов РФ с продвинутыми практиками государственной поддержкой социального предпринимательства на субфедеральном уровне с верификацией методом компаративистики с результатами других исследований и кейсов.

Результаты исследования

Анализ мер поддержки социального предпринимательства в субъектах РФ, показывает дифференциацию региональных моделей как по качественному составу представленных институтов инфраструктуры социального предпринимательства, так и вариации мер поддержки. К подобному выводу о «существенной дифференциации по направлениям и устойчивости поддержки» приходят и исследователи центра социального предпринимательства ВШЭ [25, с. 4].

Результаты обобщения государственной поддержки социального предпринимательства в субъектах РФ по мерам в контексте каждого вида, имеющих наиболее распространение в практиках регионов приведено в таблице 1.

Относительно дифференциации моделей инфраструктуры поддержки уточним, что во многих субъектах ключевым институтом инфраструктуры поддержки социального предпринимательства выступает центр «Мой бизнес», наряду с которым могут действовать центры различной направленности: бизнес-инкубаторы, инкубаторы социального бизнеса (тиражируемые в города субъекта РФ), центры молодежного инновационного творчества,

Таблица 1 – Государственная поддержка социально-го предпринимательства в субъектах РФ, получающая большее распространение в 2019–2020 годы

Table 1 – State support for social entrepreneurship in the constituent entities of the Russian Federation, which is becoming more widespread in 2019–2020

Вид поддержки	Меры поддержки
Инфраструктура поддержки	Дифференцированные региональные модели инфраструктуры поддержки по структуре и результативности. В 75 % субъектах РФ сформированы ЦИСС
Финансовая поддержка	30 % субъектов РФ практикуют субфедеральные налоговые преференции. Более 55 % субсидии в рамках «Акселерация МСП»
Ярмарки, конгрессы, выставки	Более 90 % субъектов РФ принимают участие во Всероссийском конкурсе «Лучший социальный проект»

центр сертификации, стандартизации и испытаний, центр экспорта, центр инжиниринга, центр народно-художественных промыслов и ремесел и др., а также фонды поддержки предпринимательства, микрокредитные компании, комиссии по социальному предпринимательству «Опора России». В ряде субъектов РФ (Ульяновская, Нижегородская и др. области) конкретизируются виды поддержки социального предпринимательства по отраслям (образование; здравоохранение; физическая культура и спорт; социальной защиты) с привлечением функционала ответственного отраслевого регионального министерства. ЦИССы как ключевой институт развития социального предпринимательства созданы не во всех регионах: их функции могут накладываться на сформированные ранее структуры с другим названием, но они позиционируются как ЦИСС. Например, в Брянской области 1 марта 2017 года был создан Центр инноваций социальной сферы, но название ГАУ «Брянский областной бизнес-инкубатор», либо ЦИСС формируется как структурное подразделение (отдел) в государственных учреждениях – бизнес-инкубаторах (ГАУ «Волгоградский областной бизнес-инкубатор»).

По результатам нашего исследования выявлены субъекты РФ, в которых не созданы ЦИСС и делается запрос на федеральное финансирование (Магаданская область, Чеченская Республика). Однако, как свидетельству-

ют результаты исследования, «прямая связь между регулярностью получения субсидий на поддержку ЦИССов и развитием социального предпринимательства в регионах просматривается далеко не во всех регионах» [25, с. 4]. К подобному выводу приходим и мы по результатам нашего исследования: не все субъекты РФ, имеющие ЦИСС, описывают количественно «демографию»¹⁰ и меры поддержки социального предпринимательства на территории региона. Большинство субъектов РФ формально перечисляют установленные законом виды поддержки как действующие, что свидетельствует об отсутствии на данный момент сложившихся реальных результатов развития социального предпринимательства, эффективных практик социальной поддержки социального предпринимательства, в целом концепции позиционирования социального предпринимательства в регионе. Последний вывод подкрепляется и официальной количественной фактографией. Так, по данным Совета Федерации, «в 22 регионах зарегистрировано менее 20 социальных предприятий, а в 13 субъектах – ни одного социального предприятия»¹¹.

По виду финансовой поддержки обратим внимание, что субсидии в рамках «Акселерация МСП», в большей степени обозначаются субъектами как «потенциальное направление государственной поддержки», к которому могут обратиться и социальные предприниматели. Среди субфедеральных налоговых преференций указываются: снижение ставок налога на прибыль, освобождение от уплаты транспортного налога (Волгоградская, Нижегородская и др. области); «налоговые каникулы» для начинающих предпринимателей в производственной, социальной и научной сферах, оказывающих бытовые услуги населению (Волгоградская область) и т.д.

Согласно полученным результатам исследования (табл. 1), активное вовлечение субъектов РФ в проведении регионального этапа Всероссийского конкурса «Лучший социальный

проект» и организация региональных конкурсов дает основания для вывода о том, что в настоящее время в субъектах РФ социальное предпринимательство находится на начальной стадии развития – этапе популяризации.

Модели развитых практик субфедеральной государственной поддержки социального предпринимательства с обозначением конкретных регионов выделялись в ряде исследований. Так, Омская область и Республика Башкортостан характеризовались имманентной моделью стабильной государственной поддержки социального предпринимательства с диверсификацией направлений на основе субсидий. По узкой специализации выделялись в инфраструктурной поддержке (ЦИСС) Кемеровская область, Республики Мордовия и Коми; в поддержке центров дневного пребывания детей – Липецкая область [25, с. 4].

Официально признанными продвинутыми региональными практиками по развитию социального предпринимательства в РФ могут позиционироваться результаты ежегодного конкурса «Импульс добра» Фонда «Наше будущее» по номинации «За лучшую региональную программу поддержки социального предпринимательства», учрежденной Министерством экономического развития РФ. Так, с 2012 года до настоящего времени лауреатами конкурса становились разные субъекты РФ: Красноярский край (2012 г.), Ханты-Мансийский АО – Югра (2013, 2016 гг.), Республика Татарстан (2014 г.), Омская область (2014 г.), Московская область (2015 г.), Архангельская область (2017 г.), Нижегородская область (2018 г.), Псковская область (2019 г.). Следует обратить внимание, что у субъектов РФ – лауреатов конкурса 2012 и 2014 гг. (Республика Татарстан и Красноярский край) объектом региональных программ поддержки обозначены СО НКО, а не социальное предпринимательство¹².

Кроме указанных выше регионов, результаты нашего исследования по комплексности направлений, видов, глубине проработ-

¹⁰Объём социального предпринимательства в целом и по условиям получения статуса социального предприятия, вновь зарегистрированных и закончившим деятельность, и т.д.

¹¹<https://www.asi.org.ru/news/2020/11/26/v-sovete-federaczii-obsudili-razvitie-soczialnogo-predprinimatelstva-v-regionah/>.

¹²В настоящее время СО НКО выведены из организационно-правовых форм социального предпринимательства, о чем уже было указано выше.

ки, специфическим характеристикам государственной поддержки социального предпринимательства дали основание для выделения Ленинградской и Ульяновской областей в статус субъектов РФ с продвинутыми региональными практиками государственной поддержки социального предпринимательства на субфедеральном уровне.

Выделение регионов с продвинутыми практиками государственной поддержки социального предпринимательства на субфедеральном уровне по результатам проведенной верификации методом компаративистики с результатами других исследований и конкурса «Импульс добра» фонда «Наше будущее» приведено в таблице 2. Акцент сделан на специфичных имманентных практиках конкретных субъектов РФ, наряду с которыми используются и стандартные меры государственной поддержки социального предпринимательства, предусмотренные законодательством.

Как видно, регионы-лидеры по развитию социального предпринимательства демонстрируют различные модели: в одной модели акцент в развитии социального предпринимательства делается на внедрении технологий социальных инвестиций, сертификатов. Другие регионы в развитие социального предпринимательства инкрустируют механизм межсекторного социального партнерства с привлечением как бизнеса через корпоративную социальную ответственность бизнеса, так и государства с установлением взаимодействий с ответственными ведомственными структурами. Обнаруживаются и субъекты РФ, демонстрирующие достижение результатов развития социального предпринимательства с выстраиванием стандартных мер региональной поддержки социального предпринимательства, предусмотренных в законе.

Выводы

Результаты исследования, проведенного в рамках поставленной цели, дают основание для следующих выводов и обобщений.

1. В настоящее время в большинстве субъектов РФ социальное предпринимательство находится на начальной стадии развития – популяризации – через запуск конкурсов различного уровня в реализации мер государственной поддержки (90 % регионов).

2. Субъекты РФ демонстрируют вариацию моделей субфедеральной государственной поддержки социального предпринимательства, включая и дифференциацию институтов инфраструктуры поддержки. В отдельных регионах государственная поддержка социального предпринимательства на субфедеральном уровне сводится к перечислению формулировок стандартных видов и форм, предусмотренных в законодательстве, или констатации отсутствия финансовых средств для развития инфраструктуры поддержки, что свидетельствует о ее формальном характере и отсутствии концепции позиционирования социального предпринимательства в социально-экономическом развитии региона. Выделяются продвинутые региональные практики, отличающиеся мерами поддержки социального предпринимательства, имманентными субъекту РФ с ориентацией на развитие технологий (социальные инвестиции, сертификаты) или на механизм межсекторного социального партнерства с упором на взаимодействие с бизнесом или с активной ролью ответственных региональных ведомственных структур

3. Для разработки действенной модели государственной поддержки развития социального предпринимательства видится целесообразным изменение позиционирования социального предпринимательства как комплементарного вида в структуре МСП или негосударственных поставщиков социальных услуг и выделение этого вида предпринимательства в самостоятельное направление с обозначением общего подхода к формированию инфраструктуры поддержки в регионах, что будет направлено на нивелирование территориальной дифференциации в развитии социального предпринимательства в субъектах РФ, что согласуется с целями региональной политики. Реализацию мер финансовой поддержки необходимо сопровождать оценкой эффективности государственных расходов, сопровождаемой мониторингом потребностей социальных предпринимателей по мерам поддержки. Экспертная оценка результативности существующих мер поддержки социального предпринимательства и потребностей стейкхолдеров является предметом следующего этапа исследования.

Таблица 2 – Продвинутые практики государственной поддержки социального предпринимательства в субъектах РФ за 2012–2020 гг.¹³

Table 2 – Advanced practices of state support for social entrepreneurship in the constituent entities of the Russian Federation for 2012–2020

Субъект РФ	Характеристика практики	Участие в конкурсе «Импульс добра»
Ханты-Мансийский АО – Югра	Достигнуты реальные количественные результаты развития социального предпринимательства. Сформирована инфраструктура поддержки. Введено право на приоритетное получение мер поддержки на срок не менее двух лет. Апробирован проект «Развитие рынка социальных инвесторов», направленный на создание эффективного механизма негосударственной поддержки социальных проектов. С 2012 года введен механизм персонализированного финансирования – предоставление гражданам сертификатов на оплату услуг. Всего в Югре 9 услуг реализуется через сертификаты (7 – в социальном обслуживании и 2 – в образовании).	Лауреат 2013, 2016 гг.
Омская область	Реализуемая ЦИСС модель подготовки социальных предпринимателей «Школа социального предпринимательства» получила тиражирование в 25 субъектах РФ. Сформирована региональная модель кластера социальных инноваций. Проведение форумов и региональных конкурсов.	Лауреат 2014 г.
Московская область ¹⁴	Акцент на реализацию финансовой поддержки в форме компенсаций затрат социальных предпринимателей: по производству товаров, работ и услуг; на уплату % по кредитам.	Лауреат 2014 г.
Архангельская область ¹⁴	Работающая инфраструктура поддержки: Государственное автономное учреждение «Архангельский региональный бизнес-инкубатор», «Архангельский региональный фонд микрофинансирования». Развитие микрозаймов.	Лауреат 2017 г.
Нижегородская область	Выстроена инфраструктура поддержки: ЦИСС и 6 социальных бизнес-инкубаторов в муниципальных образованиях (в Нижнем Новгороде, Заволжье, Выксе, Павлово, Дзержинске и на Бору). Привлечение внебюджетных источников для финансирования программ по развитию социального предпринимательства за счет включения бизнеса (Объединенной металлургической Компании, ПАО «Сбербанк», ПАО «Ростелеком», ООО «Порт-Медиа», ООО «Интроник» и др.). Оказание услуг по разработке франшиз. Проведение форумов и региональных конкурсов.	Лауреат 2017 г.
Псковская область ¹⁴	Тренд роста количества социальных предпринимателей за счет стандартной модели региональной поддержки социальных предпринимательств: инфраструктура поддержки (ЦИСС), форум социальных предпринимателей, форум социально ответственного туризма, социальный акселератор.	Лауреат 2018 г.
Республика Башкортостан	Значительный объем привлечения частных инвестиций в сферу социального предпринимательства за счет развития механизмов государственно-частного партнерства и социальных сертификатов.	—
Ленинградская область	В период с 2016 года до настоящего времени наблюдается опережающий общероссийское значение темп прироста количества социального предпринимательства (в Ленинградской области – 98 %, средний по РФ – 78 %). Выстроена инфраструктура, включая бизнес-акселератор. Формируется ежегодно дорожная карта развития социального предпринимательства. К предусмотренной стандартной финансовой поддержке осуществляется предоставление субсидий по типам социального предпринимательства – по отраслевой привязке: образование, туризм, в т. ч. сельский туризм, деятельность в области ремесел и народных художественных промыслов; молодежное предпринимательство в решении социальных проблем. Слет социальных предпринимателей, региональные конкурсы и выставки.	—
Ульяновская область	Сформирована инфраструктура, в региональном отделении «Опора России» организован комитет по социальному предпринимательству, региональные акселераторы социальных проектов (РостОК). В разработке «Стандарт (модель) развития социального предпринимательства в регионе», включающая все предусмотренные виды государственной поддержки, основанная на развитии механизмов межсекторного социального партнерства с ведущей ролью государственных структур.	—

¹³Разработка автора с использованием результатов конкурса «Импульс добра».

¹⁴Субъекты не вошедшие в наше исследование: писем-ответов не представлено.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кулькова В.Ю. (2017). Инфраструктурная поддержка социального предпринимательства в России // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. Т. 13. № 19. С. 1592–1607.
2. Granados M., Hlupic V., Coakes E. (2011). Social enterprise and social entrepreneurship research and theory, *Social Enterprise Journal*, vol. 7, issue 3, pp. 198–218.
3. Maseno M., Wanyoike C. (2020). Social Entrepreneurship as Mechanisms for Social Transformation and Social Impact in East Africa An Exploratory Case Study Perspective, *Journal of Social Entrepreneurship*. DOI: 10.1080/19420676.2020.1755348.
4. Zhao M, Han J. (2020). Tensions and Risks of Social Enterprises' Scaling Strategies: The Case of Microfinance Institutions in China, *Journal of Social Entrepreneurship*, vol. 11 (2), pp. 134–154.
5. Erpf P., Matthew J. Ripper, Castignetti M. Understanding. (2019). Social Entrepreneurship Based on Self-Evaluations of Organizational Leaders – Insights from an International Survey, *Journal of Social Entrepreneurship*, no. 10 (3), pp. 288–306.
6. Kerlin J. A. (2013). Defining Social Enterprise across Different Contexts: A Conceptual Framework Based on Institutional Factors, *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*, no. 42, pp. 84–108.
7. Bagnoli L., Megali C. (2011). Measuring performance in social enterprises, *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*, no. 40, pp. 149–165.
8. Cooney K. (2011). An exploratory study of social purpose business models in the United States, *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*, no. 40, pp. 185–196.
9. Alvord S. H., Brown D. L., Letts C. W. (2004). Social Entrepreneurship and Societal Transformation: An Exploratory Study, *Journal of Applied Behavioural Science*, no.40 (3), pp. 260–282.
10. Жохова В.В. (2020). Критерии успешности социального предпринимательства Приморского края // Мир экономики и управления. Т. 20. № 1. С. 99–115.
11. Бородина А.В., Щецак О.В. (2017). Социальное предпринимательство в современной России: отечественные и западные трактовки феномена, структуры поддержки и образовательные практики // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. Т. 1. № 4. С. 409–418.
12. Ромащенко Т.Д., Кисова А.Е. (2017). Концептуальные основы социального предпринимательства // Экономика предпринимательства. № 11 (88). С. 1140–1143.
13. Полякова О.М. (2016). Концепция социального предпринимательства в украинском контексте // Вестник экономики и транспорта промышленности. № 56. С. 176–182.
14. Чубарова Т.В. (2011). Социальная ответственность в рыночной экономике: работник, бизнес, государство. СПб. : Нестор история. 320 с.
15. Сергеева Ю. (2019). Модели поддержки социального предпринимательства в российских регионах // Мир социального предпринимательства. № 13. С. 6–10.
16. Bürger T. (2014). NGOs: A New History of Transnational Civil Society, *VOLUNTAS: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations*, vol. 24, pp. 124–138.
17. Granados M., Rosli A. (2020). «Fitting In» vs. «Standing Out»: How Social Enterprises Engage with Stakeholders to Legitimize their Hybrid Position, *Journal of Social Entrepreneurship*, no. 11 (2), pp. 155–176.
18. Erpf P. (2017). What Is Social Entrepreneurship and How Can It Be Differentiated from Business Entrepreneurship? *Swiss Journal of Business Research and Practice*, no. 71 (2), pp. 197–208.
19. Salamon L. (2001). The New Governance and the Tools of Public Action. New York, USA: Oxford University Press, 298 p.
20. Alter S.K. (2007). Social Enterprise Typology, *Virtue Ventures LLC*. Nov. 27, 235 p.
21. Boschee J., McClurg J. (2003). Toward a better understanding of social entrepreneurship: some important distinctions, pp. 2008. URL: <https://www.law.berkeley.edu/php-programs/courses/fileDL.php?fileID=7289> (accessed October 9, 2021).
22. Rose-Ackerman S. (1996). Non-profits and Economic Theory, *Journal of Economic Literature*, no. 34 (2), pp. 701–728.

23. Weisbrod В. (1988). *The Non-profit Economy*. Harvard University Press. 234 p.

24. Кулькова В.Ю. (2016). Социальное предпринимательство, некоммерческие организации и корпоративная социальная ответственность в построении межсекторного партнерства: обзор

теоретических разработок // Научное обозрение. № 7. С. 183–187.

25. Московская А., Климов И. (2019). Как сделать ЦИССы эффективным инструментом развития социального предпринимательства в регионах // Мир социального предпринимательства. № 13. С. 3–5.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Кулькова Варвара Юрьевна – доктор экономических наук, профессор; Казанский государственный энергетический университет (420066, Россия, Казань, ул. Красносельская, 51); kulkova77@mail.ru.

IMPLEMENTATION OF STATE SUPPORT FOR SOCIAL ENTREPRENEURSHIP IN THE DEVELOPMENT OF SOCIAL SERVICES IN THE REGIONS OF THE RUSSIAN FEDERATION

V.Yu. Kulkova^{15a}

^aKazan State Power Engineering University

ABSTRACT:

Problem statement. Today social entrepreneurship is actively developing in the Russian Federation. It is characterized by a tendency of rapid business development which leaves legal regulation behind. In some regions of the Russian Federation different models of sub-federal support for social entrepreneurship were developed and implemented, including the spheres of non-governmental providers of social services, small and medium-sized enterprises (SMEs). These measures require analysis and generalization to highlight effective variants of regional state support in order to replicate them in the regional policy of the Russian Federation to reduce the gap in the development of social entrepreneurship in different parts of the country.

The scientific task is analysis of the implementation of sub-federal state support for social entrepreneurship in the development of social services in the regions of the Russian Federation.

Methodological basis includes the provisions of the positive economic theory that consist in the study of the existing regional practices for the development of social entrepreneurship, including the implementation of measures of state support provided for by the legislation of the Russian Federation. We regard social entrepreneurship as an independent type of entrepreneurship with its inherent characteristics that differ from those of Socially Focused Non-governmental Organizations and SMEs.

The research material. The information base of the study is made of letters with facts about the implementation of measures to support social enterprises in the regions of the Russian Federation. The data provided in the letters on the implementation of measures to support social enterprises have been analyzed and interpreted. The research methods are general scientific methods, including induction, comparison and generalization.

The main results of the study. It has been revealed that the most common measure of state support for social entrepreneurship in the regions of the Russian Federation is competitions of various levels aimed at promotion of social entrepreneurship, which is at its initial stage of development. The constituent entities of the Russian Federation demonstrate variations in the models of sub-federal state support for social entrepreneurship, as well as the differences in support infrastructure institutions. Some regions lack money

---

¹⁵RSCI AuthorID: 360869, ORCID: 0000-0001-9943-1780

for the development of support infrastructure and they make a request for federal funding. The paper provides a list of the subjects of the Russian Federation with advanced practices of state support for social entrepreneurship at the sub-federal level. They are characterized by their focus on the development of technologies (social investments and certificates) or the mechanism of intersectoral social partnership with an emphasis on interaction either with business or with the responsible regional departmental structures.

KEYWORDS: social entrepreneurship, social entrepreneurship support, support infrastructure, measures of state support, social services providers, non-governmental providers, small and medium-sized enterprises, SME.

FOR CITATION: Kulkova V.Yu. (2021). Implementation of state support for social entrepreneurship in the development of social services in the regions of the Russian Federation, *Management Issues*, no. 2, pp. 90–101.

REFERENCES

1. Kulkova V.Yu. (2017). Infrastructure support for social entrepreneurship in Russia, *National Interests: Priorities and Security*, vol. 13, no. 19, pp. 1592–1607.
2. Granados M., Hlupic V., Coakes E. (2011). Social enterprise and social entrepreneurship research and theory, *Social Enterprise Journal*, vol. 7, issue 3, pp. 198–218.
3. Maseno M., Wanyoike C. (2020). Social Entrepreneurship as Mechanisms for Social Transformation and Social Impact in East Africa An Exploratory Case Study Perspective, *Journal of Social Entrepreneurship*. DOI: 10.1080/19420676.2020.1755348.
4. Zhao M, Han J. (2020). Tensions and Risks of Social Enterprises' Scaling Strategies: The Case of Microfinance Institutions in China, *Journal of Social Entrepreneurship*, vol. 11 (2), pp. 134–154.
5. Erpf P., Matthew J. Ripper, Castignetti M. Understanding. (2019). Social Entrepreneurship Based on Self-Evaluations of Organizational Leaders – Insights from an International Survey, *Journal of Social Entrepreneurship*, no. 10 (3), pp. 288–306.
6. Kerlin J. A. (2013). Defining Social Enterprise across Different Contexts: A Conceptual Framework Based on Institutional Factors, *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*, no. 42, pp. 84–108.
7. Bagnoli L., Megali C. (2011). Measuring performance in social enterprises, *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*, no. 40, pp. 149–165.
8. Cooney K. (2011). An exploratory study of social purpose business models in the United States, *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*, no. 40, pp. 185–196.
9. Alvord S. H., Brown D. L. , Letts C. W. (2004). Social Entrepreneurship and Societal Transformation: An Exploratory Study, *Journal of Applied Behavioural Science*, no.40 (3), pp. 260–282.
10. Zhokhova V.V. (2020). Criteria for the success of social entrepreneurship of the Primorsky Territory, *World of Economics and Management*, vol. 20, no. 1, pp. 99–115.
11. Borodina A.V., Schetsak O.V. (2017). Social entrepreneurship in modern Russia: domestic and western interpretations of phenomenon, support structures and educational practices, *Bulletin of the Udmurt University. Sociology. Political science. International relationships*, vol. 1, no. 4, pp. 409–418.
12. Romaschenko T.D., Kisova A.E. (2017). Conceptual basics of social entrepreneurship, *Economics of entrepreneurship*, no. 11 (88), pp. 1140–1143.
13. Polyakova O.M. (2016). Concept of social entrepreneurship in the Ukrainian context, *Bulletin of the economy and transport industry*, no. 56, pp. 176–182.
14. Chubarova T.V. (2011). Social responsibility in a market economy: worker, business, state. Saint Petersburg: Nestor History, 320 p.
15. Sergeeva Yu. (2019). Social entrepreneurship support models in the Russian regions, *World of Social Entrepreneurship*, no. 13, pp. 6–10.
16. Bürger T. (2014). NGOs: A New History of Transnational Civil Society, *VOLUNTAS: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations*, vol. 24, pp. 124–138.
17. Granados M., Rosli A. (2020). «Fitting In» vs. «Standing Out»: How Social Enterprises Engage with Stakeholders to Legitimize their Hybrid Position, *Journal of Social Entrepreneurship*, no. 11 (2), pp. 155–176.
18. Erpf P. (2017). What Is Social Entrepreneurship and How Can It Be Differentiated from Business Entrepreneurship? *Swiss Journal of Business Research and Practice*, no. 71 (2), pp. 197–208.
19. Salamon L. (2001). The New Governance and

the Tools of Public Action. New York, USA: Oxford University Press, 298 p.

20. Alter S.K. (2007). Social Enterprise Typology, Virtue Ventures LLC. Nov. 27, 235 p.

21. Boschee J., McClurg J. (2003). Toward a better understanding of social entrepreneurship: some important distinctions, pp. 2008. URL: <https://www.law.berkeley.edu/php-programs/courses/fileDL.php?fid=7289> (accessed October 9, 2021).

22. Rose-Ackerman S. (1996). Non-profits and Economic Theory, *Journal of Economic Literature*, no. 34 (2), pp. 701–728.

23. Weisbrod B. (1988). The Non-profit Economy. Harvard University Press. 234 p.

24. Kulkova VYu. (2016). Social entrepreneurship, non-profit organizations and corporate social responsibility in building an intersectoral partnership. A review of theoretical developments, *Scientific Review*, no. 7, pp. 183–187.

25. Moskovskaya A., Klimov I. (2019). How to make CISSs an effective tool for the development of social entrepreneurship in the regions, *World of Social Entrepreneurship*, no. 13, pp. 3–5.

AUTHORS' INFORMATION:

Varvara Yu. Kulkova – Advanced Doctor in Economic Sciences, Full Professor; Kazan State Power Engineering University (51, Krasnoselskaya St., Kazan, 420066, Russia); kulkova77@mail.ru.

МОДЕЛИРОВАНИЕ МНОГОКРИТЕРИАЛЬНОЙ ОЦЕНКИ СОЦИО-ЭКОЛОГО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ И ДИНАМИКИ ТЕРРИТОРИИ

А.М. Ситковский^{1а}

^аРоссийская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

АННОТАЦИЯ:

Постановка проблемы. Оценка состояния и динамики территории являются неотъемлемой частью исследований в области экономики и управления. Существующий инструментарий предлагает множество подходов, однако большинство из них базируется на обработке и представлении общедоступной статистической информации. Подобный источник информации не всегда является корректным, что влечёт за собой некорректность производимых оценок. Существует объективная необходимость поиска оптимального инструментария для проведения оценки территории в случаях дефицита статистической информации либо ситуации недоверия к её качеству.

Цель исследования. Предложить актуализированный инструментарий проведения комплексной многокритериальной оценки социо-эколого-экономического состояния и динамики территории.

Методологическая база. Концептуальной основой исследования выступило утверждение о возможности проведения оценки состояния и динамики территории на основе данных социологического исследования. Мнение населения о территории позволяет выявить предпосылки к его дальнейшему экономически важному поведению, будь то выбытие из территории либо инвестирование в неё. С точки зрения проведения экономического исследования мнение населения о территории может являться более важной характеристикой, чем фактические метрики. Доверие к оценкам населения как источнику информации как правило выше, чем к общедоступной статистической информации.

Методы исследования. С целью актуализации инструментария исследуемых оценок разработана математическая модель. Концептуальной основой её разработки стал алгоритм построения модели интегральной оценки экономического объекта, предложенный П. В. Трусовым. Результаты работы модели визуализированы с использованием *Microsoft Excel* по методике С. С. Гордеева и А. В. Кочерова.

Используемые материалы. Статистической базой апробации модели выступили результаты социологических исследований мнения населения муниципальных образований Челябинской области в 2019 году, размещённые в открытом доступе на официальных сайтах их администраций.

Основные результаты. В статье предложена математическая модель комплексной многокритериальной оценки социо-эколого-экономического состояния и динамики территории. Продемонстрирована её работа на примерах оценки как состояния, так и динамики городов Челябинской агломерации. Результаты визуализированы, осуществлена их интерпретация.

Выводы. В статье продемонстрирована работоспособность предложенного актуализированного инструментария. Он может быть широко использован в экономических исследованиях территорий различного административного уровня.

БЛАГОДАРНОСТИ: Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, грант РФФИ 19-010-00964 «Моделирование и визуализация сценариев пространственного развития трансграничного макрорегиона на примере Урала и Северного Казахстана».

¹AuthorID РИНЦ: 1012909, ORCID: 0000-0002-8725-6580

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: многокритериальные оценки, матричные оценки, векторные оценки, анализ территории, инструментарий анализа, математическая модель, социологическое исследование.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Ситковский А.М. (2021). Моделирование многокритериальной оценки социально-эколого-экономического состояния и динамики территории // Вопросы управления. № 2. С. 102–119.

Введение

В исследованиях в области экономики и управления важное место занимает оценка и анализ социо-эколого-экономического состояния и динамики территории. В литературе изложено множество подходов и инструментов подобного рода анализа [1, с. 120–128]. Большинство из них базируются на эконометрическом или графоаналитическом исследовании статистических показателей. Как правило, имеющиеся статистические данные разбиваются на группы (демографические, социальные, финансовые и т.д.), ранжируются, им присваиваются веса. Зачастую результатом подобного исследования становится интегральный показатель (коэффициент), который удобен при сопоставлении территорий и формировании рейтингов [2, с. 50–243].

Подобные инструменты в значительной степени опираются на предложенную статистическую базу. Соответственно, качество исследования во многом определяется качеством (достоверностью) первоначальных статистических данных. В случаях, когда достоверность статистической базы может быть подвергнута сомнению, данные инструменты практически полностью утрачивают свою актуальность. Они становятся применимы только для сопоставления объектов исследования между собой, но и в данном случае имеют значительные ограничения [3, с. 4–5]. Дефицит статистической информации особенно часто проявляется при исследовании муниципальных образований. Вследствие этого существует объективная необходимость в актуализации инструментария оценки социо-эколого-экономической динамики и состояния территории в условиях дефицита достоверной общедоступной статистической информации.

Степень разработанности проблемы

Обзор классических подходов

Большинство моделей оценки состояния и динамики территории условно можно разделить на две большие группы: «методы реги-

онального экономического анализа» и «математические модели региональной экономики» [4, с. 95]. Классическими исследованиями в области использования математических моделей в целях исследования территорий являются: «Экономическая таблица» Франсуа Кенэ [5, с. 279], «Классическая макроэкономическая модель» Адама Смита [6, с. 57–97], «модель международной торговли» Давида Рикардо [7, с. 833–868]. В XIX веке отдельно выделилась математическая школа моделирования экономических процессов, представителями которой являются Леон Вальрас, Огюстен Курно, Вильфредо Парето, Фрэнсис Эджворт и др. [8, с. 142] В XX веке математические методы моделирования получили своё наибольшее развитие. В частности, с их применением связаны почти все открытия в области экономики, удостоившиеся Нобелевской премии. Среди российских учёных, наибольший вклад в развитие математического моделирования в экономике внесли В. К. Дмитриев и Е. Е. Слуцкий [9, с. 185].

Одной из первых математических моделей оценки территории является формула антропогенного воздействия на окружающую среду (IPAT), предложенная Паулем Эрлихом и Джоном Холдреном [10, с. 425–426] и имеющая вид:

$$I = P \cdot A \cdot T, \quad (1)$$

где I – воздействие на окружающую среду; P – население; A – благосостояние; T – технологический уровень развития государства. Формула (1) предназначена для определения степени некой экологической ответственности государства перед остальным миром, исходя из потенциала негативного воздействия на окружающую среду.

Вслед за экологической проблематикой, развитие получила методология устойчивого (социо-эколого-экономического) развития. Данная методология также может быть выражена в виде математической модели [10, с. 444], представленной формулой (2):

$$F_t(L, K, P, I) \leq F_{t+1}(L, K, P, I), \quad (2)$$

где $F_t(L, K, P, I)$ – функция устойчивого развития; L – трудовые ресурсы; K – физический/искусственный капитал; P – природные ресурсы; I – институциональный фактор, t – временной период. Функция (3) отражает философию устойчивого развития: необходимость сохранения и приумножения ресурсов. Пускай и в весьма обобщённом виде, формула (3) является одним из первых вариантов комплексной многокритериальной оценки состояния и динамики территории.

Наиболее часто используемым методом многокритериальной оценки территории на сегодняшний день является «индекс человеческого развития» (ИЧР). Он рассчитывается как среднее геометрическое трёх индексов: «ожидаемая продолжительность жизни»; «средняя продолжительность обучения населения в годах»; «ожидаемая продолжительность обучения населения, ещё получающего образование, в годах»; «ВНД на душу населения по ППС в долларах США», каждый из которых имеет свою формулу расчёта. ИЧР хорошо подходит и часто применяется для сопоставления государств, однако также может быть применён для сравнения территорий внутри одной страны, в частности, как это ежегодно делает Аналитический центр при Правительстве РФ [11, с. 5].

Классификация и анализ современных подходов

Наиболее распространённым современным направлением в решении многокритериальных задач является *скаляризация*, под которой понимается сведение многокритериальной задачи к однокритериальной, в данном случае – к формированию интегрального показателя оценки состояния территории [12, с. 102]. Развитием методов скаляризации является усложнение процесса её произведения с целью более точного отражения первоначальной многокритериальной задачи. С математической точки зрения можно выделить две группы методов скаляризации. Для методов первой группы значительно усложняется целевая функция (сравнительно с обычной скалярной задачей), а для методов второй группы усложняются функции ограничений (например, веса для агрегируемых показателей). Однако сведение к однокритериальной задаче

нельзя в полной мере считать методом решения многокритериальной задачи.

Среди многокритериальных задач, наиболее простыми в решении и распространёнными на практике являются двухкритериальные задачи. Основы решения такой задачи описываются при помощи «кривой Парето» – кумулятивной зависимости распределения результата от фактора или одного фактора от другого. Для многокритериальной задачи поиск оптимального решения выполняется при помощи «множества Парето» [13, с. 13]. Данный алгоритм направлен на поиск «оптимального решения», т. е. выбора наилучшей из доступных альтернатив и зачастую имеет конкретное (оптимальное) решение. Однако многокритериальные задачи не всегда имеют решение, выражаемое чётким ответом. В частности, многокритериальные задачи оценки не ставят перед собой цели поиска наилучшей альтернативы.

В случаях, когда множество альтернатив не задано, рассматриваются ограничения на их количество. Для решения подобных задач используются в том числе генетические алгоритмы. Своё название они получили благодаря своему смысловому сходству с принципом эволюционного отбора. Генетические алгоритмы – это алгоритмы поиска случайного, наиболее благоприятного решения, путём перебора всех возможных вариантов [14, с. 20]. В своём первоначальном предназначении данные алгоритмы используются для моделирования популяции и её мутации в поколениях, однако данная методика также применима и используется для решения иных многокритериальных задач поиска оптимального решения, в том числе, в сфере принятия управленческих решений и территориального планирования.

В последнее десятилетие наибольшее развитие получили программные комплексы оптимизации решения многокритериальных задач. Наиболее значимыми из них являются следующие. Разработанная совместно Институтом машиностроения РАН им. А. А. Благонравова и *Naval Postgraduate School* (Монтерей, США) программный продукт *MOVI (Multicriteria Optimization and Vector Identification)*, предназначенный для многокритериальной оптимизации и векторной идентификации [15, с. e685–e696]. Система *PFV (Pareto Front Viewer)*, раз-

работанная в Вычислительном центре РАН на основе *Microsoft Excel* и предназначенная для поиска оптимальных управленческих решений [16, с. 213–243]. Схожей по функционалу является «ВЫБОР-12М», созданный в Московском энергетическом институте [17, с. 130–141]. Система *Quick Choice*, разработанная в Санкт-Петербургском государственном политехническом университете [18, с. 315–354]. Кроме названных также следует отметить российские системы: «ДИСО» (Вычислительный центр РАН), «СИМОП» (Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского), система «Парето» (МГТУ им. Н. Э. Баумана) и множество других [12, с. 106–110].

Отдельно следует выделить группу методов, предполагающих использование геоинформационных технологий (ГИС) [19, с. 1279]. Общим случаем такого использования является зонирование, базирующееся на спутниковых снимках, либо достоверных картографических материалах [20, с. 258]. Исследование динамического изменения зон (природоохранных зон, жилищной застройки, карьеров и шлакоотвалов и т. п.) позволяет охарактеризовать некоторые аспекты состояния и динамики территории [21]. Включение многокритериальных методов оценки в ГИС стало многообещающей областью исследований, привлекающей многих специалистов [22]. Например, концепция нечетких множеств была включена в анализ пригодности земли на основе ГИС посредством упорядоченного взвешенного усреднения [23, с. 135].

Несмотря на обилие методов решения многокритериальных задач, математический аппарат которых всесторонне разработан, существует недостаток эвристической составляющей данных методов, применительно к оценке состояния и динамики территории.

Методика исследования

В качестве методологической базы исследования выступила модель процесса формирования интегральной оценки экономического объекта, разработанная специалистами Пермского национального исследовательского политехнического университета [24, с. 56-85]. На её основе на рисунке 1 представлена задача моделирования анализа социо-эколого-эконо-

мического состояния и динамики территории в виде последовательности этапов. Далее в статье раскрыты каждый из этапов применительно к построению модели оценки социо-эколого-экономического состояния и динамики территории на основе социологического исследования мнения населения.

1. Постановка задачи исследования

Задачей исследования является построение математической модели оценки социо-эколого-экономической динамики и состояния территории с учётом первоначально заданного ограничения: недоверия к общедоступной статистической информации о социо-эколого-экономических состоянии и динамике. Также, задачей исследования является дальнейшая визуализация математической модели, её интерпретация и определение возможностей применения в практике.

2. Предварительное моделирование

Исследования территорий в экономике в конечном счёте ориентированы на исследование изменения поведения или состояния человека, имеющего отношение к исследуемой территории. Объективные тенденции экономической динамики представляют интерес для исследования только тогда, когда выражаются в реакции на них вовлечённого населения, либо в изменении их качественного состояния (например, финансового или социального благополучия). В связи с этим, одним из надёжных инструментов оценки социо-эколого-экономического состояния и динамики терри-

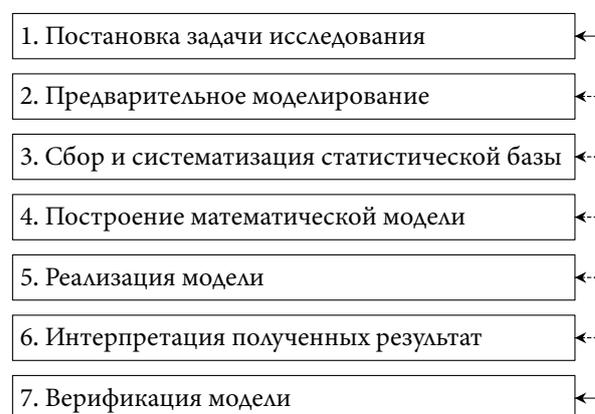

Рисунок 1 – Последовательность этапов построения модели интегральной оценки экономического объекта

Figure 1 – The sequence of stages of building an integrated assessment model of an economic object

тории выступает социологический опрос мнения населения о территории или отдельных определяющих её благополучие отраслей хозяйства [25, с. 90].

Такая категория, как «мнение населения» или индивида, носит весьма относительный характер и восходит скорее к психологическим наукам, нежели к экономическим. В данном случае под «мнением населения» понимается субъективное отношение индивида, сформировавшееся под воздействием различных условий, устоявшееся мнение относительно всей системы социо-эколого-экономических взаимодействий, возникающих в рамках определённой отрасли хозяйства. Основными характеристиками «мнения населения» являются «субъективность» и относительная «устойчивость».

Как правило, система показателей, отражающая мнение населения о качестве жизни, может выступать как основа для ключевой определяющей оценки благосостояния территории, т. е. рассматриваться как вектор неудовлетворённости социума. Острота проблем при оценке качества характеризуется по доле населения неудовлетворённых условиям жизни. Совокупность таких социологических оценок образует вектор неудовлетворённости. В общем случае численность населения с негативным восприятием существующих условий (процент неудовлетворённых условиями жизни) характеризует мнение социума по критичности ситуации.

Сами по себе результаты социологического опроса содержат недостаточно информации для определения состояния или динамики территории. В данном случае возникает потребность их углублённого анализа и нестандартной (для социологических исследований) интерпретации. Необходимым инструментом такого анализа и интерпретации служат многокритериальные оценки, которые могут представлять собой матрицу необходимых и достаточных показателей удовлетворённости населения и характеристик динамики их изменения. Показатели неудовлетворённости в данном случае представляют интерес и как общий вектор неудовлетворённости, и как неудовлетворённость отдельными отраслями хозяйства.

Перечень отраслей, включённых в опросник социологического исследования, должен охватывать все наиболее значимые отрасли хозяйства с достаточной детализацией для принятия последующих управленческих решений [26, с. 72]. Конкретный перечень исследуемых отраслей целесообразно сформировать на основе мнения экспертов, ранее проводивших исследования в данной области. К числу таких экспертов следует отнести специалистов профильных социологических лабораторий, представителей органов государственного управления в области экономического развития, а также мнение отдельных учёных, специализирующихся на данной проблематике.

Предложенный подход позволяет формировать репрезентативную, достоверную, относительно точную и многокритериальную оценку социо-эколого-экономического состояния и динамики территории с целью корректного принятия управленческих решений. Также данный подход позволяет повысить глубину научных исследований по проблематике развития территорий и осуществлять достоверную оценку состояния объекта исследования.

Объективным недостатком многокритериальных оценок является относительная сложность их реализации, требующая специальных познаний, программного обеспечения, проведения специализированного, зачастую дорогостоящего социологического исследования [27, с. 214]. Данный недостаток может быть нивелирован при систематическом вхождении данного инструмента в исследовательскую практику, а также практику государственного и муниципального управления.

3. Сбор и систематизация статистической базы

Статистической базой для подобного исследования могут выступать социологические показатели, публикуемые ежегодно по итогам опроса в соответствии с критериями оценки населением эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов, установленных Указом Президента РФ от 14.10.2012 № 1384 и Постановлением Правительства РФ от 17.12.2012 № 1317.

Для подготовки настоящего исследования были использованы данные социологических наблюдений, проводимых в 2019 году во всех муниципальных образованиях Челябинской области. Населению территорий был предложен одинаковый перечень вопросов об условиях и качестве их жизни. Всего было опрошено 1213 человек. Результаты статистических наблюдений, использованные для исследования, размещены на официальных сайтах администраций муниципальных образований: Челябинск², Копейск³, Коркино⁴, Южноуральск⁵.

Часть вопросов опросного листа была посвящена отдельным отраслям хозяйствования. В опроснике данный вопрос сформулирован так: «Насколько вы удовлетворены характеристиками следующих товаров и услуг на рынках вашего города (района) по критериям?». Объекты требовалось охарактеризовать по каждому из трёх критериев: «качество», «уровень цен», «возможность выбора». Для каждого из критериев опрашиваемому требовалось выбрать один из вариантов: «удовлетворен», «скорее удовлетворен», «скорее не удовлетворен», «не удовлетворен».

В рамках данного исследования использовались только ответы на вопросы, посвящённые отраслям и выявляющие удовлетворённость населения их качеством. Помимо результатов отдельных муниципальных образований, в статистической сводке также представлены данные в среднем для всех муниципальных образований Челябинской области. В качестве отраслей хозяйствования для данного исследования на основе удовлетворённости населения их качеством были выбраны: негосударственные медицинские услуги; продажа лекарств; дошкольное образование; школьное образование; среднее профессиональное образование; дополнительное об-

разование детей; детский отдых и оздоровление; социальные услуги; теплоснабжение; обработка ТКО; благоустройство городской среды; содержание многоквартирных домов; муниципальный транспорт; межмуниципальный транспорт; такси; сотовая связь; интернет; жилищное строительство; капитальное строительство; легкая промышленность; наружная реклама.

В результате обработки представленных данных, может быть сформирован перечень показателей оценки социо-эколого-экономического состояния территории. Пример такого перечня приведён в таблице 1.

В целях оценки социо-эколого-экономической динамики территории на основании социологического исследования необходимо использовать данные опроса за несколько лет с сопоставимыми значениями. В дальнейшем динамические данные могут быть обработаны и представлены в виде следующих показателей:

- разница (изменение) неудовлетворённости или вектора критичности;
- волатильность неудовлетворённости или вектора критичности;
- вариация неудовлетворённости или вектора критичности;
- математическое ожидание неудовлетворённости или вектора критичности;
- мода неудовлетворённости или вектора критичности и др.

Полученные данные для исследования как в динамических рядах, так и в статичных рядах были обработаны с помощью программного обеспечения *Microsoft Excel*.

4. Построение математической модели

Исходя из представленного набора данных, многокритериальную оценку социо-эколого-экономического состояния и динамики терри-

²Результаты опроса потребителей и предпринимателей. // Администрация города Челябинска: официальный сайт. URL: <https://cheladmin.ru/ru/administraciya-goroda/struktura-upravleniya/upravlenie-po-strategicheskomu-planirovaniyu/promyshlennost/razvitie-konkurencii/rezultaty-oprosa-potrebiteley-i-predprinimateley> (дата обращения: 29.10.2020).

³Результаты опроса потребителей и предпринимателей. // Администрация Копейского городского округа Челябинской области: официальный сайт. URL: <https://akgo74.ru/about/oprosy.php> (дата обращения: 29.10.2020).

⁴Развитие конкуренции. // Официальный сайт Администрация Коркинского муниципального района. URL: <https://korkino.eps74.ru/htmlpages/Show/activities/Razvitiekonkurencii> (дата обращения: 29.10.2020).

⁵Развитие конкуренции. // Администрация Южноуральского городского округа: официальный сайт. URL: <http://u-uralsk.ru/htmlpages/Show/Razvitiekonkurencii> (дата обращения: 29.10.2020).

Таблица 1 – Перечень возможных показателей многокритериальной оценки социо-эколого-экономического состояния территории на основании социологического исследования

Table 1 – The list of possible indicators for a multicriteria assessment of the socio-ecological-economic state of the territory based on a sociological study

№	Показатель	Расчёт	Представление	Пример ⁶
1	Неудовлетворённость населения территории конкретной отраслью хозяйствования	Сумма ответивших «скорее не удовлетворен» и не удовлетворен»	коэффициент, доля в %	62 % жителей Южноуральска не удовлетворены наружной рекламой
2	Неудовлетворённость населения территории категорией (группой) отраслей хозяйствования	Сумма ответивших «скорее не удовлетворен» и не удовлетворен»	коэффициент, доля в %	92 % жителей Коркино недовольны строительной сферой (отрасли капитальное строительство и жилищное строительство)
3	Общая неудовлетворённость населения территории	Медиана суммы ответивших «скорее не удовлетворен» и «не удовлетворен»	коэффициент, доля в %	Коэффициент неудовлетворённости жителей Челябинска составляет 0,57 (медиана для неудовлетворённости всеми 21 отраслями)
4	Вектор критичности населения территории к конкретной отрасли хозяйствования	Отношение суммы ответивших «скорее не удовлетворен» и не удовлетворен» в территории к среднерегionalным значениям	процентный пункт	Жители Копейска на 39 процентных пункта более недовольны благоустройством городской среды, чем в среднем все жители Челябинской области
5	Вектор критичности населения территории к категории (группе) отраслей хозяйствования	Отношение суммы ответивших «скорее не удовлетворен» и не удовлетворен» в территории к среднерегionalным значениям	процентный пункт	Жители Южноуральска на 13,25 процентных пункта менее недовольны сферой образования (дошкольное, школьное, среднее профессиональное и дополнительное образование), чем в среднем все жители Челябинской области
6	Общий вектор критичности населения	Медиана значений отношения суммы ответивших «скорее не удовлетворен» и «не удовлетворен» в территории к среднерегionalным значениям	коэффициент, доля в %	Жители Копейска на 17 % более критичны в своих оценках, чем в среднем все жители Челябинской области (медиана для относительной неудовлетворённости всеми 21 отраслями)
7	Относительная неудовлетворённость населения территории	Отношение суммы ответивших «скорее не удовлетворен» и «не удовлетворен» в одной территории к другой	процентный пункт	В Челябинске на 21 процентный пункт более удовлетворены сферой продажи лекарств, чем в соседнем к нему Копейске

тории целесообразно представлять в виде матрицы (3) [28, с. 19]:

$$V_x = \begin{bmatrix} V_{a_1} & V_{a_2} & V_{a_3} & \dots & V_{a_n} \\ V_{b_1} & V_{b_2} & V_{b_3} & \dots & V_{b_n} \\ \vdots & \vdots & \vdots & \ddots & \vdots \\ V_{m_1} & V_{m_2} & V_{m_3} & \dots & V_{m_n} \end{bmatrix}, \quad (3)$$

где V_x – матрица оценки социо-эколого-экономического состояния и динамики территории x ; V_{m_n} – показатель неудовлетворённости

населения территории по m -ной отрасли хозяйствования в n -ном году.

Матрица (3) представляет собой матричную модель оценки социо-эколого-экономического состояния и динамики территории. В вырожденных случаях, данная матрица приобретает вид вектора. В частности, в целях оценки социо-эколого-экономического состояния территории (при отсутствии динамического ряда статистической базы, либо потреб-

⁶В столбце «Пример» изложен не исчерпывающий перечень возможных вариантов, а единичные примеры расчётов, основанные на реальных данных. Для расчётов могут быть использованы любые территории при наличии соответствующей статистической базы, а также любые из имеющихся (в данном случае – 21) отрасли хозяйствования.

ности в подобном исследовании) матрица (3) приобретает вид вектора (4):

$$V_x = \begin{bmatrix} V_a \\ \dots \\ V_m \end{bmatrix}, \quad (4)$$

где m – количество отраслей хозяйствования, выбранных для социологического исследования, либо иных производных от них показателей, примеры которых приведены в таблице 1.

Для оценки социо-эколого-экономической динамики территории возможно использовать единственный показатель, например, изменение общей неудовлетворённость населения территории. В таком случае матрица (3) принимает форму вектора (5):

$$V_x = [V_a \quad \dots \quad V_n], \quad (5)$$

где n – исследуемый временной период.

Представленная модель многокритериальной оценки социо-эколого-экономического состояния и динамики территории позволяет решать следующие основные задачи в области экономики и управления:

- осуществлять интегральную оценку состояния территории;
- ранжировать и сравнивать территории между собой;
- формировать многомерные группировки и классификации территорий;
- обнаруживать глубинные проблемы территорий, не проявляющиеся при обследовании общедоступной статистической информации;
- выявлять сильные стороны территории (конкурентные преимущества) и её относительные недостатки (факторы сдерживания развития);
- производить многокритериальную оптимизацию управления территорией и др.

С целью наглядного отображения результата произведённой оценки, целесообразно использовать методику визуализации векторов неудовлетворённости условиями и качеством жизни социума, представленную в исследованиях ранее [29, с. 43–44]. Вектор (4) наиболее наглядно может быть продемонстрирован с помощью лепестковой диаграммы, на которой «лепестками» являются отрасли хозяйствования. На ней возможно отобразить

сразу несколько территорий, а также значения в среднем для всех территорий генеральной совокупности для наглядного сравнения результатов между собой. Отдельные показатели могут быть проиллюстрированы столбчатыми диаграммами с наложением на них расчётных величин (медианы, среднего и т.п.). Оформление диаграмм произведено по методике С. С. Гордеева и А. В. Кочерова [30, с. 75–76].

Результаты

1. Реализация модели

1.1. Вектор социо-эколого-экономического состояния территории. В рамках данной статьи многокритериальная оценка социо-эколого-экономического состояния территории представлена на примере построения вектора (4) для четырёх муниципальных образований Челябинской области. Муниципальными образованиями для исследования были определены города Челябинской агломерации [31, с. 8]: Челябинск, Копейск, Южноуральск и Коркино. Соответственно, векторы в данном примере (6) определяются отдельно для каждой территории и имеют вид:

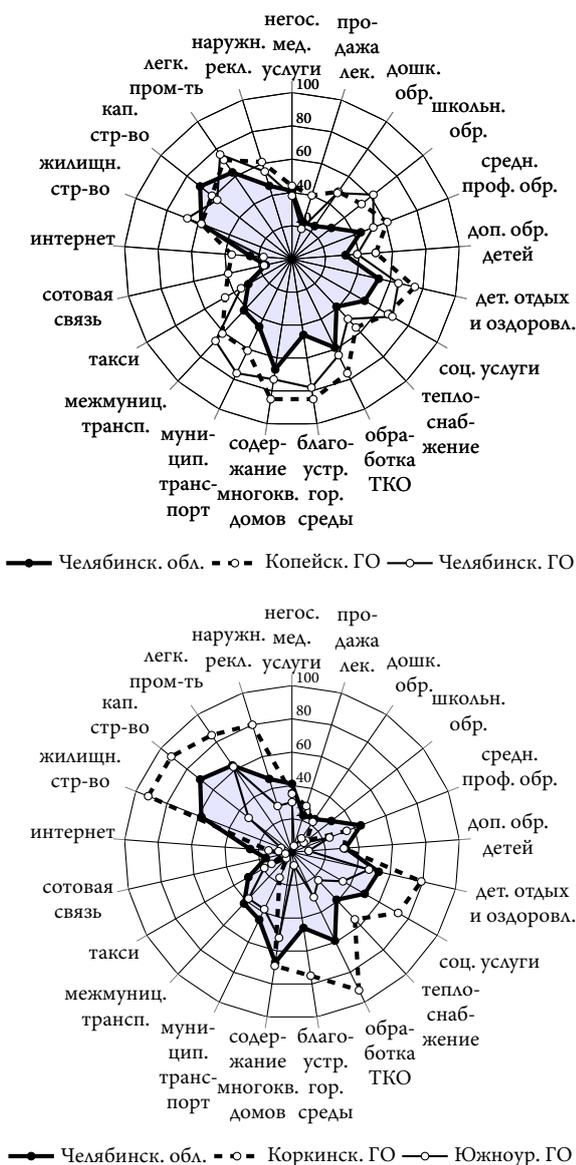
$$\begin{aligned} V_{\text{Челябинск}} &= \begin{bmatrix} V_1 \\ \dots \\ V_{21} \end{bmatrix}, \\ V_{\text{Копейск}} &= \begin{bmatrix} V_1 \\ \dots \\ V_{21} \end{bmatrix}, \\ V_{\text{Южноуральск}} &= \begin{bmatrix} V_1 \\ \dots \\ V_{21} \end{bmatrix}, \\ V_{\text{Коркино}} &= \begin{bmatrix} V_1 \\ \dots \\ V_{21} \end{bmatrix}, \end{aligned} \quad (6)$$

где V_{21} – количество отраслей хозяйствования, использованных для исследования, перечисленные ранее в статье.

На основе векторов (6) построено две лепестковых диаграммы – векторы оценки социо-эколого-экономического состояния для четырёх городов Челябинской агломерации. Сплошной заливкой отображено мнение в среднем для всех муниципальных образований Челябинской области. Неудовлетворённость по каждой из отраслей хозяйствования представлена в процентах от числа граждан,

обозначивших те или иные отрасли хозяйствования как неудовлетворительные (сумма результатов ответов «скорее не удовлетворен» и «не удовлетворен» в опросных листах). Результат представлен на рисунке 2.

Города сгруппированы в две диаграммы для наглядности отображения по критерию схожести социо-эколого-экономического состояния, благодаря предварительному визуальному анализу. На представленных диаграммах наглядно проиллюстрированы следующие характеристики территорий.

Рисунок 2 – Векторы оценки социо-эколого-экономического состояния в городах Челябинской агломерации (2019 год)
Figure 2 – Vectors for assessing the socio-ecological-economic state in the cities of the Chelyabinsk agglomeration (2019)

Общий вектор критичности. В случае, когда контур территории на диаграмме вписывает в себя контур среднерегиональных значений, как это представлено на диаграмме для городов Челябинск и Копейск, социо-эколого-экономическое состояние территории можно считать неудовлетворительным. Контур Южноуральска полностью вписан в среднерегиональный контур, следовательно его состояние можно считать удовлетворительным. В Коркино контур частично вписан, для подобной ситуации требуется более детальное исследование, так как общий вектор критичности носит противоречивый характер.

Наиболее критичные отрасли хозяйствования. На лепестковых диаграммах отображены значения неудовлетворённости в процентах. «Всплески» неудовлетворённости хорошо видны при подобной форме отображения данных. Особенно хорошо это просматривается на примере Коркино: уровень неудовлетворённости благоустройством городской среды, жилищного и капитального строительства здесь достигает 92%. При последовательном расположении отраслей хозяйствования по более крупным группам могут проследиться группы отраслей неудовлетворённости, в рассматриваемом случае таковой является «строительство».

Соответствие общерегиональному тренду критичности. Визуальный анализ представленных диаграмм также позволяет сравнить форму конура различных территорий и таковую для всего региона. В представленном примере форма контуров городов Челябинск, Копейск и Южноуральск схожа с таковой для всего региона, что говорит о наличии системных многолетних общерегиональных проблем. В Коркино контур по своей форме значительно отличается, что говорит о крайней специфичности его ситуации, нетипичности внутренних проблем. Более углублённое исследование причин социо-эколого-экономического состояния Коркино позволяет говорить о действительно нетипичной ситуации, связанной с одним из крупнейших в мире «коркинским угольным разрезом» и возникающей в связи с ним, в том числе, неудовлетворённости в области строительства.

Представленные лепестковые диаграммы позволяют быстро и наглядно оценить социо-эколого-экономическое состояние территорий. Однако зачастую подобной степени детализации недостаточно для формирования оценки ситуации, например, как это происходит в случае с Коркино. Выше перечислен исчерпывающий перечень выводов, доступных при данной форме представления данных. Более детального рассмотрения заслуживают отношения территориальных значений к среднерегionalным. На рисунке 3 представлены

столбчатые диаграммы, на которых отображена разница в критичности восприятия населения каждой из территорий по сравнению с среднерегionalными значениями для исследуемых отраслей хозяйствования. Жирной линией показана медиана для каждой территории.

Среднерегionalные показатели неудовлетворенности являются ориентиром некоего «общего» качества жизни территории и системных проблем, которые, возможно, не могут быть разрешены на уровне муниципаль-

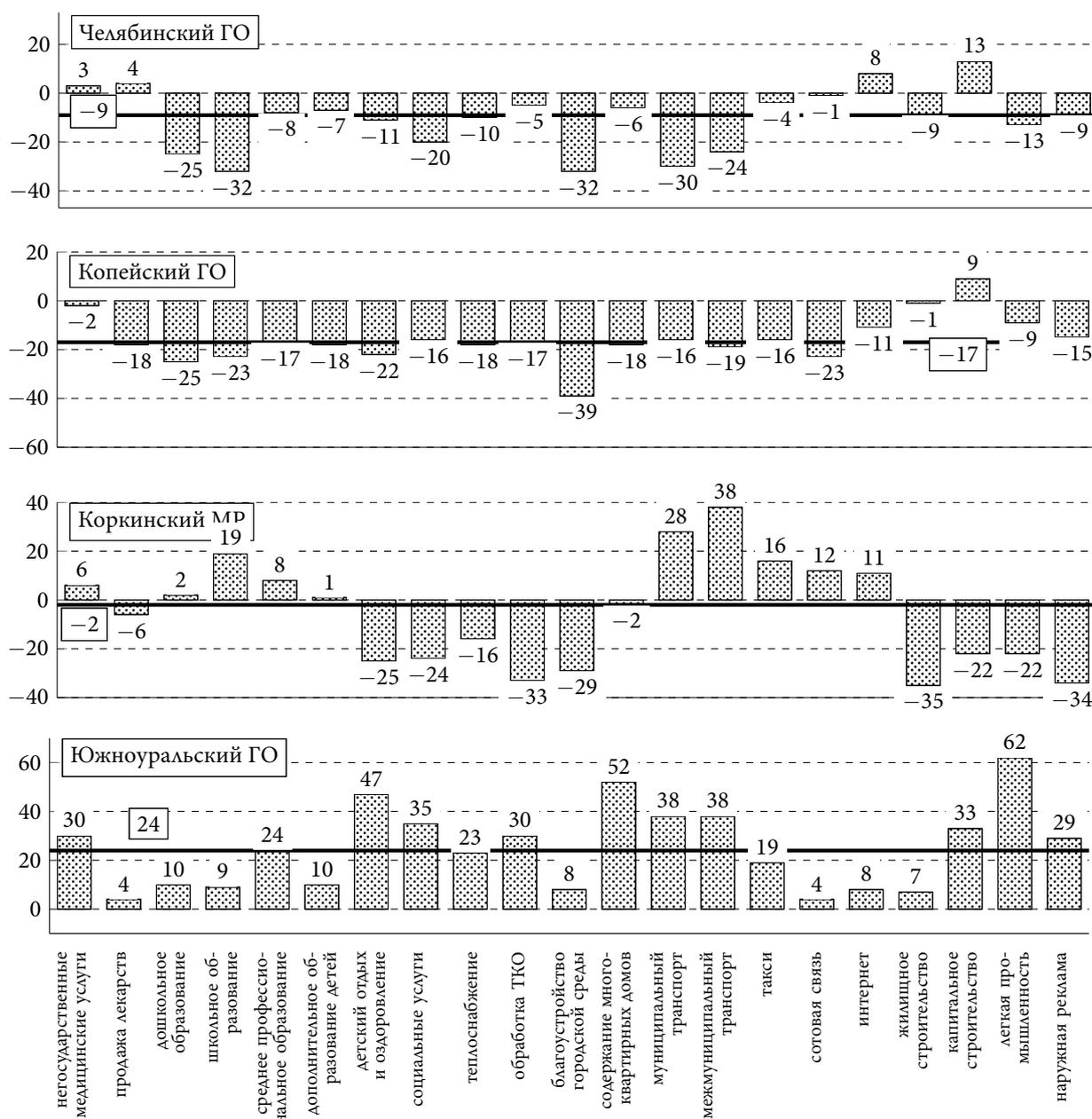

Рисунок 3 – Отклонения векторов оценки социо-эколого-экономического состояния городов Челябинской агломерации в 2019 году
 Figure 3 – Deviation of vectors for assessing the socio-ecological-economic state of the cities of the Chelyabinsk agglomeration in 2019

ного образования или региона. Они выступают ориентиром отклонений – специфических проблем территорий. Именно данные отклонения зачастую являются причиной последующих системных региональных проблем, таких как утрата потенциала саморазвития и миграционный отток населения.

Разница, между неудовлетворённостью населения территории и среднерегionalными значениями отражает следующие характеристики территорий.

Общая критичность оценок населения. Оценки населения, как уже отмечалось, несут весьма субъективный характер. Неудовлетворённость одной отраслью или группой, скорее всего говорит о существовании серьёзной проблемы, действительно влияющей на жизнедеятельность населения. В случае, когда население недоволено практически всеми отраслями хозяйствования больше, чем в среднем по региону, скорее всего это говорит о больших ожиданиях населения. Например, в Челябинске и Копейске по абсолютному числу отраслей хозяйствования население недоволено больше, чем в среднем по области. Данное объясняется тем, что это одни из крупнейших городов Челябинской области по численности населения, что обуславливает большие возможности и ожидания.

Местные проблемы и конкурентные преимущества. Данная форма представления данных позволяет исключить «общерегиональный тренд», как проблем, так и позитивных явлений. На диаграмме видно, какие отрасли хозяйствования в конкретных территориях нуждаются в первоочерёдном внимании со стороны муниципальных органов управления и какие конкурентные преимущества следует использовать. Например, в Челябинске население наиболее критично относится к сфере школьного образования и благоустройству городской среды, тогда как в Южноуральске выдающееся состояние лёгкой промышленности.

Интегральный показатель: общий вектор критичности населения. В целях менее детализированной оценки социо-эколого-экономического состояния территорий возможно использовать интегральный показатель – медиану значений относительной неудовлетворённости по всем отраслям для каждой терри-

тории. Из представленной диаграммы видно, что население Челябинска и Копейска недоволено практически всеми отраслями хозяйствования. Однако значения медианы для Челябинска –9 и Копейска –17 позволяют констатировать, что ситуация в Копейске значительно более неблагоприятная. Значение медианы для Коркино –2 говорит о том, что несмотря на нетипичную социо-эколого-экономическую ситуацию, вектор критичности практически не выходит за среднерегionalные значения.

1.2. Вектор социо-эколого-экономической динамики территории. Рассмотрим другой вариант многокритериальной оценки на примере социо-эколого-экономической динамики города Челябинска. В предшествующем примере были представлены данные за 2019 год. Для рассматриваемых территорий отражены наиболее позитивные и негативные отрасли хозяйствования по мнению населения (рис. 3). В целях углубления исследования территории, при наличии возможности, необходимо проанализировать вектор социо-эколого-экономической динамики территории. Среди исследованных территорий наибольшей численностью населения обладает город Челябинск, а также является ядром рассматриваемой агломерации, вследствие чего представляет наибольший интерес для исследования. Исходя из представленных данных, одной из наиболее критичных отраслей хозяйствования в данной территории является «межмуниципальный транспорт», одной из наиболее позитивных – «интернет».

В рассматриваемом случае, исходя из имеющихся сопоставимых данных за период 2016–2019 годы, составлена матрица оценки социо-эколого-экономического состояния и динамики Челябинска (7):

$$V_{\text{Челябинск}} = \begin{bmatrix} V_{\text{МТ}_{2016}} & V_{\text{МТ}_{2017}} & V_{\text{МТ}_{2018}} & V_{\text{МТ}_{2018}} \\ V_{\text{И}_{2016}} & V_{\text{И}_{2017}} & V_{\text{И}_{2018}} & V_{\text{И}_{2018}} \end{bmatrix} \quad (7)$$

где МТ – межмуниципальный транспорт, И – интернет.

Каждый элемент матрицы (7) представлен тремя показателями удовлетворённости качеством соответствующей отрасли хозяйствования: «плохо, очень плохо», «удовлетво-

нительно», «отлично, хорошо». Ввиду различий в методике проведения социологического исследования в данном временном интервале, в 2016–2017 годах данные варианты ответов использовались в опросных листах. В 2018–2019 годах использовались «удовлетворен», «скорее удовлетворен», «скорее не удовлетворен», «не удовлетворен». В целях сопоставления результатов ответы «скорее удовлетворен» и «скорее не удовлетворен» были приравнены к варианту «удовлетворительно». Результат представлен на рисунке 4.

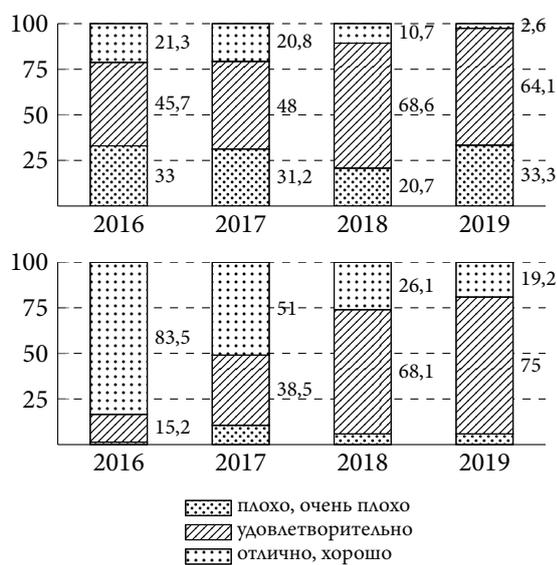
В целях визуализации представленной информации на рисунке 4 была выбрана диаграмма, которая наглядно демонстрирует изменения пропорций внутри сопоставимого ряда значений. Исследование векторов социо-эколого-экономической динамики позволяет сделать следующие выводы.

Устойчивость ситуации. Визуальный анализ представленных диаграмм позволяет сделать вывод о характерности восприятия населения отрасли хозяйствования или о не характерности. В том числе, позволяет выявить «временные всплески» восприятия населения. В представленном примере, критичность восприятия населением отрасли «межмуниципальный транспорт» практически не изменя-

ется во времени, что свидетельствует о системном, продолжительном характере выявленной проблемы. Исходя из данных, проблема развития межмуниципального транспорта Челябинска сдерживается, ресурсы используются на поддержание одинаково невысокого уровня качества предоставляемых услуг. Некритичность восприятия отрасли «интернет», наоборот, демонстрирует устойчивые тренды к изменению: доля полностью удовлетворённых граждан сокращается за счёт возрастания доли граждан, не определившихся в своём мнении. В данном случае речь идёт о достаточно высокой базе в области интернет-технологий, которая не получила своего последующего развития. Соответственно, состояние «интернета» не настолько плохое, чтобы вызывать неудовлетворённость, но со временем перестаёт вызывать ярко выраженное одобрение (перестаёт быть конкурентным преимуществом).

Тенденции критичности ситуации. Рассмотрение результатов предшествующих социологических исследований позволяет выявить глубину проблемы. Мнение населения, как уже отмечалось, является относительно устойчивой характеристикой. Многолетний тренд критичного восприятия той или иной отрасли хозяйствования значительно сложнее преодолеть с помощью реальных социально-экономических преобразований. Следовательно, благодаря подобному исследованию возможно определить относительную сложность исправления ситуации. В представленном примере, отношение жителей Челябинска к качеству межмуниципального транспорта достаточно сложно будет изменить, ввиду наличия устойчивого мнения и многолетнего характера проблем. Отношение населения к отрасли «интернет», напротив, относительно легко вернуть к состоянию конкурентного преимущества территории.

Волатильность отрасли хозяйствования. Общее изменение характера оценки той или иной отрасли, либо отсутствие изменений говорит об отношении динамики развития отрасли хозяйствования конкретной территории к таковой для всей отрасли в экономическом смысле. В рассматриваемом примере, мнение населения о межмуниципальном транспорте не изменяется не только пото-

Рисунок 4 – Оценка социо-эколого-экономической динамики по данным социологического исследования в Челябинске: межмуниципальный транспорт (наверху) и интернет (внизу) (2019 год), %
Figure 4 – Assessment of socio-ecological-economic dynamics according to sociological research in Chelyabinsk: inter-municipal transport (above) and Internet (below) (2019), %

му, что данная отрасль не развивается в территории, но и потому, что данная отрасль в целом является консервативной. Интернет-технологии, напротив, имеют большую динамику развития, вследствие чего, мнение населения изменяется быстрее.

В случае исследования социо-эколого-экономической динамики территории по большинству доступных отраслей хозяйствования, производится глубокая оценка состояния и динамики территории, позволяющая однозначно выработать рекомендации для принятия управленческих решений; выявить отрасли, нуждающиеся в дополнительном углублённом исследовании; произвести многокритериальную оценку состояния и динамики территории в исследовательских целях и др.

2. Интерпретация полученных результатов

Рассмотренные в статье примеры являются вырожденными случаями матричной многокритериальной оценки социо-эколого-экономического состояния территории и демонстрирует потенциал развития данного инструментария и продолжения исследований в данном направлении. Многокритериальные оценки позволяют осуществлять всестороннее изучение состояния территории с необходимой для задач исследования степенью детализации: от формирования интегральной оценки, до выявления степени критичности специфических проблем территорий. Полученные результаты оценки могут быть использованы в бизнесе, в государственном и муниципальном управлении, в общественной и политической деятельности, в исследовательских целях. Использование предложенной модели в практике управления позволит сформировать систему поддержки принятия управленческих решений и исследовать динамические ряды данных.

Относительно представленного в статье примера необходимо заключить следующее. Поскольку отношение населения к территории является относительно устойчивой категорией, в последующие годы, даже при значительном изменении реального состояния данных территорий в лучшую сторону, вектор критичности будет сохранять свой тренд по крайней мере ещё несколько лет. При усугублении накапливающихся проблем, вектор критичности будет становиться всё более отрица-

тельным. В таком случае, территорию впоследствии ожидает полная утрата потенциала саморазвития и невозможность преодоления социального антагонизма.

Исходя из произведённого анализа, необходимо отметить следующие рекомендации в отношении управления территорий на примере Челябинска, который является одним из крупнейших городов России и ядром Челябинской агломерации. Данные обстоятельства обуславливают объективные относительные конкурентные преимущества города в экономическом смысле. Несмотря на это, жители Челябинска критично воспринимают состояние различных отраслей хозяйствования.

Сложившаяся ситуация объясняется двумя обстоятельствами. Во-первых, эффектом «высокой базы», присущим множеству крупных российских городов, которые в период с 2014 г. начали активно терять свои экономические и человеческие ресурсы в пользу крупнейших российских агломерационных центров. Люди, привыкшие к большому количеству ресурсов, не могут позитивно оценивать сокращение их количества. Во-вторых, несоответствием темпов экономического роста (и, следовательно, социокультурного развития) ожиданиям населения. В случае с Челябинском, речь идёт именно не о деградации, а об увеличении «разрыва» в уровне развития в сопоставлении с крупнейшими российскими агломерационными центрами.

Исходя из изложенного, основными приоритетами в управлении развитием Челябинска целесообразно рассмотреть следующее. Целенаправленная работа местной администрации с крупнейшими представителями бизнеса, располагающимися на территории. С учётом административных возможностей, необходимо в индивидуальном порядке предложить предпринимателям проводить свои мероприятия на территории города, а также инвестиции в социальную инфраструктуру на взаимовыгодных условиях. В частности, действенными механизмами подобного сотрудничества является создание особых экономических зон, IT-кварталов и т.д., так как они выступают денежно-измеримыми предложениями взаимовыгодного сотрудничества (через получаемые льготы). Подобные меропр-

ятия позволят переориентировать часть исходящих денежных потоков обратно в город и ускорить темпы экономического роста.

Достаточно высокий уровень общей критичности населения административного центра и крупнейшего по численности населения города Челябинской области должен вызывать обеспокоенность не только городской администрации, но и субъектового аппарата управления. Эффективность проведения перечисленных мероприятий во многом обусловлена вовлеченностью областного Правительства и профильных министерств.

Общая критичность жителей Челябинска также говорит о недостаточно высоком имидже территории. В структуре Администрации Челябинска отсутствует подразделение, а также мероприятия, входящие в методологию «маркетинга территории» и направленные на повышение общего престижа проживания. Возможно рассмотреть ведение целенаправленной работы по улучшению имиджа данной территории, состоящей не из конкретных социально-экономических преобразований, а большего тиражирования имеющихся конкурентных преимуществ. Частью работы по формированию имиджа территории целесообразно обозначить снижение ожиданий населения от дальнейших социально-экономических преобразований и приведение их в соответствие с реальными экономическими возможностями территории.

В условиях сокращающихся ресурсов особое значение приобретает вопрос целеполагания и расстановки приоритетов. В рамках повышения привлекательности территории целесообразно публично обозначить в качестве приоритетов социально-экономического развития «благоустройство городской среды», «содержание многоквартирных домов» и «муниципальный транспорт», т. к. данные отрасли хозяйствования вызывают озабоченность у большего числа населения.

С целью формирования позитивного имиджа следует акцентировать внимание на наиболее позитивно оцениваемых отраслях хозяйствования: «негосударственные медицинские услуги», «продажа лекарств», «интернет» и «сотовая связь». Относительно небольшие инвестиции в наиболее конкурентоспособные

отрасли способны нивелировать общий вектор критичности населения за счёт общего более позитивного имиджа.

3. Верификация модели

Каждая математическая модель должна быть проверена на соответствие действительности результатов её работы на некотором множестве измерений. Верификация проходит в несколько этапов. На первом осуществляется проверка модельных связей на логическую последовательность. На втором этапе результаты работы модели оцениваются экспертным сообществом на адекватность. Объективная проверка модели на реальных статистических данных обеспечивает доверие к модели и является необходимым и непрерывным процессом в математическом моделировании [32, с. 11].

Предложенная в статье модель отвечает предъявленным требованиям верификации. Её адекватность во многом определяется качеством проведённого социологического исследования: если опросник и итоговый подсчёт результатов не вызывают сомнений, то данная модель является корректной и работоспособной. Дальнейшее использование модели в практике проведения исследований позволит выявить иные ограничения применения модели, не выявленные на этапе её моделирования и применения на представленном примере.

Заключение

В статье представлена модель многокритериальной оценки социо-эколого-экономического состояния и динамики территории. Модель демонстрирует свою работоспособность на четырёх примерах вырожденного случая многокритериальной оценки: построения вектора оценки социо-эколого-экономической ситуации, а также на примере матрицы оценки социо-эколого-экономического состояния и динамики Челябинска. Определены ограничения использования модели. Результаты моделирования представлены в виде диаграмм. Дана интерпретация результатам моделирования на описанных примерах.

Использование предложенной модели в исследовательской практике повысит качество исследований территориальных социо-эколого-экономических процессов. Её применение

возможно как в бизнес-структурах, так и в области управления территорией. Предложенная модель пригодна для изучения территорий различного административного порядка при исследовании одного уровня (субъект РФ с субъектом РФ, город с городом и т.д.).

Процесс использования модели может быть автоматизирован при помощи встроен-

ных инструментов программы *Microsoft Excel*. В случае подобной автоматизации нивелируется большинство барьеров внедрения инструмента в исследовательскую практику. Исследования в области применения многокритериальной оценки социо-эколого-экономической динамики и состояния территории в дальнейшем будут продолжены.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Пузанов А.С., Трутнев Э.К., Маркварт Э., Попов Р.А., Сафарова М.Д. (2017). Стратегическое планирование и градорегулирование на муниципальном уровне. М. : Издательский дом «Дело» РАНХиГС. 354 с.
2. Нисневич Ю.А. (2014). Индексы развития государств мира: справочник. М. : Издательский дом ВШЭ. 247 с.
3. Васильева Е.Е., Долгова Е.В. (2016). Моделирование многокритериальной оценки кредитного риска в регионах РФ // Российский экономический интернет-журнал. № 1. С. 1–16.
4. Гранберг А.Г. (2006). Основы региональной экономики. М. : ГУ ВШЭ. 492 с.
5. Кэне Ф., Тюрго А.Р.Ж., Дюпон де Немур П.С. (2008). Физиократы. Избранные экономические произведения. М. : Эксмо. 1198 с.
6. Смит А. (2016). Исследование о природе и причинах богатства народов. М. : Эксмо. 1056 с.
7. Рикардо Д. (2016). Начала политической экономии и налогового обложения. М. : Эксмо. 1040 с.
8. Макконнелл К., Брю С., Флинн Ш. (2019). Экономикс. Принципы, проблемы и политика. М. : Инфра-М. 1152 с.
9. Алаев Э.Б., Бриваловская Г.А., Иоффе Г.В., Агранат Г.А. (1989). Территориальная структура народного хозяйства СССР в период ИТР: сдвиги и тенденции. М. : Наука. 190 с.
10. Колесов В.П. (2008). Человеческое развитие: новое измерение социально-экономического прогресса. М. : Права человека. 636 с.
11. Григорьев Л.М. (2019). Особенности развития человеческого капитала в субъектах Российской Федерации // Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации. URL: <https://ac.gov.ru/files/content/22461/3-grigorev.pdf> (дата обращения: 03.11.2020).
12. Хабарова Д.С. (2013). Обзор программных комплексов многокритериальной оптимизации // Прикладная информатика, № 2 (44). С. 102–112.
13. Карпенко А.П. (2017). Современные алгоритмы поисковой оптимизации. Алгоритмы, вдохновленные природой. М. : МГГУ им. Н. Э. Баумана. 446 с.
14. Zitzler E., Laumanns M., Thiele L. (2002). SPEA2: Improving the strength pareto evolutionary algorithm for multiobjective optimization. *Evolutionary Methods for Design, Optimization, and Control*. Pp. 19–26.
15. Statnikova R.B., Bordetskya A., Statnikov A. (2005). Multicriteria analysis of real-life engineering optimization problems: statement and solution, *Nonlinear Analysis: Theory, Methods & Applications*, vol. 63, no. 5–7, pp. e685–e696.
16. Lotov A.V., Miettinen K. (2008). “Visualizing the Pareto Frontier” Multiobjective Optimization: Interactive and Evolutionary Approaches, *Lecture Notes in Computer Science*, no. 5252, pp. 213–243.
17. Кандырин Ю.В. (2013). Многокритериальный анализ, выбор и структурирование вариантов в САПР. М. : Издательство МЭИ. 318 с.
18. Черноруцкий И.Г. (2005). Методы принятия решений. СПб. : БХВ-Петербург. 399 с.
19. Yang F., Zeng G., Du Ch., Tang L., Zhou J., Li Zh. (2008). Spatial analyzing system for urban land-use management based on GIS and multicriteria assessment modeling, *Progress in Natural Science*, vol. 18, iss. 10, pp. 1279–1284.
20. Dragičević S., Dujmović J., Minardi R. (2018). Modeling Urban Land-Use Suitability with Soft Computing: The GIS-LSP Method. *GeoComputational Analysis and Modeling of Regional Systems*. Pp. 257–275.
21. Bitterman P., Bennett D.A. (2016). Constructing Stability Landscapes: Using a Coupled Agent-Based Model to Explore Alternative Stable States and Resilience, *Ecology & Society*, vol. 21, no. 3. URL: 10.5751/ES-08677-210321.
22. Sahin F., Kara M.K., Koc A., et al. (2020).

Multi-criteria decision-making using GIS-AHP for air pollution problem in Igdır Province/Turkey, *Environ Sci Pollut Res*, no. 27, pp. 36215–36230. DOI: 10.1007/s11356-020-09710-3.

23. Issa S.M., Al Shehhi B. (2012). A GIS-based multi-criteria evaluation system for selection of landfill sites: a case study from Abu Dhabi, United Arab Emirates. *Int. Arch. Photogramm. Remote Sens. Spatial Inf. Sci.* XXXIX-B2. Pp. 133–138. DOI: 10.5194/isprsarchives-XXXIX-B2-133-2012.

24. Трусов П.В. (2007). Введение в математическое моделирование. М. : Логос. 440 с.

25. Бородкин Ф.М., Айвазян С.А. (2006). Социальные индикаторы. М. : ЮНИТИ-ДАНА. 607 с.

26. Иванова З.И. (2016). Социологические методы для устойчивого развития города. М. : Московский государственный строительный университет. 202 с.

27. Бобылев С.Н., Зубаревич Н.В., Соловьева С.В., Власов Ю.С. (2011). Устойчивое развитие: методология и методики измерения. М. : Экономика. 358 с.

28. Грачева М.В., Туманова Е.А. (2018). Мате-

матические и инструментальные методы в современных экономических исследованиях : Монография. М. : Экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова. 232 с.

29. Гордеев С.С., Зырянов С.Г., Ситковский А.М. (2019). Оценки качества жизни и социальных приоритетов развития территорий // Вестник Челябинского государственного университета. № 11 (433). С. 38–47.

30. Гордеев С.С., Кочеров А.В. (2017). Основы анализа региональной экономической динамики: визуализация и оценка в среде MS Office. Челябинск : Изд-во ЧелГУ. 130 с.

31. Глазычев В.Л., Стародубровская И.В. (2008). Челябинская агломерация: потенциал развития. Челябинск : ИЭПП. 278 с.

32. Васильева Е.Е., Долгова Е.В. (2015). Некоторые методические аспекты интегральной оценки экономического объекта на примере рейтингов регионов РФ // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия «Экономика. Информатика». № 19 (216). С. 5–13.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Ситковский Арсений Михайлович – Челябинский филиал, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (454077, Россия, Челябинск, ул. Комарова, 26); omnistat@yandex.ru.

MODELING OF MULTI-CRITERIA EVALUATION OF SOCIAL, ECOLOGICAL AND ECONOMIC CONDITIONS AND DEVELOPMENT OF A TERRITORY

A.M. Sitkovskiy^{7a}

^aRussian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

ABSTRACT:

Problem statement. Evaluation of condition and development of a territory is an inseparable part of research in the field of economics and management. The existing methodology implies many different approaches, however most of them are based on processing and interpretation of open to public statistical data. Such source of information is not always reliable, which results in false evaluations and judgments. It is important to search for the suitable methods to assess a territory in case of lack of statistical data or doubt in its accuracy.

The research goal is to introduce a new, up-to-date methodology for a complex multi-criteria evaluation of social ecological and economic situation and development of a territory.

⁷RSCI AuthorID: 1012909, ORCID: 0000-0002-8725-6580

Methodological foundation. The conceptual basis for this research is the argument that it is possible to evaluate the conditions and development of a territory on the basis of sociological survey. People's opinion about the territory helps to reveal the prerequisites of their future economically relevant behavior, whether it is moving away to another place or investing in the territory. From the point of view of economic research, people's opinion might be more relevant than records. The trust in people's views as a source of information is higher than in open to public statistical data.

Methods of research. A computational model has been developed in order to update the methodology of evaluation. It is based on an algorithm of integral estimation of an economic entity worked out by P.V. Trusov. The results of the use of this model are visualized with the help of Microsoft Excel following the method proposed by S.S. Gordeev and A.V. Kocherov.

Research materials. Statistical basis for the model approbation is the results of sociological survey held in municipal units of the Chelyabinsk region in 2019, which are open to public.

The main results. The paper provides a mathematical model of a complex multi-criteria evaluation of social, ecological and economic conditions and development of a territory. It has been tested on the basis of both conditions and development of the towns of the Chelyabinsk region. The results are visualized and interpreted.

Conclusions. The paper proves reliability of the method. It can be used in various economic studies of territories of different administrative levels.

FUNDING: The reported study was funded by the Russian Foundation for Basic Research, project no. 19-010-00964 "Modeling and visualization of scenarios of spatial development of cross-boundary macro-region (the case of the Urals and Northern Kazakhstan)".

KEYWORDS: multi-criteria evaluation, evaluation matrix, vector analysis, territory analysis, tools for analysis, mathematical model, sociological survey.

FOR CITATION: Sitkovskiy A.M. (2021). Modeling of multi-criteria evaluation of social, ecological and economic conditions and development of a territory, *Management Issues*, no. 2, pp. 102–119.

REFERENCES

1. Puzanov A.S., Trutnev E.K., Marcvart E., Popov R.A., Safarova M.D. (2017). Strategic planning and city-regulation at the municipal level. Moscow: Publishing House "Delo" of RANEPa, 354 p.
2. Nisnevich Yu.A. (2014). World Development Indices: Reference Book. Moscow: Publishing House of HSE, 247 p.
3. Vasileva E.E., Dolgova E.V. (2016). Modeling a multi-criteria credit risk assessment in the regions of the Russian Federation, *Russian economic Internet Journal*, no. 1, pp. 1–16.
4. Granberg A.G. (2006). Basics of the regional economy. Moscow: GU of HSE, 492 p.
5. Kene F., Turgo A.R.Zh., Dupont de Nemur P.S. (2008). Physiocrats. Selected economic work. Moscow: Eksmo, 1198 p.
6. Smith A. (2016). Research on nature and causes of wealth of peoples. Moscow: Eksmo, 1056 p.
7. Ricardo D. (2016). The start of political economy and tax case. Moscow: Eksmo, 1040 p.
8. McConnell K., Bru S., Flynn Sh. (2019). Economics. Principles, problems and politics. Moscow: Infra-M, 1152 p.
9. Alaev E.B., Brivalovskaya G.A., Ioffe G.V., Agranat G.A. (1989). The territorial structure of the national economy of the USSR in the period of the ITR: shifts and trends. Moscow: Nauka, 190 p.
10. Kolesov V.P. (2008). Human development: a new dimension of socio-economic progress. Moscow: Prava cheloveka, 636 p.
11. Grigorev L.M. (2019). Features of human capital development in the constituent entities of the Russian Federation. Analytical Center under the Government of the Russian Federation. URL: <https://ac.gov.ru/files/content/22461/3-grigorev-pdf.pdf> (accessed 03.11.2020).
12. Khabarova D.S. (2013). Overview of software complexes of multi-criteria optimization, *Applied informatics*, no. 2 (44), pp. 102–112.
13. Karpenko A.P. (2017). Modern search engine optimization algorithms. Algorithms inspired by nature. Moscow: MGGU named after N. E. Bauman, 446 p.

14. Zitzler E., Laumanns M., Thiele L. (2002). SPEA2: Improving the strength pareto evolutionary algorithm for multiobjective optimization. *Evolutionary Methods for Design, Optimization, and Control*. Pp. 19–26.
15. Statnikova R.B., Bordetskya A., Statnikov A. (2005). Multicriteria analysis of real-life engineering optimization problems: statement and solution, *Nonlinear Analysis: Theory, Methods & Applications*, vol. 63, no. 5–7, pp. e685–e696.
16. Lotov A.V., Miettinen K. (2008). “Visualizing the Pareto Frontier” Multiobjective Optimization: Interactive and Evolutionary Approaches, *Lecture Notes in Computer Science*, no. 5252, pp. 213–243.
17. Kandyryn Yu.V. (2013). Multi-criteria analysis, selection and structuring of options in CAD. Moscow: MEI Publishing House, 318 p.
18. Chernorutsky I.G. (2005). Methods of decision-making. Saint Petersburg: BHV-Petersburg, 399 p.
19. Yang F., Zeng G., Du Ch., Tang L., Zhou J., Li Zh. (2008). Spatial analyzing system for urban land-use management based on GIS and multi-criteria assessment modeling, *Progress in Natural Science*, vol. 18, iss. 10, pp. 1279–1284.
20. Dragičević S., Dujmović J., Minardi R. (2018). Modeling Urban Land-Use Suitability with Soft Computing: The GIS-LSP Method. *GeoComputational Analysis and Modeling of Regional Systems*. Pp. 257–275.
21. Bitterman P., Bennett D.A. (2016). Constructing Stability Landscapes: Using a Coupled Agent-Based Model to Explore Alternative Stable States and Resilience, *Ecology & Society*, vol. 21, no. 3. URL: 10.5751/ES-08677-210321.
22. Sahin F., Kara M.K., Koc A., et al. (2020). Multi-criteria decision-making using GIS-AHP for air pollution problem in Iğdir Province/Turkey, *Environ Sci Pollut Res*, no. 27, pp. 36215–36230. DOI: 10.1007/s11356-020-09710-3.
23. Issa S.M., Al Shehhi B. (2012). A GIS-based multi-criteria evaluation system for selection of land-fill sites: a case study from Abu Dhabi, United Arab Emirates. *Int. Arch. Photogramm. Remote Sens. Spatial Inf. Sci.* XXXIX-B2. Pp. 133–138. DOI: 10.5194/isprsarchives-XXXIX-B2-133-2012.
24. Trusov P.V. (2007). Introduction to mathematical modeling. Moscow: Logos, 440 p.
25. Borodkin F.M., Ayvazyan S.A. (2006). Social indicators. Moscow: UNITI-DANA, 607 p.
26. Ivanova Z.I. (2016). Sociological methods for the sustainable development of the city. Moscow: Moscow State University of Construction, 202 p.
27. Bobylev S.N., Zubarevich N.V., Solovyova S.V., Vlasov Yu.S. (2011). Sustainable development: methodology and measurement methods. Moscow: Economics, 358 p.
28. Gracheva M.V., Tumanova E.A. (2018). Mathematical and instrumental methods in modern economic research. Moscow: Economic Faculty of the Lomonosov Moscow State University, 232 p.
29. Gordeev S.S., Zyryanov S.G., Sitkovsky A.M. (2019). Estimates of the quality of life and social priorities of the development of territories, *Bulletin of the Chelyabinsk State University*, no. 11 (433), pp. 38–47.
30. Gordeev S.S., Kocherov A.V. (2017). Basics for analyzing regional economic dynamics: visualization and assessment in the MS Office environment. Chelyabinsk: ChelSU Publishing house, 130 s.
31. Glazychev V.L., Starodubrovskaya I.V. (2008). Chelyabinsk agglomeration: developmental potential. Chelyabinsk: IEPP, 278 p.
32. Vasileva E.E., Dolgova E.V. (2015). Some methodological aspects of the integral assessment of the economic object on the example of the ratings of the regions of the Russian Federation, *Scientific Validity of the Belgorod State University. Series “Economics. Computer science”*, no. 19 (216), pp. 5–13.

AUTHORS' INFORMATION:

Arseniy M. Sitkovskiy – Chelyabinsk Branch, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (26, Komarov St., Chelyabinsk, 454077, Russia); omnistat@yandex.ru.

СОЦИАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

SOCIAL MANAGEMENT

ТРАНСФЕР ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА В ВУЗЕ КАК ПРОБЛЕМА УПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЕМ СТУДЕНЧЕСТВА

Г.Е. Зборовский^{1а}

^аУральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина

АННОТАЦИЯ:

В статье поставлена проблема управления развитием студентов в вузе в процессе трансфера их человеческого капитала. Ее актуальность определяется необходимостью тесного взаимодействия управленческого персонала с социальной общностью студентов для создания благоприятных условий развития их человеческого капитала.

Цель исследования – проанализировать роль вузовского управления в успешном трансфере человеческого капитала студентов. В статье характеризуется методология исследования, базирующаяся на трех основных подходах: общностном, управленческом, подходе с позиций теории человеческого капитала.

Результаты. Дается характеристика эмпирической базы и методов исследования. Рассматривается основное понятие – человеческий капитал студентов, раскрывается его структура, включающая три группы ресурсов: когнитивные, поведенческие, социальные. Показываются основные противоречия между этими элементами человеческого капитала студентов. Характеризуется понятие его трансфера в двух измерениях – вертикальном (от курса к курсу) и горизонтальном (от одного вида деятельности к другому). Показывается зависимость человеческого капитала студентов от накопленных ими его ресурсов в довузовский период жизни.

В статье представлены основные результаты исследования, обобщенные в трех разделах: 1) противоречия структуры человеческого капитала студентов и их влияние на его трансфер; 2) трудности трансфера человеческого капитала студентов в условиях пандемии коронавируса; 3) управление в вузе как фактор влияния на трансфер человеческого капитала студентов.

В статье доказывается необходимость включения проблемы трансфера человеческого капитала студентов в предметное поле деятельности административно-управленческого персонала. Показываются основные аспекты решения этой проблемы и возможные пути осуществления поддержки значительной части студенчества, нуждающейся в постоянном обогащении ее человеческого капитала. Трансфер человеческого капитала студентов в вузе рассматривается как путь их перехода от образовательной неуспешности к образовательной, профессиональной и социальной успешности.

БЛАГОДАРНОСТИ: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-29-07016 «Трансфер человеческого капитала образовательных общностей: от неуспешности к успешности».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: студенчество, человеческий капитал, структура человеческого капитала, трансфер человеческого капитала, управление развитием студенчества, образовательно (не)успешные студенты.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Зборовский Г.Е. (2021). Трансфер человеческого капитала в вузе как проблема управления развитием студенчества // Вопросы управления. № 2. С. 121–133.

Актуальность и постановка проблемы

Как известно, центральная проблема управления в вузе состоит в том, чтобы создавать благоприятные предпосылки для качественного образования студентов. Ее решение пред-

полагает формирование условий для обогащения их человеческого капитала, овладения необходимыми знаниями, умениями, навыками, интегрированными в значимые компетенции, постепенного прохождения пути к ус-

¹AuthorID РИНЦ: 137655, ORCID: 0000-0001-8153-0561

пешному овладению профессией и квалификацией, достижения высокого уровня образовательной мотивации, стремления к самореализации.

Другими словами, речь идет о процессе, который мы определяем как трансфер человеческого капитала студентов в вузе. Рассматривая проблему целостно и по существу, отметим, что этот трансфер представляет собой движение многих видов ресурсов, освоенных студентами на предыдущих ступенях обучения (включая полученное ими общее и профессиональное образование), встроенных в систему их сознания и поведения и продолжающих развиваться и обогащаться. В самом широком виде эти ресурсы и представляют собой базовый человеческий капитал студентов. Общее представление о нем позволяет рассматривать этот человеческий капитал как совокупность, точнее, взаимосвязь накопленных студентами (как в довузовский, так и вузовский период жизни) когнитивных, поведенческих (некогнитивных) и социальных ресурсов, которые дают возможность достигать им определенного уровня образовательной, профессиональной и общественной успешности.

Из сказанного следует, что длительные по времени треки трансфера человеческого капитала студентов могут быть представлены в виде трех траекторий: 1) предшествующего (довузовского) образования в школе и колледже и перехода в процессе этого образования с одного уровня на другой; 2) поступления выпускников школ в колледжи и вузы и далее их выхода на рынок труда; 3) выхода выпускников школ на рынок труда или поступления в вузы, а после их окончания – на рынок труда. Эти образовательные, а затем и профессиональные треки учащейся молодежи (вне связи с ее человеческим капиталом) получили отражение в ряде исследований [1–4]. Из всех трех треков наибольший интерес для нас представляет тот, который связан с вузом и студенчеством. Трансфер человеческого капитала студентов и управление этим процессом в вузе выступает предметом нашего исследования.

Актуальность проблемы вызвана значимостью фактора человеческого капитала в процессе развития студенчества как социальной и образовательной общности. От характера и

содержания процесса накопления и обогащения человеческого капитала студентов в университете, эффективности конвертации его в их реальные образовательные, научные, общественные практики и достижения во многом будет зависеть успешность трансфера этого капитала не только в учебном заведении, но и в последующей, послевузовской жизнедеятельности его выпускника.

Важность рассматриваемой проблемы и ее исследования определяется необходимостью интеграции трансфера человеческого капитала студентов в систему внутриобщностных и межобщностных отношений. Изучение этого феномена с точки зрения социологии студенчества не может касаться только отдельных представителей рассматриваемой общности. Субъектом этого трансфера является студенчество в целом как социальная и образовательная общность, в единстве составляющих ее слоев и групп.

Не менее значимо понимание того обстоятельства, что в процессе трансфера человеческого капитала студентов активное участие принимают научно-педагогическое сообщество и административно-управленческий персонал. От каждой из данных общностей во многом зависит успех этого трансфера. Педагоги и научные работники вносят (должны вносить) свой посильный вклад в решение его содержательных проблем, а менеджеры на разных уровнях управления призваны создавать необходимые условия для создания и реализации технологий трансфера человеческого капитала студентов и контролировать эффективность этого процесса в целом. Роль вузовского управления в успешном трансфере человеческого капитала студентов является особенно значимой. Именно поэтому она и выступает составной частью предмета исследования в данной статье.

Методология исследования

Методологию нашего исследования мы связываем с постановкой проблемы и обоснованием ее актуальности. Такая позиция предполагает рассмотрение трансфера человеческого капитала студенчества как в рамках самой данной общности, так и в ее взаимодействиях с научно-педагогическим сообществом и управленческим персоналом вуза. Следова-

тельно, важным методологическим основанием исследования для нас является общностный подход [5].

Его применение позволяет определить образовательную общность вузовских студентов как взаимосвязь (совокупность) учащихся, их групп и объединений, которые характеризуются доминантой образовательной деятельности в их образе жизни, обуславливающей сходство целей, задач, интересов, связанных с получением высшего образования, специальности и профессии, относительной однородностью состава, наличием внутренней структуры, схожих возрастных параметров, устойчивостью, стабильностью существования во времени и пространстве, способностью к взаимодействию с другими, в первую очередь образовательными, социальными общностями.

Количественные характеристики студенчества показывают, что оно остается массовой социальной общностью, несмотря на сокращение ее численности за период 2010-х гг. в 1,7 раза. Если в 2010–2011 учебном году по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры обучалось почти 7 050 000 студентов, то сейчас в вузах России учится 4 161 000 студентов, что составляет 2,9 % от общей численности населения страны [6, с. 181].

Общностный подход к исследованию студенчества в вузах ориентирует на выявление внутриобщностных и межобщностных отношений в них. Вследствие разнонаправленных интересов вузовских образовательных общностей неизбежно возникает вопрос о противоречиях между ними.

Поскольку речь идет о проблеме противоречий трансфера человеческого капитала в отношениях между вузовскими образовательными общностями и внутри них, постольку методологически оправданно делать это с учетом двух групп противоречий, каждая из которых требует внимания на разных уровнях управления. Исходя из сказанного, методологическое значение приобретает управленческий подход [7]. Его применение означает прежде всего включение проблемы трансфера человеческого капитала студентов в предметное поле управленческого внимания и конвертацию его в особое направление управленческой деятельности. Речь идет о конкретизации этой де-

ятельности и дифференцированном подходе административно-управленческого персонала к различным группам студенчества.

Методологической основой такого подхода является структурирование общности студентов по такому критерию, как образовательная (не)успешность. В этом плане важным представляется выделение в структуре общности студентов «ядра», «полупериферии» и «периферии». Дополнительным критерием структурирования здесь выступает место и роль ее отдельных групп в жизни студенчества и университета.

«Ядро» студенчества – это те его группы, которые демонстрируют наиболее заметные академические результаты, успехи в области научных исследований, открытий, изобретений, социальной активности, культуры, искусства, спорта. Это авангард всей общности, выступающий локомотивом ее развития. К «полупериферии» могут быть отнесены группы студентов, добивающихся хотя бы частично достижений в названных областях деятельности, в первую очередь, в образовательной. За счет этой наиболее массовой части российское студенчество воспроизводит себя как образовательная общность. «Периферия» студенчества включает в себя те его группы, которые не имеют и не стремятся к получению сколько-нибудь заметных результатов ни в одной из названных сфер, прежде всего в образовательной, по определению являющейся в вузе приоритетной. Такое структурирование студенчества является основанием для конкретизации управленческой деятельности и ее стратегий в отношении студенчества, усиления ресурсной основы для обогащения и трансфера его человеческого капитала.

Отсюда вытекает необходимость использования еще одного методологического подхода, в основе которого лежит теория человеческого капитала [8–12]. Этот подход позволяет сопрягать развитие и накопление человеческого капитала студентов, его различных ресурсов (когнитивных, некогнитивных, социальных) на пути преодоления образовательной неуспешности и достижения минимально необходимых, а затем и более высоких результатов в учебной, научно-исследовательской, общественной работе учащейся молодежи.

На этом пути и возникают, как минимум, две группы противоречий. Первая охватывает непосредственно структуру человеческого капитала студентов и касается отношений между ее элементами. Эти противоречия особым образом проявляются в его трансфере. Вторая группа включает в себя более широкий круг отношений – как внутриобщностных (среди студентов), так и межобщностных (между студенчеством, научно-педагогическими и управленческими работниками). Эти противоречия касаются самых разных проявлений университетской жизни, но мы будем учитывать только те их стороны, которые непосредственно связаны с трансфером человеческого капитала студентов [13–15].

При этом интерес будут представлять прежде всего те отношения (взаимодействия), в которые включены студенты. Если мы разделяем позицию, согласно которой основной социальной общностью вуза является студенчество, то именно обогащение и развитие его человеческого капитала должно быть одной из наиболее важных проблем университета, при всем понимании значения ведущейся в нем образовательной, научно-исследовательской, общественной (воспитательной) и управленческой работы. Более того, в рамках каждого из этих основных видов деятельности должно найтись место решению проблемы накопления человеческого капитала студентов.

С учетом этого обстоятельства понятие его трансфера должно приобрести новый аспект. Если в принятой и ставшей традиционной трактовке трансфера человеческого капитала центральной является идея его «вертикального» обогащения в процессе перехода студента от курса к курсу, то мы предлагаем в качестве нового подхода рассматривать этот трансфер в «горизонтальном» плане – от одного вида вузовской деятельности к другому в рамках и параллельного, и взаимно пересекающегося занятия каждым из них. Условие, которое при этом должно быть соблюдено на разных уровнях управления, заключается в четком видении того, что означает реально рост человеческого капитала студента в каждом из основных видов вузовской деятельности и как он может быть реализован.

Эмпирическая база и методы исследования

Статья основана на обобщении данных социологических исследований высшего образования в УрФО, реализованных под руководством и с участием автора в 2011–2020 гг. Среди них:

1. Полуформализованные интервью с руководителями и преподавателями университетов УрФО ($n = 80$ в 2016 г.; $n = 30$ в 2019–2020 гг.).

2. 6 фокус-групп со студентами университетов г. Екатеринбурга, в том числе 3 фокус-группы в «доковидный» период (ноябрь–декабрь 2019 г.), 3 фокус-группы – в «ковидный» период (июнь–октябрь 2020 г.).

3. Онлайн-опрос студентов университетов Свердловской области (лето 2020 г., $n = 410$), выборка квотная по возрасту. Ошибка выборки 3,5 %.

4. Опрос преподавателей, посвященный изучению мотивации студентов на образование и готовности их к обучению в вузе (2011–2017 гг.). Обобщены данные по 200 академическим группам.

Результат 1. Противоречия структуры человеческого капитала студентов и их влияние на его трансфер

Чтобы лучше понять особенности и противоречия трансфера человеческого капитала студентов, нужно выявить противоречия структуры этого капитала. Именно с такой целью рассмотрим ее подробнее. По нашему мнению, как уже отмечалось выше, имеет смысл говорить о трех основных элементах человеческого капитала студентов – когнитивных, поведенческих и социальных ресурсах.

Первый элемент (когнитивные ресурсы) включает в себя предметные знания, умения, навыки и метапредметные (интегративные) компетенции. Студенты овладевают этими ресурсами постоянно, в рамках аудиторных и внеаудиторных занятий и иных форм деятельности. Однако нельзя не учитывать в этом процессе того уровня когнитивных ресурсов, который закладывается в школе. Слабые школьные знания, умения и навыки многих будущих студентов и низкий уровень заложенной в ней образовательной мотивации (элемент некогнитивного ресурса) не могут не сказать-

ся на состоянии когнитивного элемента их человеческого капитала [16]. Его невысокий уровень, который вчера школьники приносят с собой в университет, не позволяет студентам добиваться успешных результатов в учебной и научной деятельности, необходимого качества высшего образования. Один из наших экспертов в интервью отмечал:

«Для студентов база – школьное образование. И говорить о том, что студент будет блестящим, если у него слабая школьная подготовка, нельзя. Образовательная неуспешность студентов, к сожалению, формируется часто из-за специальной подготовки только под единый государственный экзамен. Такой экзамен – это шаблон, и школа в выпускных классах формирует шаблонное мышление и фрагментарные знания. Школьники, а потом и студенты, не умеют размышлять, анализировать то, что получают в качестве знаний, не могут анализировать сами знания, не понимают, насколько они необходимы» (А.К., профессор, декан факультета).

Человеческий капитал студентов в рамках его когнитивных ресурсов определяется не только «знанием» и, более широко, компетентным содержанием в области конкретной образовательной программы. Расширяется сфера интеллектуального капитала студента в целом благодаря накоплению культурного капитала (мы его далее будем рассматривать как элемент социальных ресурсов). Не контролируя и не создавая в должной мере условий для накопления культурного капитала, управленческие структуры вуза теряют возможность отслеживать накопление когнитивных ресурсов через соответствие приобретаемых студентами компетенций требованиям образовательных программ и стандартов.

Второй элемент человеческого капитала студенчества (поведенческие, или некогнитивные ресурсы) включает в себя образовательную мотивацию, способность и готовность к профессиональному самоопределению, ценностное отношение к учебному труду, достигательную мотивацию. Также как ресурсы первого элемента человеческого капитала студентов (когнитивные), эти ресурсы – некогнитивные или поведенческие – тесно связаны между собой. Они так же, как и когнитив-

ные ресурсы, важны для достижения образовательной успешности в качестве характеристики человеческого капитала.

Связь между некогнитивными ресурсами у студентов определяется влиянием образовательной мотивации на ценностное отношение к учебному труду и профессиональное самоопределение. В свою очередь, последнее стимулирует развитие образовательной и достигательной мотивации. Что касается влияния ценностных ориентаций, то действие их регулятивных механизмов давно и хорошо изучено. Ценностные ориентации на труд, ценностное отношение к учебе как труду способствуют обогащению человеческого капитала студенчества.

Между когнитивными и некогнитивными ресурсами как сторонами человеческого капитала студенчества существуют противоречия, имеющие объективно-субъективный характер. Они охватывают отношения между знаниями, компетенциями, образовательной мотивацией, готовностью к получению образования, профессиональными ориентациями и профессиональным самоопределением. Помимо этого, нужно учитывать, что между предметными знаниями, умениями и навыками, особенно в рамках формирования интегративных компетенций, также существуют противоречия. Они проявляются прежде всего в недостатке умений связывать теоретические знания с практиками повседневной жизни и профессиональной деятельности.

С одной стороны, уровень развития человеческого капитала (в самом первом приближении его соответствия требованиям образовательного стандарта и образовательной программы), измеряемый различными инструментами оценивания учебных достижений, служит объективным показателем качества человеческого капитала студентов. С другой стороны, образовательные стандарты, и инструменты оценивания формируются определенными группами субъектов образования, а значит, имеют субъективный характер. При этом объективный аспект противоречий формируется в довузовский период обучения, именно отсюда проистекает слабая образовательная мотивация и неготовность к полноценному учебному труду. В вузе у студентов эти ха-

рактические образовательной неуспешности усиливаются у большей их части, особенно на младших курсах, и ослабевают у меньшей.

Реальное существование такой проблемы было выявлено в ряде исследований образовательной общности студентов, в том числе и наших. Обратимся к результатам одного из них, проведенного в 2011–2017 гг. в вузах УрФО. В его рамках был проведен опрос преподавателей, посвященный анализу мотивации студентов на образование и готовности их к обучению в вузе. Были обобщены данные по 200 академическим группам.

Согласно результатам опроса, 55 % студентов провинциальных вузов УрФО характеризовались позитивной образовательной мотивацией. При этом только 15 % из них реализовали это стремление. 40 % студентов данной группы хотели, но не могли успешно учиться. Им не хватало для этого знаний и умений из-за слабой школьной подготовки. 45 % не имели желания учиться. При этом 30 % из них были готовы к освоению образовательного стандарта, а 15 % отнесены к категории «необучаемых» студентов. Таким образом, приблизительно 85 % студентов провинциальных вузов в той или иной мере принадлежали к группе риска – либо не могли, либо не хотели учиться [17, с. 106].

Третий элемент человеческого капитала студентов формируется за счет капитала здоровья, культурного, нравственного, общественного капитала. Это сопряженные, но не тождественные друг другу виды капитала. Рассматриваемые ресурсы мы называем социальными (в наших работах используется также термин «предиктивные» [18]) как определенное обобщение нескольких названных «рядоположенных» ресурсов. В образовательной деятельности студенчества некоторые ресурсы капиталов здоровья, нравственности, культуры, социальных связей выступают важными предикторами образовательной успешности. Поэтому мы рассматриваем их как часть человеческого капитала студентов и его трансфера.

Физическое и психическое здоровье изначально определяет шансы студента достичь состояния образовательной успешности. Этот ресурс человеческого капитала влияет на результаты его образовательной деятельности

на протяжении всего образовательного цикла. Значение ресурсности социальных связей, включенности в социальные сети, уровня общей культуры и уникальных культурных навыков для достижения высокой эффективности в образовании нельзя недооценивать.

Это же касается и морально-нравственных качеств студента, его приверженности традиционным этическим нормам, которые определяют уровень культуры его учебного труда, взаимодействия с другими представителями образовательных общностей, умение противостоять соблазнам академического мошенничества.

Противоречия структуры человеческого капитала не могут не оказывать влияния на его трансфер. В качестве примера укажем на усиливающееся «противостояние» когнитивных ресурсов, прежде всего знаниевого (в том случае, если речь идет о научно-образовательном знании студентов), и некоторых социальных ресурсов (мы имеем в виду нарушения морально-нравственных норм и принципов студенческого поведения, связанных с академическим обманом, мошенничеством, плагиатом и др.). Обогащение когнитивного (знаниевого) ресурса человеческого капитала студентов в последнее время серьезно тормозится вследствие активного развития имитаций академического поведения студентов, распространения среди них симулякров образовательной деятельности [19]. Этому в немалой степени способствует переход на дистанционное и онлайн обучение в условиях пандемии коронавируса, создающей дополнительные трудности для трансфера человеческого капитала студентов.

Результат 2. Трудности трансфера человеческого капитала студентов в условиях пандемии коронавируса

Следует подчеркнуть, что содержание и формы академических занятий в последние год-два сильно меняются под влиянием пандемии коронавируса и резкой активизации в связи с ней онлайн и дистанционного образования. В целом происходящее в мире повышение его роли влияет на изменение значения и соотношения каждого элемента когнитивных ресурсов, но мы пока не в полной мере понимаем перспективы этого процесса [20].

Он носит весьма противоречивый характер и зависит не только (а временами и не столько) от специфики онлайн-образования, но и от подготовленности студентов к успешному обучению в его рамках. Восприятие этого вида образования студентами чрезвычайно дифференцировано, что показали наши исследования.

Онлайн-опрос студентов Свердловской области летом 2020 г. ($n = 410$ чел.) показал, что на фоне пандемии переход с традиционных форм обучения на онлайн и дистанционные формы резко ухудшил многие показатели образовательной деятельности (табл. 1).

Из таблицы видно, что самые низкие оценки студентов коснулись таких показателей образовательной деятельности, как качество образования и мотивация к обучению. И в том, и в другом случае количество отрицательных оценок в 4 раза превысило количество положительных. Участники студенческих фокус-групп отметили, что сдавать контрольные точки, экзамены и зачеты в условиях онлайн-образования стало намного легче, а вот получать качественные знания – труднее. У многих появились усталость и разочарование от образования в «тотальном онлайн».

Одна группа студентов, хорошо успевающих и мотивированных на обучение в университете, оказалась готова к большому объему самостоятельной работы, самообразованию, достаточно быстро адаптировалась к цифровому формату обучения и переходу на его дистанционную форму. В условиях карантина такие студенты сохранили уровень своей образовательной успешности, навыки учебной самоорганизации и активизировали практики дополнительного образования. Вот фрагмент из записи фокус-группы с такими студентами: «Онлайн обучение помогает нам раскрыть новые возможности, находить новые способы для коммуникации во время занятий. Это интересно, например, сейчас, когда мы можем через Google все вместе выполнять работу. Связаться с преподавателями стало намного легче, они стали активнее отвечать на сообщения».

Между тем, другая часть студентов, которых мы определяем как академически неуспешных, попала в критическую ситуацию. Среди них большинство – это не только те,

Таблица 1 – Как вы оцениваете переход образования с традиционных форм на дистанционные формы в условиях пандемии? (в % от числа опрошенных)

Table 1 – How do you assess the transition of education from traditional to online forms in the context of the pandemic? (% of the number of respondents)

Показатели образовательной деятельности	Улучшилось	Ухудшилось	Не изменилось	Затр. ответить
Качество информационных технологий	32,7	27,7	22,3	17,3
Качество образования	15,1	61,9	12,1	10,9
Учебная успеваемость	29,7	36,4	21,1	12,8
Мотивация к обучению	15,0	55,6	18,0	11,4
Умение самостоятельно учиться	28,5	36,4	23,3	11,8

кого мы отнесли к «периферии», но и многие студенты из зоны «полупериферии». Некоторые из них оказались «выброшены» из образовательного процесса, потеряли связь с университетом, кафедрой, группой, накопили большое количество академических долгов. Они оказались перед угрозой отчисления, активно стали пользоваться практиками академического мошенничества и имитационными стратегиями в условиях снижения контроля и организационного хаоса. Приведем фрагмент записи еще одной фокус-группы, на которой обсуждалась проблема неуспешных студентов во время эпидемии: «Мы вообще потеряли связь с некоторыми студентами: кто-то уехал домой, а дома плохой интернет, нет гарнитуры или возникли проблемы со здоровьем. Они не выходят на связь или делают это редко. Мы не знаем, что с ними и как они дальше будут учиться. Кто-то, конечно, возвращается в город, университет, но у них накопилось столько долгов и пропусков!».

В основе показанных противоречий лежит «разность потенциалов» человеческого капитала, которым обладают студенты. Именно она существенно сказывается на степени их образовательной (не)успешности. Нет сомнения в том, что пандемия коронавируса и изменения в связи с ней, происходящие в используемых образовательных технологиях, усиливает противоречия, связанные с трансфером человеческого капитала студентов.

Специфика и новизна нашего исследования заключается в том, что мы рассматриваем движение человеческого капитала в контексте проблемы образовательной (не)успешности. Это означает возможности выделения двух векторов трансфера – позитивного и негативного. В первом случае достигается запланированный результат – обогащение человеческого капитала, достижение такого его качества, которое удовлетворяет потребностям как его носителей (студентов), так и потребителей (работодателей, общество, государство). Во втором случае результатом становится стагнация и истощение человеческого капитала, в конечном счете – его обесценивание. Наше исследовательское внимание направлено на поиск возможностей преодоления действия этого негативного вектора.

Такое видение сущности и структуры человеческого капитала образовательных общностей обеспечивает понимание целостности рассматриваемого феномена и взаимосвязанность его ресурсов. Без хорошо сформированных предметных компетенций невозможно построить эффективную образовательную коммуникацию со сверстниками и педагогами, и наоборот, эффективная коммуникация способствует формированию необходимых компетенций. Высокий уровень культуры, соблюдение норм публичного поведения, приобретенные внеобразовательные социальные связи и отношения формируют ценностные и мотивационные механизмы накопления когнитивных ресурсов у учащейся молодежи. Кроме того, такое понимание может обеспечить изучение трансформации человеческого капитала образовательных общностей в процессе его трансфера в системе образования.

Результат 3. Управление в вузе как фактор влияния на трансфер человеческого капитала студентов

Важная задача вузовского управления, как уже отмечалось выше, состоит в создании условий для накопления и обогащения человеческого капитала студентов. Одни из них могут быть предложены им непосредственно (первая группа условий), другие – опосредованно, через научно-педагогическое сообщество вуза (вторая группа условий).

Говоря о первой группе условий, следует отметить необходимость хорошего знания реальной ситуации в вузе и его структурных подразделениях (институтах, факультетах, департаментах, кафедрах) и целенаправленного использования этого знания в интересах обогащения человеческого капитала всех студентов [21]. Чаще всего таких знаний явно недостает. Обычно ограничиваются перечнем отличников и постоянных неудачников. Со вторыми никто, как правило, целенаправленно не работает. За неуспеваемость их лишают стипендий и предупреждают о «несоответствии». Впрочем, ни тем, ни другим никого уже давно удивить нельзя. Стипендия маленькая, на нее не проживешь, поэтому плохо успевающие студенты либо работают сами, либо рассчитывают на помощь родителей. Точно также никто не боится угроз об отчислении, поскольку студенты прекрасно знают особенности финансирования вузов: отчисление студентов влечет за собой увольнение преподавателей в определенных пропорциях. Все это означает, что система наказаний, построенная таким образом, давно уже не работает в отношении неуспешных студентов.

Зато она может косвенно влиять на преподавателей, отказывающихся положительно аттестовывать плохо работающих студентов. Но и здесь в последнее время наблюдаются заметные изменения: преподаватели часто вынуждены идти на компромиссы с собственной совестью и, закрыв глаза, подписывают соответствующие ведомости и экзаменационные листы. Иногда это делается не сразу, а после нескольких заходов неуспешных студентов. Таким образом, создается лишь видимость, имитация дополнительных усилий. Один из наших экспертов в своем интервью отмечал:

«Двоечники и отъявленные лентяи приходят за зачетом или экзаменом по 3-4, а то и по 5-6 раз. Конечно, когда руководству института на стол ложится двадцать заявлений студентов, у которых по десять и более долгов, оно начинает задумываться над проблемой сохранения студентов. Решение принимается простое: принимайте долги, иначе ставки „срежут“ и вы останетесь без работы. Но ведь от количества переданного качество зна-

ний у большинства таких студентов не растет» (Е.З., проф.).

В соответствии с данными вышеприведенного исследования мы можем предположить, что примерное соотношение «ядра», «полупериферии» и «периферии» студенчества может выглядеть так: 15, 55 и 30 %. Образовательно неуспешные студенты в этой структуре занимают, по данным нашего исследования, всю «периферию» и примерно половину зоны «полупериферии». Заметим, что речь идет, прежде всего, о студентах обычных, неэлитных вузов, находящихся в российских регионах и относящихся, в свою очередь, к зоне «полупериферии» и «периферии» отечественного высшего образования. В этих вузах на протяжении нескольких лет остается стабильно невысоким качество приема, в отличие от столичных университетов и университетов российских мегаполисов, в которых концентрируются абитуриенты – «высокобалльники» и «олимпиадники»².

В чем смысл управленческой деятельности в вузах, направленной на трансфер человеческого капитала студентов, среди которых имеет место невысокий удельный вес образовательно успешных и высокий удельный вес образовательно неуспешных молодых людей? По нашему мнению, он состоит в том, чтобы обращать внимание не только (и не столько) на первых, но и на вторых [22]. Для этого необходимо создавать в вузах особую систему стимулирования как образовательно неуспешных студентов, так и преподавателей, эффективно (реально, а не имитационно) с ними работающих. Речь идет о тех людях, которые успешно помогают студентам обогащать и развивать их человеческий капитал [23].

Свою роль в этом процессе могут сыграть и сильные студенты. Следует иметь в виду, что многие умения и навыки основных форм и видов деятельности студенты приобретают во взаимодействии как с научно-педагогическим сообществом, так и между собой, в общении друг с другом. Организация этого взаимодействия и создание благоприятных условий

для него – важная задача администрации и управленческого персонала вузов в целом и их конкретных структурных подразделений. Вполне может пригодиться и опыт ведущих зарубежных, особенно американских, университетов, в которых создаются специальные пространства для такого взаимодействия, насыщенные комфортной средой (соответствующая мебель, ковры, зоны свободного общения для дискуссий, интернет, компьютеры и т. д.).

Взаимодействие между тремя основными вузовскими общностями (студенчеством, научно-педагогическими и управленческими работниками) есть реальный процесс трансфера человеческого капитала: 1) от одних студентов (успешных) к другим – менее успешным и неуспешным; 2) от научно-педагогического сообщества к студентам; 3) от менеджеров к педагогам и студентам [24].

В этом процессе не может не возникать противоречий между всеми участниками взаимодействия. Особое внимание мы обращаем на противоречие между управленческим персоналом как социальной общностью и двумя другими общностями – студентов и научно-педагогическими работниками. Оно вызвано необходимостью вовлечения управленцев в новую для них сферу деятельности – создание условий для поддержки образовательно неуспешных студентов и обогащение их человеческого капитала. Преодоление этого противоречия, как нам представляется, может осуществляться за счет создания специальных условий, использования для работы с неуспешными студентами социальных и психолого-педагогических технологий, проявления особого внимания к таким студентам.

Выше уже отмечалась необходимость видения и учета на разных уровнях управления реального роста человеческого капитала студентов в каждом из основных видов вузовской деятельности и того, как может быть осуществлен его трансфер. По нашему мнению, главными показателями этого роста и успешного продвижения являются: в учебном процессе – переход студентов, характеризующихся обра-

²В 2020 г. в топ-25 вузов по качеству бюджетного приема (средний балл ЕГЭ – 80 и более) вошли 17 московских вузов, 5 петербургских вузов и по одному из Нижегородской области и Пермского края (филиалы НИУ «Высшая школа экономики»). 85 % «олимпиадников» в 2020 г. поступили в вузы Москвы и Санкт-Петербурга. URL: https://ege.hse.ru/stata_2020.

звательной неуспешностью, к образовательной успешности, в сфере научной и проектной деятельности – включенность в ее различные формы и виды большинства студентов, в общественной работе и в управлении – участие в тех или иных проявлениях социальной активности значительной части учащейся молодежи.

Работа вузовских управленцев по поддержке образовательно неуспешных студентов и формирования особого направления работы с ними требует внимания со стороны Министерства высшего образования и науки РФ. Его участие в этом процессе было бы крайне целесообразным. Речь может идти о введении новых показателей оценки деятельности провинциальных вузов, находящихся на периферии отечественной высшей школы. Традиционный показатель – рост удельного веса студентов, добывающих высоких результатов (и относящихся по нашей классификации к «ядру» студенчества) – должен быть дополнен показателем увеличения численности студентов, прошедших путь от неуспешности к успешности и в образовательном, и в профессиональном, и в социальном плане.

Заключение

Трансфер человеческого капитала студентов в вузе зависит от целого ряда факторов объективного и субъективного характера. Среди них важное место принадлежит деятельности управленческого персонала, направленной на создание необходимых условий накопления и развития этого капитала и его основных элементов. К числу этих элементов

в статье отнесены когнитивные, поведенческие и социальные ресурсы, которыми должны владеть студенты для успешного осуществления основных видов деятельности – образовательной, научно-исследовательской, общественной. В связи с глубокими трансформационными процессами, которые происходят в системе высшего образования, в том числе под влиянием экономического кризиса и пандемии коронавируса, меняются стратегии поведения студентов, которые требуют своего учета. Особенно это касается значительной части неуспешных студентов, развитие человеческого капитала которых требует особого внимания управленцев в связи с необходимостью поддерживать на необходимом уровне качество образования учащейся молодежи.

С учетом этого обстоятельства в статье подчеркивается роль вузовского менеджериализма в реализации двух направлений обогащения человеческого капитала студентов, требующих поддержки руководства. Первое – создание условий для усиления академического, научного и общественного взаимодействия между «ядром», «полупериферией» и «периферией» студенчества, которое способствовало бы обогащению и трансферу его человеческого капитала, особенно последних двух групп вузовской молодежи. Второе – специальное стимулирование той части научно-педагогического сообщества, которое готово дополнительно и эффективно работать с неуспешными студентами в направлении развития их человеческого капитала, способствуя обогащению его когнитивных и поведенческих ресурсов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Константиновский Д.А., Попова Е.С. (2020). Среднее vs высшее // Мир России. Т. 29. № 2. С. 6–26. DOI: 10.17323/1811-038X-2020-29-2-6-26.
2. Чередниченко Г.А. (2014). Образовательные и профессиональные траектории российской молодежи (на материалах социологических исследований). М. : ЦСПиМ. 560 с.
3. Клячко Т.А., Семионова Е.А., Токарева Г.С. (2019). Успешность и неуспешность школьников: ожидания родителей, оценка учителей // Вопросы образования. № 4. С. 71–92. DOI: 10.17323/1814-9545-2019-4-71-92.

4. Иванюшина В.А., Уильямс Е.П. (2019). Трекинг, школьная мобильность и образовательное неравенство // Вопросы образования. № 4. С. 47–70. DOI: 10.17323/1814-9545-2019-4-47-70.
5. Зборовский Г.Е. (2009). Теория социальной общности. Екатеринбург : Гуманитарный университет. 304 с.
6. Индикаторы образования: статистический сборник. М. : НИУ ВШЭ, 2020. 496 с.
7. Управление стратегиями поведения городских общностей: проблемы и возможности. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2014. 200 с.

8. Аникин В.А. (2017). Человеческий капитал: становление концепции и основные трактовки // *Экономическая социология*. Т. 18. № 4. С. 120–156.

9. Бурдые П. (2002). Формы капитала // *Экономическая социология*. Т. 3. № 5. С. 60–65.

10. Heckman J. (2000). Policies to foster human capital, *Research in Economics*, vol. 54, pp. 3–56.

11. Хекман Д. (2011). Политика стимулирования человеческого капитала // *Вопросы образования*. № 3. С. 73–137. DOI: 10.17323/1814-9545-2011-3-73-137.

12. Cremer H., Pestieau P. (2006). Intergenerational Transfer of Human Capital and Optimal Education Policy, *Journal of Public Economic Theory*, vol. 8, no. 4, pp. 529–545.

13. Abbott B., Gallipoli G., Meghir C., Violante G. (2016). Education policy and intergenerational transfers in equilibrium, *IFS Working Papers*, no. W16/04. URL: <http://hdl.handle.net/10419/173937>.

14. French E., Hood A., O’Dea C. Transfers, Bequests, and Human Capital Investment in Children over the Lifecycle. In: *Proceedings of the 19th Annual Joint Meeting of the Retirement Research Consortium (August 3-4, 2017)*. Washington, DC. URL: https://crr.bc.edu/wp-content/uploads/2017/08/4c.-Full-paper_French.pdf.

15. Bernasconi M., Profeta P. (2012). Public education and redistribution when talents are mismatched, *European Economic Review*, vol. 56, no. 1, pp. 84–96.

16. Петрова Р.Г., Рябова Т.В. (2019). Низкая успеваемость студентов младших курсов: мера социальной ответственности университе-

та // *Управление устойчивым развитием*. № 1. С. 62–67.

17. Зборовский Г.Е., Амбарова П.А. (2019). Мечта о хорошем образовании: противоречия развития образовательных общностей в российских университетах // *Мир России*. Т. 28. № 2. С. 98–124. DOI: 10.17323/1811-038X-2019-28-2-98-124.

18. Зборовский Г.Е., Амбарова П.А. (2021). Переход образовательных общностей от неуспешности к успешности в процессе трансфера их человеческого капитала // *Мир России*. № 1.

19. Селиверстова Н.А. (2020). Имитация образовательных практик в сфере высшего образования // *Социологические исследования*. Т. 46. № 3. С. 71–77. DOI: 10.31857/S013216250008802-5.

20. Донских О.А. (2020). Новая реальность? // *Высшее образование в России*. № 10. С. 56–64. DOI: 10.31992/0869-3617-2020-29-10-56-64.

21. Университеты на перепутье: Высшее образование в России. М. : НИУ ВШЭ, 2019. 318 с.

22. Де Вит Х. (2019). Эволюция мировых концепций, тенденций и вызовов в интернационализации высшего образования // *Вопросы образования*. № 2. С. 8–34. DOI: 10.17323/1814-9545-2019-2-8-34.

23. Lane M., Moore A., Hooper L. (2019). Dimensions of student success: a framework for defining and evaluating support for learning in higher education, *Higher Education Research & Development*, vol. 38, no. 5, pp. 954–968. DOI: 10.1080/07294360.2019.1615418.

24. Зборовский Г.Е., Амбарова П.А. (2019). Социология высшего образования. Екатеринбург : Гуманитарный университет. 539 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Зборовский Гарольд Ефимович – доктор философских наук, профессор; Институт экономики и управления, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19); garoldzborovsky@gmail.com.

TRANSFER OF HUMAN CAPITAL AT UNIVERSITY AS A PROBLEM OF STUDENT COMMUNITY DEVELOPMENT

G.E. Zborovsky^{3a}

^aUral Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin

ABSTRACT:

The paper discusses the problem of management of students' development at university during their human capital transfer. The urgency of this problem is determined by the need for close cooperation between the university administration and students to create favorable conditions of their human capital development.

The goal of this research is to analyze the role of university management in successful transfer of human capital of students. The research methodology is based on three main approaches, including community, managerial and human capital theory approaches.

Results. The paper provides a description of empirical basis and research methods. The main notion in this study is human capital of students. Its structure is described, including three groups of resources within it: cognitive, behavioral and social. Some contradictions between these resources of students' human capital are revealed and discussed. The concept of human capital transfer is analyzed from two perspectives: vertical (from course to course) and horizontal (from one activity to the other). There is a dependence of students' human capital on the accumulated resources in the previous years, before the university studies.

The paper discusses the main results of research in three parts: 1) contradictions between the structure of students' human capital and their influence on its transfer; 2) the challenges of students' capital transfer during COVID-19 pandemic; 3) university management as a factor affecting students' human capital transfer.

The paper argues that university administration should be involved in the solution of the problem of students' human capital transfer. Special attention is paid to the ways to solve the abovementioned problem to support students in their human capital enrichment. Students' human capital transfer at university is viewed as a way to move away from educational failures to professional and social success.

FUNDING: The reported study was funded by the Russian Foundation for Basic Research, project no. 19-29-07016 "Transfer of human capital in educational communities: from failures to success".

KEYWORDS: student community, human capital, human capital structure, human capital transfer, management of student community development, educationally (un)successful students.

FOR CITATION: Zborovsky G.E. (2021). Transfer of human capital at university as a problem of student community development, *Management Issues*, no. 2, pp. 121–133.

REFERENCES

1. Konstantinovsky D.L., Popova E.S. (2020). Average vs. higher, *World of Russia*, vol. 29, no. 2, pp. 6–26. DOI: 10.17323/1811-038x-2020-29-2-6-26.
2. Cherednichenko G.A. (2014). Educational and professional trajectories of Russian youth (based on materials of sociological research). Moscow: CSPiM, 560 p.
3. Klyachko T.L., Semionova E.A., Tokareva G.S. (2019). Success and failure of schoolchildren: the expectations of parents, the assessment of teachers, *Education issues*, no. 4, pp. 71–92. DOI: 10.17323/1814-9545-2019-4-71-92.
4. Ivanyushina V.A., Williams E.P. (2019). Tracking, school mobility and educational inequality, *Education issues*, no. 4, pp. 47–70. DOI: 10.17323/1814-9545-2019-4-47-70.
5. Zborovsky G.E. (2009). Theory of social community. Ekaterinburg: Humanitarian University, 304 p.
6. Education Indicators: Statistical Review. Moscow: HSE, 2020, 496 p.

³RSCI AuthorID: 137655, ORCID: 0000-0001-8153-0561

7. Management of urban community behaviour strategies: problems and opportunities. Ekaterinburg: Publishing House of Ural University, 2014, 200 p.

8. Anikin V.A. (2017). Human capital: the formation of the concept and basic interpretations, *Economic sociology*, vol. 18, no. 4, pp. 120–156.

9. Bourdier P. (2002). Capital forms, *Economic Sociology*, vol. 3, no. 5, pp. 60–65.

10. Heckman J. (2000). Policies to foster human capital, *Research in Economics*, vol. 54, pp. 3–56.

11. Heckman D. (2011). Policy of stimulating human capital, *Education issues*, no. 3, pp. 73–137. DOI: 10.17323/1814-9545-2011-3-73-137.

12. Cremer H., Pestieau P. (2006). Intergenerational Transfer of Human Capital and Optimal Education Policy, *Journal of Public Economic Theory*, vol. 8, no. 4, pp. 529–545.

13. Abbott B., Gallipoli G., Meghir C., Violante G. (2016). Education policy and intergenerational transfers in equilibrium, *IFS Working Papers*, no. W16/04. URL: <http://hdl.handle.net/10419/173937>.

14. French E., Hood A., O’Dea C. Transfers, Bequests, and Human Capital Investment in Children over the Lifecycle. In: Proceedings of the 19th Annual Joint Meeting of the Retirement Research Consortium (August 3-4, 2017). Washington, DC. URL: https://crr.bc.edu/wp-content/uploads/2017/08/4c.-Full-paper_French.pdf.

15. Bernasconi M., Profeta P. (2012). Public education and redistribution when talents are mismatched, *European Economic Review*, vol. 56, no. 1, pp. 84–96.

16. Petrova R.G., Ryabova T.V. (2019). Low per-

formance of undergraduates: A measure of university social responsibility, *Sustainable development management*, no. 1, pp. 62–67.

17. Zborovsky G.E., Ambarova P.A. (2019). Dream of good education: contradictions for the development of educational communities in Russian universities, *World of Russia*, vol. 28, no. 2, pp. 98–124. DOI: 10.17323/1811-038x-2019-28-2-98-124.

18. Zborovsky G.E., Ambarova P.A. (2021). The transition of educational communities from failure to success in the process of transferring their human capital, *World of Russia*, no. 1.

19. Seliverstova N.A. (2020). Imitation of educational practices in the field of higher education, *Sociological research*, vol. 46, no. 3, pp. 71–77. DOI: 10.31857/S013216250008802-5.

20. Donskikh O.A. (2020). New reality? *Higher education in Russia*, no. 10, pp. 56–64. DOI: 10.31992/0869-3617-2020-29-10-56-64.

21. Universities on crossroads: Higher education in Russia. Moscow: HSE, 2019, 318 p.

22. De Vit H. (2019). The evolution of world concepts, trends and challenges in the internationalization of higher education, *Education issues*, no. 2, pp. 8–34. DOI: 10.17323/1814-9545-2019-2-8-34.

23. Lane M., Moore A., Hooper L. (2019). Dimensions of student success: a framework for defining and evaluating support for learning in higher education, *Higher Education Research & Development*, vol. 38, no. 5, pp. 954–968. DOI: 10.1080/07294360.2019.1615418.

24. Zborovsky G.E., Ambarova P.A. (2019). Sociology of higher education. Ekaterinburg: Humanitarian University, 539 p.

AUTHORS’ INFORMATION:

Garold E. Zborovsky – Advanced Doctor in Philosophical Sciences, Full Professor; Graduate School of Economics and Management, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (19, Mira St., Ekaterinburg, 620002, Russia); garoldzborovsky@gmail.com.

КУЛЬТУРА СОВРЕМЕННОСТИ, СОВРЕМЕННОСТЬ В КУЛЬТУРЕ: КАК РЕАЛИЗОВАТЬ НАЦИОНАЛЬНУЮ СТРАТЕГИЮ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ

Л.Е. Петрова^а, И.А. Ахьямова^а, Е.Е. Трофимова^б, А.А. Егорова^а

^аЕкатеринбургская академия современного искусства

^бАдминистрация города Екатеринбурга

АННОТАЦИЯ:

В Российской Федерации сфера культуры определяется как важнейший элемент в сохранении и развитии человеческого капитала, особое внимание обращается на необходимость укрепления российской гражданской идентичности, продвижения талантливой молодежи в сфере искусства, подготовки кадров для организаций культуры, поддержки добровольческих движений. Управление сферой культуры должно учитывать как реализацию национальной стратегии РФ, так и отвечать на глобальные вызовы, стоящие перед обществом (высокий уровень социальной неопределенности, несправедливость в распределении выгод, цифровая трансформация). Современная культура отличается обыденностью, привычностью, демократичностью, синхронным доступом к культурным благам, отражает социальные различия между людьми. Важное значение для развития отрасли имеет экономический аспект – развитие креативных индустрий, конкуренция между частными и государственными культурными институциями, формирование механизмов оценки эффективности работы сферы.

В статье подробно анализируется влияние цифровизации на формирование стратегии и тактики управления сферой культуры мегаполиса: необходимо сочетание офлайн и онлайн в продвижении культурных продуктов; учет влияния альтернативного института арт-критики – блоггинг, влоггинг; включение цифровых откликов пользователей в систему оценивания работы учреждений культуры; работа с ведомственной статистикой в режиме *big data*, активизация потенциала онлайн-образования для детей и взрослых, сетевые партисипаторные механизмы создания и оценивания произведений искусства.

Современное управление сферой культуры означает учет не только установок государственной политики, но и акцент на развитие современной культуры как отрасли экономики, на изучение лучших практик, на знание и учет изменений в обществе, поведении людей, технологических трендов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: управление сферой культуры, цифровизация, национальный проект, глобализация, музей, библиотека, креативные индустрии.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Петрова Л.Е., Ахьямова И.А., Трофимова Е.Е., Егорова А.А. (2021). Культура современности, современность в культуре: как реализовать национальную стратегию в условиях глобальных вызовов // Вопросы управления. № 2. С. 134–145.

Современный мир таков, что любая отрасль экономики, любое учреждение, предприятие не могут не учитывать изменений в поведении людей, в их ценностях, происходящих благодаря новым технологиям. Для бизнеса такая чувствительность к современному миру – часть маркетинговой стратегии. Для частной культурной институции учет современных трендов – условие выхода на рынок соответствующих услуг и закрепления на нем. Но и тем учре-

ждениям культуры, что принадлежат к бюджетной сфере, необходимо не только руководствоваться установками государственной политики, но также учитывать развитие современной культуры как отрасли экономики, изучать лучшие практики, знать и учитывать изменения в обществе, поведении людей, технологические тренды.

Планирование работы учреждений культуры производится с прицелом на реализацию

национальной стратегии и должно осуществляться с учетом глобальных изменений, происходящих в обществе, с целевыми группами культуры [1; 14; 21; 23].

Принятые Указом Президента РФ «Национальные цели до 2030 года призваны обеспечить прорывное развитие страны, увеличить численность российского населения, повысить уровень жизни граждан, создать комфортные условия для проживания россиян, раскрыть таланты каждого человека. В рамках национальной цели «Возможности для самореализации и развития талантов» предусмотрено достижение уже через 10 лет следующих показателей: вхождение Российской Федерации в число десяти ведущих стран мира по качеству общего образования; формирование эффективной системы выявления, поддержки и развития способностей и талантов у детей и молодежи, основанной на принципах справедливости, всеобщности и направленной на самоопределение и профессиональную ориентацию всех обучающихся; обеспечение присутствия Российской Федерации в числе десяти ведущих стран мира по объему научных исследований и разработок, в том числе за счет создания эффективной системы высшего образования; создание условий для воспитания гармонично развитой и социально ответственной личности на основе духовно-нравственных ценностей народов Российской Федерации, исторических и национально-культурных традиций; увеличение доли граждан, занимающихся волонтерской (добровольческой) деятельностью или вовлеченных в деятельность волонтерских (добровольческих) организаций, до 15 процентов; увеличение числа посещений культурных мероприятий в три раза по сравнению с показателем 2019 года.

В Российской Федерации сфера культуры определяется как важнейший элемент в сохранении и развитии человеческого капитала, особое внимание обращается на необходимость укрепления российской гражданской идентичности, продвижения талантливой молодежи в сфере искусства, подготовки кадров для организаций культуры, поддержки добровольческих движений. Инфраструктурные задачи касаются материальной базы сферы – со-

здания и реконструкции культурно-образовательных и музейных комплексов, обеспечения детских школ, училищ необходимым оборудованием, развития муниципальных библиотек, модернизации театров и пр.

В каком контексте ведется соответствующая работа? На конкретном кейсе управления муниципальной сферой культуры Екатеринбурга [2; 9] представим стратегические и тактические сценарии учета трендов макросреды для современного российского мегаполиса.

Перед Россией сегодня встают глобальные вызовы, их много, но вспомним о трех, которые обойти невозможно.

1. Высокий уровень неопределенности, который затрагивает все сферы жизни общества (социально-политическая турбулентность). Скорость социальных изменений и дальше будет только возрастать, а значит риски неопределенности оказываются фундаментальными для стратегического и тактического планирования. Мир динамичен, интересен, но нестабилен. Управление неопределенностью становится частью компетенции управленца.

2. Возникновение новых и трансформация традиционных отраслей зачастую приводят к несправедливости в распределении выгод, обострению конкуренции стран, регионов, людей. Это касается и культурных продуктов.

3. Цифровая трансформация, которая охватила все общество [3]. Свободный доступ к информации требует формирования новой культуры и усилий по обеспечению ее безопасности.

Как видно, очень большое влияние на развитие общества вообще (и, конечно, на развитие сферы культуры) оказывают новые технологии. Что принципиально отличает ее от сферы культуры столетней давности?

Обыденность, привычность – культура окружает нас повсеместно, является атрибутом жизни почти каждого человека, она лишилась атрибута элитарности [5]. Главный объект управления культурой сегодня – обычный человек. Но прекрасный парадокс в том, что он же – и деятель культуры! Партисипаторность, участвующее создание культурных продуктов – востребованное свойство сферы культуры [12].

Демократичность – синхронная доступность культурных благ в современном обществе для огромного числа людей [8; 11], чему в огромной степени способствует удешевление технологий и цифровой техники.

Культура учитывает и отражает различия между людьми, включая этнические, а также связанные с уровнем образования, традициями [17; 20] и так далее.

Также существенно важно влияние культуры на экономику через развитие креативных индустрий – вариаций бизнеса в культуре [7]. Примером может служить вклад британских креативных индустрий в экономику страны: в 2017 году он превысил знаковую отметку в 100 млрд фунтов, это 5,5 % валового национального продукта. При этом темп роста почти в два раза выше, чем экономики Великобритании в целом.

Лондон находится на первом месте из 44 в рейтинге важнейших городов мира, составленном по шести основным факторам: экономика, научно-исследовательские и опытно-конструкторские разработки, культурное взаимодействие, пригодность к жизни, экология и доступная среда. Роль культуры в достижении этого результата оценена в 372 балла. Сравним: 351 балл принесла экономика, столько же – пригодность для жизни, 252 – доступность среды, 188 получено за науку и 176 – за экологию. На этом примере видно, как культура может быть значима для статуса города.

В РФ по данным комплексных исследований финансовые показатели следующие: финансовый оборот культурных индустрий за аналогичный период составил 2,36 млрд рублей, в том числе 370 млн рублей – бюджетные ассигнования, 1 млрд 990 млн рублей – доходы от коммерческой деятельности. А наш ВВП – 92 триллиона рублей, то есть вклад российских культурных индустрий в развитие экономики можно оценить в 2,5 %, что, конечно, значительно меньше британского. А жаль, ведь креативные индустрии преимущественно развиваются за счет малого и среднего бизнеса, что считается чрезвычайно важным для здоровья экономики.

В представленном Правительством РФ, Минстроем России и КБ СТРЕЛКА «Индекс качества городской среды» (представле-

ны несколько типов городов [10; 15]) культура специально не выделяется. Но есть такие индикаторы, как «разнообразие культурно-досуговой и спортивной инфраструктуры», «концентрация объектов культурного наследия», «доля объектов культурного наследия, в которых размещаются объекты социально-досуговой инфраструктуры, в общем количестве объектов культурного наследия». Однако указанные индикаторы имеют отношение к узковедомственному подходу к определению сферы культуры. Укажем на те, которые напрямую связаны с культурой, являются системными – разнообразие жилой застройки и услуг в жилой зоне, доля доступных для инвалидов и маломобильных граждан приоритетных объектов социальной, транспортной, инженерной инфраструктуры, уровень, привлекательность и состояние озеленения, доля населения, имеющего доступ к озелененным территориям, разнообразие услуг на них (парки ведомственно принадлежат к культуре), уровень внешнего оформления городского пространства, количество центров притяжения для населения и пр. Екатеринбург – третий по объему экономики город России, и в указанном рейтинге качества комфортной городской среды занял третье место со 191 баллом после Москвы с 276 и Санкт-Петербурга с 238 баллами.

Екатеринбург – город с самым большим профицитом бюджета. При этом культура занимает в расходной части городского бюджета около 2,6 %. Много это или мало? Невозможно ответить, потому что эффективность государственного и муниципального финансирования культуры не определена – нет четко сформулированных критериев ее измерения. КРІ от культуры – и теоретическая, и практическая проблема. Например, нетривиальным является вопрос о том, нужно ли включать в критерии эффективности городского управления культурой возникновение новых институций, в том числе частных. С одной стороны, это развивает город, создает его узнаваемый и престижный имидж, с другой – капитализируется частный сектор услуг, он составляет конкуренцию государственному. В Екатеринбурге за последнее время открылось несколько крупных частных культурных институций, которые весьма существенно повлияли на куль-

турное поле города (Ельцин-центр, Галерея «Главный проспект», Культурно-выставочный «Синара-центр» и др.) [6].

Итак, невозможно планировать развитие муниципальной сферы культуры, игнорируя вклад креативных индустрий в экономику, без учета «экспорта» наших культурных продуктов за пределы страны и городов, без учета развития частного бизнеса в отрасли. Но и делать это нелегко: понятия креативных индустрий в законодательстве нет, отсутствует стратегия их развития в регионе, создание креативных кластеров идет медленно. Чтобы они развивались, необходимы специализированные бизнес-инкубаторы, перестройка образовательной сферы, популяризация этих инициатив, воспитание потребителя.

Развитие сферы культуры в РФ сегодня рассматривается в контексте общего развития, где важным является эффективное использование средств, привлечение частных инвестиций, создание стимулирующей деловой среды. Наиважнейшей становится цифровая повестка. Цифровизация – один из приоритетов национального развития РФ, и вот несколько фактов, которые демонстрируют необходимость ее учета в развитии культуры как отрасли экономики.

В РФ к началу 2021 года аудитория интернет-пользователей среди населения старше 12 лет составила 95,6 млн человек и превысила 78 % (данные компании *MediaScope*). Прирост за год – более 3 миллионов чел. Интересно и то, что аудитория мобильного интернета за пять лет выросла в разы. Сегодня 71 % взрослого населения пользуются интернетом на мобильных устройствах (планшеты, смартфоны). А тех, кто пользуется только мобильным доступом – сейчас 27 % от всех пользователей интернета. В 2020 году проникновение интернета в России среди населения до 44 лет превысило 90 %, а среди самых молодых людей (12–24 года) – приближается к 100 %. 84 % представителей среднего возраста (45–54 года) хотя бы раз в месяц пользовались интернетом, в группе 55 лет и более – каждый 2-й.

Какое это имеет значение для муниципальной сферы культуры? В ней есть такие показатели эффективности отрасли, как количество цифровых проектов, разработанных в муни-

ципальных учреждениях культуры, в том числе в музеях, библиотеках, театрах; количество выставочных проектов, снабженных цифровыми гидами и пр. Надо стремиться к тому, чтобы они были адаптированы для мобильных пользователей. Эти показатели надо привязывать к реальному положению дел – почти повсеместному использованию смартфона для пользования интернетом. В настоящее время два национальных проекта России – «Цифровая экономика» и «Культура» – оказались тесно связаны между собой. Так, «Цифровизация услуг и формирование информационного пространства в сфере культуры» получила мощный катализатор во время ограничительных мер по противодействию распространения коронавирусной инфекции в 2020 году. А в Указе Президента РФ от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» среди прочих указана «цифровая трансформация».

Еще одно следствие цифровизации общества – изменение режима потребления информации. Сегодняшний активный горожанин начинает сбор информации о культурной институции с сайта, а выбор спектакля, выставки, другого культурного продукта – с обзора на *YouTube*. Современная культура – стриминговая: зрителю нужна онлайн-трансляция, просмотр видео.

Так называемое многоканальное потребительское поведение наблюдается во всех категориях товаров и услуг. Это означает, что потребитель склонен использовать разные каналы выбора покупки или услуги – офлайн и онлайн. Сегодняшние требования к сайтам учреждений культуры включают множество пунктов, в первую очередь относительно наличия информации, но редкая культурная институция предложит своему посетителю такой же сервис на сайте, как у интернет-магазина, например. А ведь культура вынуждена конкурировать за влияние с торгово-развлекательными центрами.

Развитие интернета существенно повлияло и на статус современной арт-критики [16]. Она разделена на 1) традиционную, классиче-

скую – с обзорами в СМИ, в том числе профессиональных, с конференциями, круглыми столами и пр.; и 2) современную, состоящую из сетевых авторов и комментаторов, блогеров и влогеров, то есть представителей цифровой публицистики, число которых в крупном городе может достигать более нескольких сотен. Сюда же можно отнести и цифровые отзывы, которые оставляют посетители учреждений культуры. При оценке сервиса театра, музея, библиотеки потребители нередко руководствуются одними и теми же критериями, что и при оценке автосервиса, супермаркета, интернет-магазина.

Цифровизация, конечно, не в равной мере охватывает разные социальные группы. Молодежь охвачена интернетом практически на 100 %, а ведь одной из целевых аудиторий для сферы культуры являются как раз дети и молодежь. Нельзя не учитывать особенности потребительского поведения этого поколения – для него общение, коммуникация является главным социализационным ресурсом [22; 24]. Особенность современной молодежи – почти полное стирание границы между виртуальным и реальным общением. Культурные предложения для детей и молодежи не могут не учитывать этого, они должны продолжаться виртуально – в соцсетях, в *YouTube*.

Следствием тотальной цифровизации является и то, что современный человек оставляет огромное количество цифровых следов своей активности. Едва проснувшись, мы оставляем такой след, если заходим в социальную сеть, смартфон фиксирует, где мы находимся и куда перемещаемся, поисковые запросы определяют тематику контекстной рекламы и так далее. Собираемые автоматически данные об активности огромного количества людей в самых разных сферах жизни создают колоссальные возможности для нового планирования [19].

Преобразования в сфере получения, обработки и использования данных требуют современных платформенных решений. Необходимо также сделать полученные статистические данные и аналитические прогнозы развития муниципальной сферы культуры открытыми, экспортировать их в российскую и международную статистику.

Любая аналитика базируется на необходимой и достаточной статистике. Корпоративная статистика в культуре – это современная возможность для оптимизации процессов, использования данных для принятия решений. Для сегодняшнего руководителя такие ключевые компетенции, как умение управлять проектами и умение управлять изменениями, дополняются компетенцией управлять данными. Возникает концепция культуры работы с данными, это в том числе выражается в компетенции подготовки планов и отчетов, в которых отражены требования современного общества, современного этапа развития отрасли культуры.

Среди главных образовательных трендов сегодняшнего дня – активное использование онлайн-обучения и коммуникации между участниками образовательного процесса. Общение между учителем ДШИ и учеником, например, может и должно предполагать дистанционную компоненту, а директор или преподаватель этой школы может учиться в том числе и в интернете. Если сегодня взрослый и ребенок зачастую говорят на разных языках, то стремиться к технологической эффективности их диалога надо постоянно. Цифровые технологии следует более активно использовать на всех этапах – мотивации, подбора, обучения и непрерывного развития кадрового потенциала сферы культуры, непрерывного развития и оценки компетенций кадров в культуре.

Указанные общественные тенденции – включенность креативных, культурных индустрий в экономику, их вклад в конкурентоспособность города, региона страны и тотальная цифровизация жизни в современном обществе – не исчерпывают всех тенденций современного развития.

Можно вспомнить, что 2019 был Годом театра в России. Фиксируется рост посещаемости театров: в прошлом году театры посетили 40 миллионов человек. Несмотря на высокие показатели, потенциал роста влияния театров на культурное пространство мегаполиса остается большим. Это может касаться разных аспектов театрального дела. Например, следует присматриваться к современным формам театрального продукта, а это очень часто технологии вовлечения зрителя, использова-

ния его биографии, активной рефлексии, актуализации опыта человека. Новые театральные формы включают и документальный театр, и иммерсивный театр, они вовлекают зрителя, активно эксплуатируют жизненный опыт. Современные произведения искусства стирают границы между собственно художественной и документальной составляющими [4].

Театр – место развития души. Кто приходит туда? Как показывают исследования, две трети посетителей театральных постановок впервые пришли в театр еще дошкольниками. Преемственность аудитории – важная черта развития всех учреждений культуры.

Музеи сегодня выходят далеко за рамки традиционной функции сохранения и презентации наследия. Музей – востребованная культурная институция. Доходность федеральных музеев с 2012 по 2019 гг. выросла более чем вдвое, а посещаемость за этот же период – в 1,7 раза. И это – в отсутствие дополнительного финансирования. В 2018 году российские музеи приняли почти 152 млн посетителей, в 2019 году – 155 млн чел. 2018 и 2019 годы получили название «музейного бума» – так много было зафиксировано посещений! Конечно, 2020 год резко изменил картину: музеи, кино, театры потеряли до 70 % своей аудитории после снятия ограничительных мер.

Количество посетителей муниципальных музеев Екатеринбурга также росло год от года: в 2014 – 382,1 тыс., в 2018 – 397 тыс. чел. Большое число горожан привлекают социокультурные проекты «Ночь музеев» (до 200 тыс.), «Вечер музеев» (до 10 тыс. бесплатно), «Ночь искусств» (более 8 тыс.).

Появляются новые культурные продукты, которые вообще исключают хранение, основаны на медийных технологиях. Но не только это является трендом в музейном деле. Современный музей работает не только с накопительной культурной памятью, он обращается к функциональной культурной памяти. Именно она – инструмент для формирования идентичности горожанина. А современный горожанин живет в мире реактивной урбанизации, которая диктует новые инструменты освоения человеком города [13; 18], это уже естественная потребность горожанина. Функция музея в том числе в том, чтобы горожанин осознал

себя здешним жителем, узнал это место как свое. И неважно, это музей про историю или про искусство. Опять же – ограниченность традиционного формата музея компенсируется цифровым будущим. При этом цифровые технологии помогают эффективно функционировать на всех этапах: от сбора материала, через его хранение и анализ и до презентации. Использование современных технологий работы с информацией – дополненной и виртуальной реальности, биометрии, использование QR-кодов – это новый технологичный способ популяризации культурных ценностей, а еще возможность сохранения культурного наследия. Пока же из 2 742 музеев в России только в 521 посетителям предоставлен доступ к электронным ресурсам культурных центров.

Использование современных технологий – не только цифровизация. Чтобы привлечь тех зрителей, которые музею предпочитают поход в кино, современный музей использует варианты интерактивности и персонализации. Ключевое слово для музейного сообщества сегодня – взаимодействие, проекты разрабатываются не для определенной аудитории, а вместе с ней. Значимость музеев для современного общества заключается также и в том, что, благодаря высокому доверию со стороны населения, музеи – важный институт формирования российской гражданской идентичности, что является одной из национальных целей.

В нацпроекте «Культура» прямо указывается на необходимость развития муниципальных библиотек. Сегодняшняя библиотека – «третье место» – не дом и не работа, где человек не только получает книгу, а может воспользоваться целым рядом других услуг. Надо ли идти по пути максимального расширения функционала библиотек? Например, финское государство по случаю своего 300-летия подарило Хельсинки современную библиотеку, которая открылась в декабре 2018 года. В день открытия туда выстроились огромные очереди – таков был интерес горожан! Ультрасовременное здание с уникальным дизайном, выстроенное по проекту финского архитектурного бюро, стоило 100 млн долларов, а на его содержание каждый год будет расходоваться более 8 миллионов. Любопытно,

как распределены площади. Только треть из 17 тыс. м² отведена под хранилища, на месте планируется держать всего 100 тыс. из доступных читателям трех с половиной миллионов книг. Технические зоны размещены в подземной части здания, все процессы содержания и обслуживания автоматизированы. Нижний уровень вмещает общественные зоны, среди которых кафе и кинозал. Второй этаж занимают гибкие многофункциональные помещения, тихие уголки для уединенной работы, а также звукозаписывающие студии и мастерские с 3D-принтерами и аппаратами лазерной резки, швейными машинками и пр. На самом верху – открытый читальный зал с напоминающим облако волнообразным потолком и световыми фонарями. Реализовать такие проекты позволяет государственный подход. По действующему финскому законодательству в бюджет строительства любого общественно значимого здания отдельно должна быть заложена сумма «на искусство», т. е. «на культуру».

Екатеринбург обладает развитой библиотечной сферой, которая на 1 января 2021 года включает более 300 библиотек различных типов и видов: общедоступные, научные, ведомственные, служебные, библиотеки образовательных учреждений. 46 из них являются общедоступными. Это 4 областные государственные библиотеки: Свердловская областная универсальная библиотека им. В. Г. Белинского, Свердловская областная библиотека для детей и молодежи им. В. П. Крапивина, Свердловская областная межнациональная библиотека, Свердловская областная специальная библиотека для слепых – и 42 муниципальных, входящие в состав МБУК «Муниципальное объединение библиотек города Екатеринбурга» и МБУК «Библиотечный Центр „Екатеринбург“».

Развитие общедоступных библиотек сегодня идет по принципу «третьего места» по концепции Р. Ольденбурга – ни дом, ни работа. Библиотеки перестали быть только местом хранения и выдачи книг, это активное пространство социокультурной деятельности. Так, на базе муниципальных библиотек Екатеринбурга созданы 18 центров общественного доступа к государственным и муниципальным услугам в электронном виде, работа ко-

торых нацелена на удовлетворение потребностей жителей города в социально значимой информации, повышение информационной и правовой культуры, на содействие в решении повседневных задач. На работу по повышению информационно-медийной грамотности горожан направлена реализация программы МБУК «Муниципальное объединение библиотек города Екатеринбурга» «Информационная культура екатеринбуржцев», предусматривающая для пользователей библиотек обучение по различным тематическим направлениям с учётом разделения программы на три уровня сложности, в рамках которой пользователи библиотек проходят обучение по разным уровням и направлениям программы в зависимости от уровня своих компетенций. Обучение по ней проходят 40,2 тыс. горожан ежегодно.

Новый импульс получила просветительская и социокультурная проектная деятельность, направленная на содействие в решении актуальных социальных задач, стоящих перед городом. Еще в 2012 году проект МБУК «Муниципальное объединение библиотек города Екатеринбурга» «Городской праздник книги и чтения „Читай, Екатеринбург!“» был удостоен премии имени В. Н. Татищева и В. Г. де Геннина, событие проходит ежегодно и собирает большую аудиторию.

Проектная деятельность реализуется городскими библиотеками в современных, в том числе крупномасштабных форматах: участие в ежегодной всероссийской социокультурной акции «Библионочь», организация и проведение городского праздника книги и чтения «Читай, Екатеринбург!» и др. Одним из направлений проектной деятельности библиотек Екатеринбурга стало международное. В МБУК «Библиотечный центр „Екатеринбург“» активно идет реализация международных социокультурных проектов, направленных на знакомство с культурными традициями зарубежных стран с привлечением носителей иностранного языка: дискуссионные клубы, киноклубы, конференции, акции, конкурсы. В общей сложности муниципальными библиотеками реализуется 44 социокультурные программы и проекта. На 1 января 2021 года в рамках данных программ муниципальными

ми общедоступными библиотеками организуется 9,7 тысяч мероприятий ежегодно, их количество выросло на 7,6 %, по сравнению с 2012 годом. Результатом увеличения количества мероприятий и повышения их качества стал рост количества посетителей. На сегодняшний день социокультурные мероприятия в городских библиотеках посещают 396,1 тыс. человек в год, что на 21,9 % выше показателя 2012 года (325 тыс. в 2012 году).

Парадокс, но в зарубежных странах библиотеки преобразуются в культурные центры (как мы показали в примере с Финляндией), а в России культурно-досуговые организации (Дома культуры) включают в свои функции библио-

теки (буккроссинг есть почти в каждом ДК). Библиотеки активно используют проектную деятельность, формируя не только книжную, но информационную культуру, активно участвуя в организации активного досуга горожан.

Итак, достижение национальных целей и стратегических задач в России возможно только с учетом современных глобальных вызовов и тенденций. Нацпроекту «Культура» достичь заявленных целей поможет акцент на развитии креативных индустрий, учете тотальной цифровизации на всех этапах подготовки культурного продукта, ориентацию на вовлеченность зрителя, слушателя, читателя в работу любой культурной институции.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ахьямова И.А. (2016). Условия и факторы влияния культурного пространства города на развитие зависимостей у молодежи // Педагогическое образование в России. № 8. С. 135–139.

2. Беляева М.А. (2016). Образ Екатеринбурга: от истории к современности // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. Т. 8. № 1 (32). С. 119–127.

3. Булатова В.Д., Петрова Л.Е. (2018). «Мы с Урала»: эксплуатация гения места в цифровую эпоху // Цифровая культура открытых городов : Материалы Международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых ; Управление культуры Администрации города Екатеринбурга ; Муниципальное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Екатеринбургская академия современного искусства» (институт). С. 22–26.

4. Вдовина Т.Ю. (2014). Перформанс как часть «урбанистических декораций» // Открытый город: Стратегии развития и формы публичности : Материалы всероссийской междисциплинарной научной конференции молодых ученых ; Екатеринбургская академия современного искусства ; Уральский федеральный университет ; ответственный редактор Е. И. Рабинович. С. 47–51.

5. Дубинкина Е.А., Азаренков Л.С. (2016). Разработка концепции фестиваля уличных искусств как инструмента повышения привлекательности современного города // Траектория науки. Т. 2. № 6 (11). С. 4.

6. Дудина М.М. (2016). Екатеринбурге есть что показать // 100 мыслей о Екатеринбурге. Екатеринбург. С. 92–93.

7. Егорова А.А. (2015). Арт-рынок в пространстве современного мегаполиса // Культура. Власть. Общество: пути реализации государственной культурной политики : Материалы межрегиональной научно-практической конференции. Специализированный выпуск общественно-политического журнала «Уральский Федеральный округ». С. 179–181.

8. Захарова Е.Е. (2017). Общественные пространства как факторы социокультурного развития локальных территорий // Вестник культуры и искусств. № 2 (50). С. 122–127.

9. Ахьямова И.А., Беляева М.А., Васильченко Е.А., Кожина С.П., Кузьмин К.В., Петрова Л.Е., Пронин А.А., Самкова В.А., Славина А.С., Трофимова Е.Е. (2018). Культурный Екатеринбург : Сборник материалов для участников Уральского регионального форума «CULTURALICA» / Управление культуры Администрации города Екатеринбурга ; Муниципальное бюджетное учреждение культуры «Библиотечный центр «Екатеринбург» ; Муниципальное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Екатеринбургская академия современного искусства» (институт). Екатеринбург.

10. Ладыгина Т.А., Беляева М.А. (2019). Город земских традиций: в поисках уникального образа уральского города // Вестник культуры и искусств. № 1 (57). С. 62–72.

11. Лешуков А.Г., Чеботарев А.М. (2018). Дизайн коммуникационных продуктов: современные тенденции в культурном пространстве города // Вестник культуры и искусств. № 4 (56). С. 97–103.

12. Лобанова Т.Л., Дудина М.М. (2017). Имидж Уралмаша через анимационный образ его жителей // Культура открытого города: новые смыслы и практики : Материалы V Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых ; Управление культуры Администрации города Екатеринбурга ; МБОУ ВО «Екатеринбургская академия современного искусства» (институт). С. 300–305.

13. Морозова А.П., Егорова А.А. (2015). Феномен уличного искусства г. Екатеринбурга: от маргинальности до институализации // Этика меняющегося мира: теория, практика, технологии : Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции в рамках III Международного научно-образовательного форума ; Ответственный редактор: Е. Н. Викторук. С. 65–74.

14. Быстрова Т.Ю. (2018). Глобальное и национальное: стилевые процессы в современной российской архитектуре (Часть 1) // Академический вестник УралНИИпроект РААСН. № 1 (36). С. 40–46.

15. Петрова Л.Е., Бурлуцкая М.Г. (2019). НЕМОСКВА: практики управления на основе социологических данных в регионах (по материалам секции на IX Грушинской социологической конференции) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 2 (150). С. 421–433.

16. Петрова Л.Е., Бурлуцкая М.Г. (2018). Отчет о семинаре «Кому современное искусство?» // Известия высших учебных заведений. Уральский регион. № 2. С. 152–157.

17. Попова Н.Г. (2014). Ученый как субъект

«мягкой силы» власти // Дискурс-Пи. № 1 (14). С. 164–167.

18. Стайна О.А. (2018). Конкурсы публич-арта как механизм расширения общественного участия в преобразовании современного города // Современный город: власть, управление, экономика. Т. 1. С. 150–156.

19. Стрига Н.В., Петрова Л.Е. (2018). Диджитальная выставка семейных фотографий как механизм репрезентации городской повседневности // Цифровая культура открытых городов : Материалы Международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых ; Управление культуры Администрации города Екатеринбурга ; Муниципальное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Екатеринбургская академия современного искусства» (институт). С. 65–71.

20. Тузовский И.Д. (2019). Мягкая сила как основа культурной политики цифровой эпохи // Вестник культуры и искусств. № 1 (57). С. 91–96.

21. Тузовский И.Д. (2018). Теоретические модели культурной глобализации в цифровую эпоху // Вестник культуры и искусств. № 2 (54). С. 29–36.

22. «Что-то новое и необычное»: аудитория современного искусства в крупных городах России / ред.: А. Прудникова, Л. Петрова. М. : Кабинетный ученый ; Екатеринбург : Екатеринбургская академия современного искусства, 2018.

23. Яхно О.Н., Кардапольцева В.Н. (2019). Западные заимствования в городской культуре Урала в контексте глобализационных процессов начала XX в. // Вестник культуры и искусств. № 2 (58). С. 29–37.

24. Petrova L.E., Mitrofanova K.A., Akhyamova I.A. (2018). The audience of the IV Ural industrial biennial of contemporary art: core, periphery, and prospect, *SGEM International Multidisciplinary Scientific Conference on Social sciences and Arts*, vol. 5, no. 6.2, pp. 117–124.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Петрова Лариса Евгеньевна – кандидат социологических наук, доцент; Екатеринбургская академия современного искусства (620012, Россия, Екатеринбург, ул. Культуры, 3); petrova@easa.ru.

Ахьямова Инна Анатольевна – доктор педагогических наук; Екатеринбургская академия современного искусства (620012, Россия, Екатеринбург, ул. Культуры, 3); innaah@yandex.ru.

Трофимова Елена Евгеньевна – кандидат филологических наук; Администрация города Екатеринбурга (620014, Россия, Екатеринбург, пр. Ленина, 24а); lg_astro@mail.ru.

Егорова Анастасия Алексеевна – кандидат культурологии; Екатеринбургская академия современного искусства (620012, Россия, Екатеринбург, ул. Культуры, 3); egorova.easa@gmail.com.

CULTURE OF MODERNITY, MODERNITY IN A CULTURE: HOW TO IMPLEMENT THE NATIONAL STRATEGY UNDER THE CONDITIONS OF GLOBAL CHALLENGES

L.E. Petrova^a, I.A. Akhyamova^a, E.E. Trofimova^b, A.A. Egorova^a

^aEkaterinburg Academy of Contemporary Art

^bAdministration of the city of Ekaterinburg

ABSTRACT:

In the Russian Federation the sphere of culture is identified as the most important element in the preservation and development of human capital. Special attention is paid to the following needs: strengthening of the civic identity of Russian people, promotion of talented youth in the field of art, ongoing education and training of the art and culture employees and support of volunteering. Cultural management should both comply with the national strategy of the Russian Federation and respond to the global challenges the society is facing today, among which are social uncertainty, injustice in the distribution of benefits and digital transformation. Today's culture is characterized by routine, habitualness, democracy and simultaneous access to cultural goods. At the same time it reflects social differences between people. The economic aspect has a great importance for the development of the cultural industry. It appears in the evolution of creative industries, competition between private and state cultural institutions and formation of mechanisms for assessing the effectiveness of the sphere.

The paper analyzes the impact of digitalization on the formation of the strategy and tactics of a city's cultural management. The following conclusions are made: promotion of cultural products requires a combination of both offline and online sources; it is necessary to take into account the influence of alternative art criticism institutions (such as blogging and vlogging); it is important to include digital feedback from users in the evaluation of cultural institutions; effective work with departmental statistics requires big data analysis; attention should be paid to enhancing the potential of online education of children and adults and to networking participatory mechanisms for creating and evaluating works of art.

Modern management of cultural sphere should go beyond the state policy. The emphasis should be made on culture as a branch of economics, on the analysis of the best experiences, on the knowledge and adaptation to the changes in society and people's behavior and implementation of new technologies.

KEYWORDS: cultural management, digitalization, national project, globalization, museum, library, creative industries.

FOR CITATION: Petrova L.E., Akhyamova I.A., Trofimova E.E., Egorova A.A. (2021). Culture of modernity, modernity in a culture: how to implement the national strategy under the conditions of global challenges, *Management Issues*, no. 2, pp. 134–145.

REFERENCES

1. Akhyamova I.A. (2016). Conditions and factors of the influence of the cultural space of the city on the development of dependencies in young people, *Pedagogical education in Russia*, no. 8, pp. 135–139.
2. Belyaeva M.A. (2016). The image of Ekaterinburg: from history to modernity, *The territory of new opportunities. Herald of the Vladivostok State University of Economics and Service*, vol. 8, no. 1 (32), pp. 119–127.
3. Bulatova V.D., Petrova L.E. (2018). "We are from the Urals": exploitation of the genius of a digital era. In: Proceedings of the international scientific and practical conference of students, graduate students and young scientists "Digital culture of open cities". Pp. 22–26.
4. Vdovina T.Yu. (2014). Performance as part of "urban decorations". In: Proceedings of the All-Russian Interdisciplinary Scientific Conference of Young Scientists "Open city: Development strategies and form of publicity". Pp. 47–51.
5. Dubinkina E.A., Azarenkov L.S. (2016). Devel-

opment of the concept of the festival of street arts as a tool for increasing the attractiveness of the modern city, *Trajectory of science*, vol. 2, no. 6 (11), p. 4.

6. Dudina M.M. (2016). Ekaterinburg has something to show. In: 100 thoughts about Ekaterinburg. Ekaterinburg, pp. 92–93.

7. Egorova A.A. (2015). Art market in the space of modern metropolis. In: Proceedings of the interregional scientific and practical conference “Culture. Power. Society: Ways to implement state cultural policies”. Pp. 179–181.

8. Zakharova E.E. (2017). Public spaces as factors of sociocultural development of local areas, *Bulletin of culture and arts*, no. 2 (50), pp. 122–127.

9. Akhyamova I.A., Belyaeva MA, Vasilchenko E.A., Kozhinova S.P., Kuzmin K.V., Petrova L.E., Pronin A.A., Samkova V.A., Slavina A.S., Trofimova E.E. (2018). Cultural Ekaterinburg: Collection of materials for participants in the Ural Regional Forum “CULTURALICA”. Ekaterinburg.

10. Ladygina T.A., Belyaeva M.A. (2019). The city of Zemstvo traditions: in search of a unique image of the Ural city, *Bulletin of culture and arts*, no. 1 (57), pp. 62–72.

11. Leshukov A.G., Chebotarev A.M. (2018). Design of communication products: current trends in the cultural space of the city, *Bulletin of culture and arts*, no. 4 (56), pp. 97–103.

12. Lobanova T.L., Dudina M.M. (2017). Image of Uralmash through the animated image of its inhabitants. In: Proceedings of the V Russian (with international participation) scientific and practical conference of students, graduate students and young scientists “Culture of the open city: new meanings and practices”. Pp. 300–305.

13. Morozova A.P., Egorova A.A. (2015). The phenomenon of street art of Ekaterinburg: from marginality to institutionalization. In: Viktoruk E.N. (ed.) Proceedings of the Russian Scientific and Practical Conference “Ethics of a changing world: theory, practice, technologies” under the III International Scientific and Educational Forum. Pp. 65–74.

14. Bystrova T.Yu. (2018). Global and national: Style processes in modern Russian architecture (Part 1), *Academic Bulletin of the UralNIIProject of RAASN*, no. 1 (36), pp. 40–46.

15. Petrova L.E., Burlutskaya M.G. (2019). Non-Moscow: management practices based on sociological data in the regions (based on the materials of the section at the IX Social Sociological Conference), *Monitoring of public opinion: Economic and social changes*, no. 2 (150), pp. 421–433.

16. Petrova L.E., Burlutskaya M.G. (2018). Report on the Seminar “Who is contemporary art for?”, *News of higher educational institutions. Ural region*, no. 2, pp. 152–157.

17. Popova N.G. (2014). Scientist as a “soft power” entity, *Diskurs-Pi*, no. 1 (14), pp. 164–167.

18. Staina O.A. (2018). Public-art competitions as a mechanism for expanding public participation in the conversion of a modern city, *Modern city: power, management, economy*, vol. 1, pp. 150–156.

19. Striga N.V., Petrova L.E. (2018). Digital exhibition of family photos as a mechanism of representation of urban daily. In: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference of Students, graduate students and young scientists “Digital culture of open cities”. Pp. 65–71.

20. Tuzovsky I.D. (2019). Soft power as the basis of the cultural policy of the digital era, *Bulletin of culture and arts*, no. 1 (57), pp. 91–96.

21. Tuzovsky I.D. (2018). Theoretical models of cultural globalization during the digital era, *Bulletin of culture and arts*, no. 2 (54), pp. 29–36.

22. Prudnikova A., Petrov L. (eds.) (2018). “Something new and unusual”: the audience of contemporary art in large cities of Russia. Moscow: Kabinetnyy Uchenyy; Ekaterinburg: Ekaterinburg Academy of Contemporary Art.

23. Yakhno O.N., Kardapoltseva V.N. (2019). Western borrowing in the urban culture of the Urals in the context of the globalization processes of the beginning of the XX century., *Bulletin of culture and arts*, no. 2 (58), pp. 29–37.

24. Petrova L.E., Mitrofanova K.A., Akhyamova I.A. (2018). The audience of the IV Ural industrial biennial of contemporary art: core, periphery, and prospect, *SGEM International Multidisciplinary Scientific Conference on Social sciences and Arts*, vol. 5, no. 6.2, pp. 117–124.

AUTHORS' INFORMATION:

Larisa E. Petrova – Ph.D. of Sociological Sciences, Associate Professor; Ekaterinburg Academy of Contemporary Art (3, Kultury St., Ekaterinburg, 620012, Russia); petrova@eaca.ru.

Inna A. Akhyamova – Advanced Doctor in Pedagogic Sciences; Ekaterinburg Academy of Contemporary Art (3, Kultury St., Ekaterinburg, 620012, Russia); innaah@yandex.ru.

Elena E. Trofimova – Ph.D. of Philological Sciences; Administration of the city of Ekaterinburg (24a, Lenin Av., Ekaterinburg, 620014, Russia); lg_astro@mail.ru.

Anastasia A. Egorova – Ph.D. of Culturology; Ekaterinburg Academy of Contemporary Art (3, Kultura St., Ekaterinburg, 620012, Russia); egorova.eaca@gmail.com.

МЕНЕДЖМЕНТ ОРГАНІЗАЦІИ

CORPORATE MANAGEMENT

СИСТЕМА УПРАВЛЕНИЯ ВНЕДРЕНИЕМ БЕРЕЖЛИВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В РОССИЙСКИХ ВУЗАХ

А.Н. Челомбитко^{1а}

^аКемеровский государственный университет

АННОТАЦИЯ:

Активное внедрение бережливых технологий в российских вузах предполагает построение продуктивных систем управления, отвечающих специфике образовательной деятельности и одновременно позволяющих реализовать потенциал бережливых проектов. Одна из задач, необходимых для решения этой проблемы – анализ действующих систем управления и выявление факторов, влияющих на выбор тех или иных подходов. Поэтому целью статьи является выявление основных черт, характеристик, особенностей управления внедрением бережливого производства в российских университетах (на материалах участников Ассоциации бережливых вузов).

Методологической базой исследования является качественный анализ (морфологический, структурный) по преимуществу текстовых и графических данных о системах управления; также использовался критерий Манна–Уитни для выявления различий между группами вузов.

Системы управления внедрением бережливого производства в вузах весьма разнообразны, единственная унифицированная черта – использование проектного подхода, что объясняется методологией бережливого производства. По соотношению академических и неакадемических сотрудников среди бережливых управленцев вузы делятся практически на три равные группы. Преобладание администраторов характерно для начального этапа реализации бережливых проектов, научно-педагогических работников – для ситуации наличия большого числа проектов. Координатором (представителем руководства по бережливости) обычно выступает проректор. В то же время административный статус координатора и его возможности активно заниматься бережливыми технологиями находятся в обратной зависимости. К специальным элементам системы управления можно отнести координационный совет, проектный офис и специализированное структурное подразделение по бережливым технологиям. В большинстве вузов существует один (реже – два) из этих элементов, независимо от размеров и ресурсного потенциала. Таким образом, структуры управления бережливым производством в университете разнообразны и не всегда демонстрируют явную взаимосвязь с его особенностями (размером, профилем деятельности).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: система управления, проектное управление, проектный офис, бережливое производство, управление университетом, бережливый вуз.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Челомбитко А.Н. (2021). Система управления внедрением бережливых технологий в российских вузах // Вопросы управления. № 2. С. 147–161.

Введение и постановка проблемы

В последние годы система управления отечественной высшей школой, находясь вполне в русле глобальных тенденций, претерпевает значительные изменения, совокупность которых российские и зарубежные исследователи характеризуют как «менеджеризация» [1–5]. Менеджеризация вузов связана с изменением преобладающего подхода в университетском управлении, когда ранее доминировав-

шая академическая, профессиональная власть замещается властью бюрократов, а сама система менеджмента строится по образу и подобию систем управления коммерческих организаций (в логике концепции «нового публично-го менеджмента» в государственном секторе).

В этой связи повышается степень формализации и регламентации деятельности научно-педагогических работников, вводятся конкретные количественные показатели эффек-

¹AuthorID РИНЦ: 883397, ORCID: 0000-0001-6119-0299

тивности, результативности, качества деятельности в научной и образовательной сферах, обучающийся рассматривается как клиент, который должен быть удовлетворен оказанной ему услугой [4; 5]. Большое внимание теперь уделяется сугубо экономической эффективности деятельности университета. В частности, одним из ключевых показателей для оценки вузов, их структурных подразделений и отдельных сотрудников ныне является объем денежных средств от научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ. Бюджетные ограничения, нестабильность доходов от образовательной деятельности, научных разработок также заставляют российские вузы активно искать пути экономии средств.

Поэтому не случайно многие университеты страны встали на путь активного использования методологии и практик «бережливого производства». Создана Ассоциация бережливых вузов, куда входят уже 13 вузов, многие другие образовательные организации реализуют у себя отдельные бережливые проекты. В российских университетах накапливается определенный положительный опыт совершенствования процессов, распространяется и закрепляется «бережливая» идеология. Однако нельзя игнорировать тот факт, что бережливое производство изначально являлось инструментом бизнеса (как известно, оно зародилось в корпорации *Toyota* и было востребовано в первую очередь производственными компаниями), а в некоммерческих организациях, таких как университеты, оно нуждается в определенной адаптации.

В свою очередь, такая адаптация предполагает не только определенную трансформацию содержательной стороны бережливого производства, но и формирование системы управления бережливыми проектами, позволяющей реализовать их потенциал в условиях и с учетом специфики деятельности университета. В настоящее время идет процесс накопления опыта управления бережливыми технологиями в высшей школе, вузы вырабатывают различные подходы к построению управляющей подсистемы, разработке оценочных показателей, выбору методов воздействия на протекающие процессы. Существует научная и практическая потребность в осмыслении накопленного

опыта, систематизации и обобщении данных по управлению бережливыми технологиями в вузах – «первопроходцах» этой деятельности.

Обзор литературы

Основная часть отечественной и зарубежной литературы по проблемам управления бережливыми проектами ориентирована на коммерческие организации, имеющие значительную долю материальных расходов в себестоимости, сложную систему логистических потоков, а также значительную численность сотрудников, занятых ручным физическим трудом. Для организаций такого типа уже довольно давно, начиная с трудов основоположников бережливого производства, в частности Т. Оно [6] и С. Синго [7], Д. Джонса и Д. Вумека [8], известны ключевые аспекты бережливого управления. Не перечисляя их все, отметим, что с точки зрения организационного менеджмента основными можно считать:

– проекты внедрения бережливого производства должны инициироваться и поддерживаться руководителями, собственниками организации [9], решения нельзя принимать удаленно, высшее руководство должно непосредственно бывать на рабочих местах рядовых сотрудников, вовлекаться в производственный процесс (технология «гемба») [7];

– бережливое производство требует изменения ценностей и настроения сотрудников «изнутри», персонал, его инициатива и сотрудничество критически важны для развития бережливости [10], должна формироваться «бережливая» корпоративная культура, поскольку одним из базовых принципов бережливости, наряду с постоянным улучшением процессов, является уважение к людям [11];

– для начала бережливых изменений требуется как непосредственно обучение персонала, так и внедрение современных практик проектного управления [12];

– значимым условием для реализации концепции бережливого производства является переход от функционального к процессному подходу к менеджменту организации, поскольку предполагается рационализация и устранение потерь именно в логике процессов, а не функций [13; 14];

– большое внимание уделяется регламентации, стандартизации процедур работы и организации рабочих мест [15].

При соблюдении этих управленческих условий можно рассчитывать на продуктивную работу по рационализации процессов, исключению потерь, построению и постоянному развитию системы бережливой деятельности вплоть до уровня отдельного рабочего места. Одновременно с этим в современном менеджменте принята точка зрения об отсутствии стандартных процессов и структур управления внедрением бережливых технологий [16]. Это означает, что в формировании систем бережливого управления значительна доля творчества. Прямой перенос опыта промышленности в университеты невозможен также и в силу существенных отличий содержания и целей деятельности некоммерческих организаций по сравнению с коммерческими.

Технология, методы и практика использования бережливого производства в сфере образования начали глубоко изучаться с 2000-х гг. в работах Б. Эмилиани (*B. Emiliani*) [17; 18], В. Бальцера (*W. Balzer*) [19; 20], С. Йоркстоуна (*S. Yorkstone*) [21; 22]. Б. Эмилиани настаивает на необходимости изменения работы образовательных организаций, исходя из того, что традиционные подходы стали неадекватны усилению конкуренции, изменению запросов обучающихся. При этом он подчеркивает, что бережливое производство не должно приводить к повышению удовлетворенности потребителей услуг образовательной организации за счет ухудшения качества трудовой жизни персонала и дискриминации других стейкхолдеров, иными словами, университетскому менеджменту нельзя игнорировать принцип уважения к людям [18].

В. Бальцер отмечает, что образовательные организации могут быть в еще большей степени, чем промышленные предприятия, перегружены ненужными, излишними действиями, не добавляющим ценности для потребителей, поэтому необходимо тиражирование бережливых практик [19]. В управленческом аспекте внедрение бережливого производства в университете, по мнению В. Бальцера и др., связано с преобразованием существующей институциональной среды на основе внедрения

новых принципов и практик. Также должно быть обеспечено долгосрочное воздействие на поведение преподавателей и других сотрудников [20].

По мнению С. Йоркстоуна, бережливое производство дает возможность университету высвободить финансовые и временные ресурсы из административной деятельности, повышая тем самым ценность образовательной и научной работы. В работах этого исследователя отмечается, что не выработано единого подхода к построению системы управления бережливыми проектами, в частности сложно сказать, кому лучше поручить руководство в этой сфере: академическому или неакадемическому персоналу [21]. Опыт британских и американских университетов в этом отношении дает неоднозначные результаты [22].

Таким образом, бережливое производство достаточно прочно закрепилось в практике деятельности западных университетов (хотя оно охватывает пока по преимуществу вспомогательные и обслуживающие функции). Однако управленческие проблемы перехода к бережливости раскрыты еще в недостаточной степени. Исследование Д. Хесса (*J. Hess*) и Б. Бенджамина (*B. Benjamin*) на материалах американских университетов пришло к выводу о том, что самой существенной проблемой при внедрении бережливого производства является инерция академической среды, ее борьба с нововведениями, хотя клиентоориентированность данной методологии очень четко коррелирует с ориентацией университета на студентов [23].

В ряде исследований рассматривается опыт и практики использования бережливого производства в деятельности университетов различных стран мира. В работе Д. Рибейро (*D. Ribeiro*) и др. демонстрируются результаты использования бережливых технологий в консорциуме университетов юга Бразилии, в который входит 15 образовательных организаций, где учится более 200 тыс. студентов. Построение карт потоков создания ценности для вспомогательных подразделений, работающих со студентами (кадровый, стипендиальный отделы, отделы стажировок, академической мобильности и др.) позволило сократить затраты времени, а также повысить удовлетво-

ренность как обучающихся, так и персонала университетов [24].

А. Николсон (A. *Nicholson*) и А. Пакгохар (A. *Pakgohar*) представили опыт использования бережливых технологий для изменения работы юридической клиники университета Шеффилда, где преподаватели и студенты непроизводителью тратили очень много времени, а клиенты ожидали юридической помощи более 3 месяцев. Построение карты потока создания ценности позволило существенно изменить работу клиники (исключена процедура изучения подготовки документов, введено администрирование процессов одним человеком), повысить удовлетворенность заинтересованных сторон [25].

Однако, в целом, кейсов университетской бережливости известно не так много, и по ним сложно судить о наиболее продуктивных управленческих подходах и инструментах. Кроме того, неизбежно возникает вопрос о возможности тиражирования опыта западных университетов в отечественных условиях. Поэтому, как справедливо отмечает на этот счет С. А. Гайворонская, «отсутствие необходимой глубины преобразований обусловлено тем, что вузы пока вслепую, порой интуитивно, опираясь лишь на опыт в производственной сфере, развивают совершенно новое для них направление» [26, с. 106].

Немногочисленные отечественные работы по использованию бережливого производства в вузах можно укрупненно разделить на две группы. К первой из них относится изучение кейсов конкретных университетов, которые дают определенный материал для последующих теоретических обобщений. В наибольшей степени на данный момент изучен опыт Национального исследовательского Белгородского государственного университета (НИУ «БелГУ») [26–29]. Сильными сторонами управленческого подхода к бережливому производству в НИУ «БелГУ», по мнению С. А. Гайворонской, следует считать системность и полный охват деятельности вуза (вместо точечных изменений), а также применение современной методологии проектного управления. Это, в частности, дало возможность первым в стране получить сертификат системы менеджмента бережливого производ-

ства. Однако этот автор также отмечает крайнюю сложность внедрения бережливых ценностей в академическую культуру [26]. Аналогичной позиции придерживаются С. А. Острикова и др. [29].

Р. И. Акмаева и др. анализировали практики внедрения бережливости в Астраханском государственном университете (АГУ) в разрезе хорошо известных 14 принципов менеджмента компании *Toyota* [30]. Среди наиболее интересных аспектов менеджмента бережливых технологий можно выделить:

- создание специального центра «Организационное обучение» для развития компетенций преподавателей АГУ в сфере бережливых технологий;

- развитие института и практик лидерства в сфере бережливых проектов;

- изменение общей структуры управления с формированием проектных команд в дополнение к традиционным функциональным подразделениям, создание должностей менеджеров-интеграторов, которые управляют изменениями;

- внедрение методов управления самообучающейся организации.

Л. В. Верменникова и др. рассматривают проблемы внедрения бережливых технологий в Кубанском государственном медицинском университете (КубГМУ) [31]. Эти авторы также отмечают важность проектного подхода для создания бережливости в вузе, кроме того, особенностью КубГМУ называется сочетание в проектах развития бережливого и цифрового содержания (например, формирование документов на заселение в общежитие в цифровой среде, чтобы исключить ошибки или построение специализированного электронного документооборота с целью ускорить процедуру списания основных средств с баланса). Вполне обоснованно, с точки зрения автора, Л. В. Верменникова и другие поднимают вопрос о необходимости материальной и моральной мотивации участников процессов бережливого производства [31].

В целом опыт российских университетов в сфере внедрения бережливого производства только начинает осмысляться (в частности, Ассоциация бережливых вузов была создана лишь в 2018 г.), в существующих рабо-

тах рассматривается по преимуществу содержание бережливых проектов, а не управление ими. Публикаций второй группы – по проблемам формирования систем управления бережливым производством в университетах, пока достаточно мало. Можно выделить работу Л. А. Зимаковой и др., где выделены принципы бережливого производства, наиболее актуальные для вуза, и предложена система индикаторов для оценки степени их выполнения [32]. Некоторые принципы и механизмы управления внедрением бережливого производства в университете обозначены в статье И. П. Черной и др. [33].

Представляется, тем не менее, что попытки синтеза и разработки систем управления бережливыми проектами априори, сугубо эвристическим путем, на основе общих управленческих, логико-методологических подходов имеют определенные ограничения, поскольку продуктивность соответствующих управленческих рекомендаций далеко не гарантирована. По мнению автора, построению систем, механизмов, инструментов управления в исследуемой предметной области должен предшествовать эмпирический анализ уже функционирующих систем управления бережливостью в российских университетах. Это позволит охарактеризовать ее современное состояние и сформирует основу для дальнейшего научного поиска наиболее продуктивных подходов и инструментов. Поэтому целью исследования является выявление основных черт, характеристик, особенностей управления внедрением бережливого производства в российских университетах.

Материал и методы исследования

Исходя из характера эмпирического материала, отражающего подходы к управлению бережливым производством в вузах (по преимуществу это словесные описания, структурно-логические схемы, структурированный текст в виде таблиц), выбрана по преимуществу качественная исследовательская стратегия, предполагающая систематизированное описание систем управления по наиболее важным признакам на основе определенной декомпозиции на составляющие их элементы. В работе использованы традиционные методы исследования систем управления – морфо-

логический анализ, функциональный анализ, методы индукции, абстрагирования, а также сравнительный анализ. Для сравнения групп университетов по отдельным особенностям системы управления использован статистический критерий Манна-Уитни.

Полигон исследования составляют 10 университетов России – участников Ассоциации бережливых вузов, имеющих сравнительно продолжительный опыт внедрения бережливых технологий (с 2017–2018 гг., а в некоторых случаях и более ранний). Это Белгородский государственный институт искусств и культуры (БГИИК), НИУ «БелГУ», Кемеровский государственный университет (КемГУ), Кировский государственный медицинский университет (КГМУ), КубГМУ, Майкопский государственный технологический университет (МГТУ), Нижегородский государственный инженерно-экономический университет (НГИЭУ), Приволжский исследовательский медицинский университет (ПИМУ), Сибирский государственный медицинский университет (СибГМУ), Удмуртский государственный университет (УдГУ).

В исследовании не рассматриваются два университета, вошедшие в Ассоциацию бережливых вузов только в конце 2019 г. и в 2020 г. (Белгородский государственный технологический университет им. В. Г. Шухова и Рязанский государственный медицинский университет им. академика И. П. Павлова) в силу ограниченности, как открытой информации, так и временного горизонта реализации ими бережливых проектов. Также из рассмотрения исключен Пятигорский медико-фармацевтический институт, поскольку это филиал Волгоградского государственного медицинского университета и прямое сопоставление систем управления с самостоятельными вузами было бы не вполне корректно.

Эмпирической основой для исследования послужили документы и материалы, представленные на официальном сайте Ассоциации бережливых вузов (<http://assocbv.ru/>) и на официальных сайтах исследуемых университетов, в презентациях, выступлениях, отчетных материалах, организационно-распорядительных документах. Также использованы материалы мониторинга эффективности дея-

тельности образовательных организаций высшего образования, размещенные на официальном сайте Главного информационно-вычислительного центра Министерства науки и высшего образования РФ (<http://indicators.miccedu.ru/monitoring/?m=vpo>).

Результаты исследования и их обсуждение

Путем морфологического и структурного анализа данных о системах управления внедрения бережливых технологий, для вузов, со-

ставляющих полигон исследования, были выделены основные характеристики управления в данной сфере (табл. 1).

Эмпирические данные, представленные в таблице 1, указывают на определенное разнообразие вариантов построения систем управления развитием бережливых технологий в университетах. Основной сходной чертой бережливых вузов можно считать, по сути, только проектный подход к внедрению бережливых технологий. Во всех участниках Ассоциации бережливых вузов созданы рабочие про-

Таблица 1 – Основные черты системы управления проектами и мероприятиями бережливого производства в университетах – участниках Ассоциации бережливых вузов

Table 1 – The main features of the project management system and lean production activities at universities - members of the Association of Lean Universities

Вуз	Основные черты и особенности системы управления в сфере бережливых технологий
БГИИК	Создан координационный совет «БГИИК – бережливый вуз», председателем которого является ректор. Проректора ответственны за соответствующие профильные направления работы совета. В рабочие группы по отдельным направлениям проекта входят неакадемические сотрудники, которые, как правило, являются руководителями соответствующих рабочих групп по реализации проекта. Создан также проектный офис, который занимается координацией, мониторингом, консультированием, обучением
БелГУ	Созданы профильные постоянно действующие центры бережливых компетенций, менеджмента качества и развития компетенций в ведении проректора по качеству и дополнительному образованию, а также проектный офис. Лидером изменений является ректор, который первым реализовал собственный бережливый проект. В проектных командах участвуют как академические, так и неакадемические сотрудники (в силу большого числа команд)
КемГУ	Деятельность команд проектов курируется ректором, проректором по молодежной политике и общественным коммуникациям, а также исполнительным директором программы развития КемГУ как опорного вуза. Проектными командами руководят как академические, так и неакадемические сотрудники
КГМУ	Создан координационный совет, который возглавляет ректор, в него входят руководители рабочих групп по проектам. Существуют неосвобожденные должности координатора (директор «Фабрики процессов») и администратора (начальник отдела по организации приема и профориентации). Создан учебно-методический центр «Фабрика процессов». По преимуществу в управлении участвуют неакадемические сотрудники
КубГМУ	Внедрением бережливого производства руководит проректор по учебной и воспитательной работе, организованы проектный офис и Центр бережливых технологий. По преимуществу в управлении участвуют академические сотрудники
МГТУ	Создан координационный совет, который возглавляет ректор, непосредственно процессами внедрения бережливого производства руководит проректор по учебной работе (как координатор). Проектные офисы создаются по каждому проекту отдельно в структурных подразделениях. По преимуществу в управлении участвуют академические сотрудники
НГИЭУ	Создан проектный офис на уровне университета. По преимуществу в управлении участвуют академические сотрудники
ПИМУ	Создан координационный совет, который возглавляет ректор, непосредственно процессами внедрения бережливого производства руководит проректор по учебной работе (как координатор). По преимуществу в управлении участвуют неакадемические сотрудники
СибГМУ	Создан Центр менеджмента качества и бережливых технологий в ведении проректора по развитию. По преимуществу в управлении участвуют неакадемические сотрудники
УдГУ	Создан координационный совет, который возглавляет ректор, сформирован проектный офис «Бережливый вуз». С 2012 г. функционирует Научно-образовательный центр «Современные технологии бережливого производства», который является научно-методическим центром по развитию бережливого производства для всей Республики Удмуртия

ектные группы, ответственные за внедрение конкретных проектов, где выделены позиции руководителя, куратора, «рядовых» участников. Это подтверждает литературные данные, цитированные выше, о необходимости использования проектного подхода в рамках перехода к бережливым технологиям управления в любой организации, включая университет.

Руководителями проектных групп и активными участниками управления процессами внедрения бережливых технологий в университетах выступают как академические (т. е. научно-педагогические) работники, так и неакадемические – представители администрации, различных отделов и служб университета. В целом, в трех университетах преобладают академические сотрудники, в четырех – неакадемические, в трех состав управленцев смешанный. Академические сотрудники доминируют среди управленцев в сфере бережливого производства в КубГМУ, МГТУ и НГИЭУ, неакадемические – в БГИИК, КГМУ, ПИМУ и СибГМУ. Смешанный состав наблюдается в НИУ «БелГУ», КемГУ, УдГУ.

По-видимому, в руководство проектами бережливого производства одновременно академические и неакадемические сотрудники вовлекаются в тех случаях, когда размеры университета достаточно велики, реализуется значительно число проектов как во вспомогательных, обслуживающих подразделениях (отдел кадров, столовая и т.п.), так и на уровне кафедр, лабораторий, факультетов, институтов. Наиболее выпукло это проявилось на примере НИУ «БелГУ», где реализуется уже более 100 проектов одновременно. Разумеется, в этот процесс вовлеклись не только администраторы, но и преподаватели.

Если говорить об УдГУ, то оно занимается внедрением бережливых технологий значительно дольше, чем большинство других университетов – с 2012–2013 гг. [34]. Поэтому можно предположить, что вовлечение академических сотрудников является производной от масштабов использования бережливого производства. Оно является косвенной характеристикой того, что в частности, в НИУ «БелГУ» и КемГУ степень распространения бережливых проектов достигла достаточно высокого уровня.

Из четырех вузов, где в управлении бережливыми технологиями преобладают администраторы, три относятся к медицинским (КГМУ, ПИМУ, СибГМУ). Среди трех вузов, где управление возложено по преимуществу на научно-педагогических работников, медицинским является только один (КубГМУ). Таким образом, можно предположить, что специализированные вузы медицинского профиля более склонны чаще доверять управление бережливыми проектами администраторам, нежели преподавателям.

Другая закономерность заключается в том, что академические работники чаще руководят бережливыми проектами в сравнительно небольших вузах без специфики деятельности в силу ограниченности ресурсов и собственно количества администраторов в таких организациях. Если сравнивать с одной стороны НИУ «БелГУ», КемГУ, УдГУ, а с другой – МГТУ и НГИЭУ, то они сильно отличаются. В первой группе численность студентов составляет около 15–20 тыс. чел., доходы – около 2–3 млрд руб.; во второй – от 2 до 6 тыс. чел. и 300–600 млн руб. соответственно. Это и объясняет разную степень участия администраторов в управлении бережливыми технологиями в вузах без специфики деятельности.

В части вузов указывают на наличие конкретного руководителя, который выполняет функцию координатора системы бережливого производства. Согласно базовым принципам бережливого производства необходимо его инициирование и продвижение со стороны высшего руководства. В то же время нельзя не учитывать, что ректор или проректоры современного вуза заняты колоссальным объемом работы по различным направлениям и возможность уделять внимание бережливости объективно ограничена, что называется, «при всем желании». Данные таблицы 1 указывают на несколько вариантов решения этого вопроса.

Так, в НИУ «БелГУ» при лидерской позиции ректора координатором является проректор по качеству и дополнительному образованию. Должности проректора по качеству после высокой активности в этом вопросе во второй половине 2000-х гг. стали относительной редкостью для вузов нашей страны. Но если

она все же существует, то это вполне логичное решение, учитывая, что тотальный менеджмент качества и бережливое производство методологически во многом близки и исповедуют сходные принципы (например, лидерская позиция руководства). Сходный вариант нашел применение в СибГМУ, где роль координатора возложена на проректора по развитию.

В КубГМУ, МГТУ, ПИМУ координаторами бережливых изменений являются проректоры по учебной (учебно-воспитательной работе). Это решение неоднозначно, поскольку вряд ли их возможности уделять много времени бережливому производству значительно выше, чем у ректоров. Однако идеальный вариант в этом отношении вряд ли можно сформулировать, поскольку при передаче функций координатора на более низкий уровень (как в КГМУ), растут временные и организационные возможности специализации на бережливых проектах, но возрастает риск неисполнения планов и решению по развитию бережливого производства. Еще один подход реализован в КемГУ, где функции координатора как бы дифференцированы между проректором и исполнительным директором программы развития опорного вуза.

Таким образом, на практике идет поиск наиболее рационального варианта выбора координатора, обусловленный очевидным противоречием – чем выше его должность, тем больше административный и властный ресурс, возможность добиться исполнения своих распоряжений, но одновременно выше и степень занятости в целом. Координатор в более низкой должности имеет больший временной ресурс, но вероятность невыполнения его планов и решений также больше.

Еще один параметр, по которому отличаются системы управления внедрением бережливых технологий – это наличие профильного координационного совета по этим вопросам. Эти советы созданы в половине вузов, в частности, БГИИК, КГМУ, МГТУ, ПИМУ и УдГУ. Здесь, как представляется, сложно судить о какой-либо корреляции между различными характеристиками вуза (профиль, размеры) и наличием координационного совета. Этот коллегиальный орган создан в двух медицинских вузах из четырех, одном достаточно

крупном и в одном небольшом вузе, не имеющих специфики деятельности.

Вероятно, создание координационного совета обусловлено не какими-либо явными факторами, а субъективным подходом руководства к решению такого рода вопросов, стилем управления, тяготеющим к коллективным обсуждениям в большей или меньшей степени. Полезность такого совета, по-видимому, неочевидна в условиях, когда в вузах и так ощущается неудовлетворенность большим числом коллегиальных органов, значительными затратами времени на участие в заседаниях при фактически авторитарном стиле руководства в большинстве организаций.

Еще один важный аспект системы управления бережливыми технологиями в вузе – это наличие или отсутствие постоянно действующих специализированных подразделений, которые профессионально занимаются вопросами бережливости. Понятно, что их создание предполагает дополнительные затраты университета, но свидетельствует о достаточно серьезном подходе и долговременной заинтересованности в развитии бережливых компетенций. Более того, в ряде случаев такие центры начинают зарабатывать определенные деньги, проводя обучение в области бережливого производства.

Впервые такое подразделение – Научно-образовательный центр «Современные технологии бережливого производства» – было создано в УдГУ в 2012 г. профессором Н. С. Давыдовой. В остальных вузах подобные структуры формировались в 2018–2019 гг. В частности, в настоящее время они имеются в НИУ «БелГУ» (несколько), КубГМУ, СибГМУ, УдГУ. Наличие таких центров может быть обусловлено размером и ресурсным потенциалом вуза. Для проверки этой гипотезы использованы данные о численности студентов и доходах вузов во взаимосвязи с фактом наличия или отсутствия постоянно действующих структурных подразделений по бережливому производству (табл. 2).

Поскольку результаты мониторинга эффективности деятельности образовательных организаций высшего образования по итогам работы в 2019 г. еще не опубликованы, в таблице 2 приведены данные за 2018 г. Представ-

Таблица 2 – Численность студентов, уровень доходов и наличие постоянно действующих структурных подразделений по бережливому производству в участниках Ассоциации бережливых вузов

Table 2 – The number of students, the level of income and the presence of permanently operating structural units for lean production in the members of the Association of lean universities

Вуз	Число студентов, чел.	Доходы, млн руб.	Наличие подразделений по бережливому производству
БГИИК	1977	453,8	–
БелГУ	16395	2989,4	+
КемГУ	14239	1864,4	–
КГМУ	2618	748,1	–
КубГМУ	5880	1317,2	+
МГТУ	6383	610,4	–
НГИЭУ	1933	337,1	–
ПИМУ	4340	3548,2	–
СибГМУ	6247	2622,5	+
УдГУ	17564	1674,3	+

ается, что в следующем году радикальных изменений произойти не могло. Для того чтобы определить, отличается ли группа вузов, имеющих подразделения по бережливому производству, численностью студентов или размером доходов, был использован критерий Манна-Уитни.

Его расчет показал, что по численности студентов вузы, где есть профильные подразделения по бережливому производству, практически не отличаются от остальных. Эмпирическое значение критерия в данном случае составило 16, тогда как критическое (табличное) при уровне значимости 0,05 составляет 13, следовательно, принимается нулевая гипотеза об отсутствии существенных различий в выборках. Различия в уровне доходов также можно считать несущественными (эмпирическое значение критерия при уровне значимости 0,05 составляет 18).

Таким образом, создание профильных подразделений по бережливому производству не зависит от ресурсного потенциала вуза. Поэтому оно может рассматриваться не только как перспективный путь расширения применения бережливых технологий, но и как потенциальный способ увеличения доходов вуза за счет обучения сотрудников других организаций.

Другой элемент системы управления внедрением бережливого производства – это

проектный офис, который считается необходимым для управления проектами по определенным стандартам, в соответствии с современной методологией. Как видно из данных таблицы 1, проектный офис в бережливых университетах также формируется далеко не всегда. Он имеется в БГИИК, НИУ «БелГУ», КубГМУ, НГИЭУ, УдГУ, т.е. половине бережливых вузов. В КГМУ функционирует проектный офис общего назначения, который не специализируется на управлении исключительно бережливыми проектами, в МГТУ создаются отдельные офисы для каждого проекта (что весьма нетривиально для методологии и традиционной практики проектного управления).

Создание проектного офиса также не имеет какой-либо очевидной причинно-следственной связи с размерами и ресурсами вуза. Критерий Манна-Уитни при анализе различий по численности студентов составляет 40 (уровень значимости 0,05) при критическом 9, следовательно, вузы, имеющие и не имеющие проектного офиса, не отличаются по размерам. Аналогичный показатель при изучении различий в уровне доходов составляет также 40, что говорит об отсутствии дифференциации. Следовательно, формирование проектных офисов также обусловлено предпочтениями и мнением руководства вуза по этому вопросу, не проистекает напрямую из размеров объекта управления.

Наличие тех или отсутствие иных факультативных элементов системы управления бережливыми проектами в целом демонстрируют сводные данные, приведенные в таблице 3.

Как видно из данных таблицы 3, все три элемента системы управления – координационный совет, специализированный проектный офис, профильный Центр или отдел, имеются только в УдГУ. По-видимому, это связано с тем, что данный вуз занимается проблематикой бережливого производства уже около 10 лет. Три вуза имеют по два специализированных элемента системы управления, большинство же – по одному. Это указывает на продолжающийся процесс поиска наиболее рациональных структур, выработку наиболее обоснованных подходов.

Кроме того, не каждый элемент системы управления, по-видимому, является обязатель-

Таблица 3 – Наличие элементов системы управления бережливыми проектами в участниках Ассоциации бережливых вузов

Table 3 – The presence of elements of the lean project management system in the members of the Association of lean universities

Вуз	Координационный совет	Проектный офис (специализированный)	Профильные специализированные подразделения	Общая встречаемость
БГИИК	+	+	–	2
БелГУ	–	+	+	2
КемГУ	–	–	–	–
КГМУ	+	–	–	1
КубГМУ	–	+	+	2
МГТУ	+	–	–	1
НГИЭУ	–	+	–	1
ПИМУ	+	–	–	1
СибГМУ	–	–	+	1
УдГУ	+	+	+	3
Общая встречаемость	5	5	4	–

ным для успешного внедрения бережливого производства. Важна определенная функциональная гибкость и выполнение необходимого спектра задач, а не усложнение системы управления. Вместе с тем, определенная централизация и ответственность за работу по внедрению бережливого производства, сосредоточение этого в рамках конкретного подразделения необходимо при инициировании проектов бережливого производства в университете.

Выводы

Системы управления внедрением бережливого производства, бережливыми проектами в российских вузах находятся в стадии активного развития, эмпирического поиска наиболее продуктивных структур и методов, отличаются значительной пестротой. Практически единственным единым для всех бережливых университетом элементом управления является проектный подход, который объективно необходим для перехода к бережливым принципам работы. В остальных отношениях бережливые вузы весьма по-разному строят управление внедрением бережливого производства.

Одним из неоднозначных вопросов является соотношение академических и неакадеми-

ческих сотрудников среди лиц, управляющих соответствующими процессами. Анализ показал, что бережливые вузы распадаются на три почти равные группы, где доминирует та или иная категория сотрудников или же наблюдается паритет. Судя по всему, широкое участие научно-педагогических работников в процессах управления бережливым производством свидетельствует об его значительном распространении в вузах, тогда как первыми проектами руководят обычно администраторы. Доминируют последние среди бережливых управленцев также и в медицинских вузах.

Нет единого подхода также к назначению координатора внедрения бережливого производства и бережливых проектов. Поиск различных вариантов определяется тем, что чем выше должность координатора – представителя руководства вуза по бережливости, тем больше его властный ресурс и возможность добиться исполнения своих решений, но одновременно меньше ресурсы времени, которые можно выделить на данную функцию. Чаще всего координатором выступает все же один из проректоров.

Если говорить о таких специальных элементах системы управления внедрением бережливых технологий, как координационный совет, проектный офис и постоянно действующие профильные структурные подразделения (например, центры), то чаще всего в бережливом вузе существует один из них, реже два. Это указывает на то, что вряд ли на данном этапе развития бережливого производства в вузе обязательно создавать и координационный совет, и проектный офис, и специальный отдел либо центр, но что-то одно целесообразно иметь.

Отметим также, что наличие координационного совета, проектного офиса, центра или иного подразделения по бережливому производству не зависит от размеров или ресурсов вуза. В данной связи можно рекомендовать создание постоянно действующего профильного структурного подразделения, например Центра бережливых технологий, который может как выполнять отдельные функции проектного офиса, так и приносить определенные доходы университету, обучая сотрудников сторонних организаций.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Murphy D., McGrath D. (2018). A success/failure paradox: reflection on a university-community engagement in Australia, *Journal of Higher Education Policy and Management*, vol. 40, no. 4, pp. 321–341. DOI: 10.1080/1360080X.2018.1482102.
2. Miller J. (2019). Where does the time go? An academic workload case study at an Australian university, *Journal of Higher Education Policy and Management*, vol. 41, no. 6, pp. 633–645. DOI: 10.1080/1360080X.2019.1635328.
3. Guzmán-Valenzuela C., Barnett R., Labraña J. (2020). Consensus and dissensus: changing perceptions of the public dimension of universities in a marketised environment, *Journal of Higher Education Policy and Management*, vol. 42, no. 1, pp. 49–66. DOI: 10.1080/1360080X.2019.1658850.
4. Курбатова М.В. (2016). Реформа высшего образования как институциональный проект российской бюрократии: содержание и последствия // Мир России. Социология. Этнология. Т. 25. № 4. С. 59–86.
5. Яковлева Н.Г. (2017). Коммерциализация, бюрократизация, менеджеризация образования постсоветской России: политэкономический взгляд // Проблемы теории и практики управления. № 3. С. 122–130.
6. Оно Т. (2012). Производственная система Тойоты. Уходя от массового производства. М. : Институт комплексных стратегических исследований. 192 с.
7. Синго С. (2006). Изучение производственной системы Тойоты с точки зрения организации производства. М. : Институт комплексных стратегических исследований. 312 с.
8. Джонс Д., Вумек Д. (2020). Бережливое производство. Как избавиться от потерь и добиться процветания вашей компании. М. : Альпина Паблишер. 472 с.
9. Worley J., Doolen T. (2006). The role of communication and management support in a lean manufacturing implementation, *Management Decision*, vol. 44, no. 2, pp. 228–245. DOI: 10.1108/00251740610650210.
10. Rachel B., Dubouloz S., Chakor T. (2019). Lean manufacturing, human resource management and worker health: Are there smart bundles of practices along the adoption process? *Journal of Innovation Economics & Management*, vol. 30, no. 3, pp. 113–144. DOI: 10.3917/jie.pr1.0050.
11. Mohammad I., Suhaiza Z., Sunghyup H., Mohd A., Kwangyong K. (2019). Impact of lean manufacturing practices on firms' sustainable performance: Lean culture as a moderator, *Sustainability*, vol. 11, no. 4, art. no. 1112. DOI: 10.3390/su11041112.
12. Lopes B., Freitas F., Sousa I. (2015). Application of lean manufacturing tools in the food and beverage industries, *Journal of Technology Management & Innovation*, vol. 10, no. 3, pp. 120–130.
13. Yang M., Hong P., Modi B. (2011). Impact of lean manufacturing and environmental management on business performance: An empirical study of manufacturing firms, *International Journal of Production Economics*, vol. 129, no. 2, pp. 251–261. DOI: 10.1016/j.ijpe.2010.10.017.
14. Kalyar M., Shafique I., Abid A. (2019). Role of lean manufacturing and environmental management practices in eliciting environmental and financial performance: the contingent effect of institutional pressures, *Environmental Science and Pollution Research*, vol. 26, pp. 24967–24978. DOI: 10.1007/s11356-019-05729-3.
15. Jambor J. (2014). Lean manufacturing in operations management in improving the efficiency of manufacturing processes, *Advanced Materials Research*, vol. 945, pp. 3117–3125. DOI: 10.4028/www.scientific.net/AMR.945-949.3117.
16. Bhamu J., Singh Sangwan K. (2014). Lean manufacturing: literature review and research issues, *International Journal of Operations & Production Management*, vol. 34, no. 7, pp. 876–940. DOI: 10.1108/IJOPM-08-2012-0315.
17. Emiliani B. (2015). Lean university: A guide to renewal and prosperity. Wethersfield: The center for lean business management. 170 p.
18. Emiliani B. (2015). Lean teaching: A guide to becoming a better teacher. Wethersfield: The center for lean business management. 146 p.
19. Balzer W. (2010). Lean higher education. Increasing the value and performance of university processes. Boca Raton: CRC Press. 312 p.
20. Balzer W., Francis D., Krehbiel T., Shea N. (2016). A review and perspective on Lean in higher education, *Quality Assurance in Education*, vol. 24, no. 4, pp. 442–462. DOI: 10.1108/QAE-03-2015-0011.
21. Yorkstone S. (2016). Lean universities. The Routledge companion to lean management. Routledge: Taylor & Francis, pp. 60–93.
22. Yorkstone S. (2014). A lean course in higher

education, *Lean Management Journal*, vol. 10, no. 1, pp. 35–50.

23. Hess J., Benjamin B. (2015). Applying Lean Six Sigma within the university: opportunities for process improvement and cultural change, *International Journal of Lean Six Sigma*, vol. 6, no. 3, pp. 249–262. DOI: 10.1108/IJLSS-12-2014-0036.

24. Ribeiro D., Silva T., Güths H., Fossati P., Oliveira R., Ames D. (2019). University management: the lean production allied to the program quality of life at work, *Gestão & Produção*, vol. 26, no. 4, art. no. e2259. DOI: 10.1590/0104-530x2259-19.

25. Nicholson A., Pakgohar A. (2019). Lean thinking in a UK university law clinic: a reflective case study, *International Journal of Clinical Legal Education*, vol. 27, no. 1, pp. 171–203. DOI: 10.19164/ijcle.v27i1.816.

26. Гайворонская С.А. (2019). Практика внедрения бережливых технологий в систему управления вузом: проектный подход // Университетское управление: практика и анализ. Т. 23. № 4. С. 104–115. DOI: 10.15826/umpra.2019.04.032.

27. Ваганова О.В., Кумаргей А.С. (2019). Повышение качества образовательных услуг на основе внедрения технологий бережливого производства в НИУ «БелГУ» // Научный результат. Экономические исследования. Т. 5. № 1. С. 3–10. DOI: 10.18413/2409-1634-2019-5-1-0-1.

28. Лихошерстова Г.Н. (2019). Алгоритм формирования современной системы «бережливое производство в вузе» // Научный результат. Экономические исследования. Т. 5. № 1. С. 33–42. DOI: 10.18413/2409-1634-2019-5-1-0-4.

29. Острикова С.А., Андросова А.В., Дубовская А.С. (2019). Формирование корпоративной

культуры вуза на основе использования компетенций бережливого производства // Научный результат. Экономические исследования. Т. 5. № 1. С. 43–51. DOI: 10.18413/2409-1634-2019-5-1-0-5.

30. Акмаева Р.И., Лунев А.П., Минева О.К., Фадина А.Г., Томашевская Ю.Н. (2019). Практика применения философии бережливого производства в организациях высшего образования // Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия: Экономика. № 1. С. 96–112. DOI: 10.24143/2073-5537-2019-1-96-112.

31. Верменникова Л.В., Лупишко А.Н., Веселова Д.В. (2020). Lean-технологии как эффективный способ трансформации процессов внедрения цифровых технологий в образовательной организации // Вестник Удмуртского университета. Серия: Экономика и право. Т. 30. Вып. 1. С. 325–332. DOI: 10.35634/2412-9593-2020-30-3-325-332.

32. Зимакова Л.А., Горбатюк Д.Ю., Шетан Я.Г. (2017). Возможности применения принципов концепции бережливого производства в российских университетах. Экономика и предпринимательство. № 12. С. 845–849.

33. Черная И.П., Масюк Н.Н., Федоров В.И. (2018). Концептуально-методический подход к формированию стратегии бережливого университета // Современные проблемы управления и регулирования : Сборник научных статей. Пенза: Наука и просвещение. С. 4–13.

34. Давыдова Н.С. (2017). Бережливое производство и бережливое мышление. Ижевск : Удмуртский государственный университет. 138 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Челомбитко Анна Николаевна – кандидат экономических наук; Кемеровский государственный университет (650000, Россия, Кемерово, ул. Красная, 6); achelombitko@inbox.ru.

MANAGEMENT SYSTEM FOR IMPLEMENTATION OF LEAN TECHNOLOGIES IN RUSSIAN UNIVERSITIES

A.N. Chelombitko^{2a}

^aKemerovo State University

ABSTRACT:

Extensive implementation of lean technologies in Russian universities involves the construction of productive management systems that meet the specifics of educational activities and, at the same time, allow exploiting the potential of lean projects. One of the tasks required to solve this problem is the analysis of the existing control systems and identification of factors influencing the choice of certain approaches. Therefore, **the purpose of the article** is to reveal the main features, characteristics and peculiarities of lean production implementation management in Russian universities (based on materials from the members of the Association of Lean Universities).

The methodological basis of the study is a qualitative analysis (morphological and structural), predominantly of textual and graphical data on control systems; the Mann – Whitney test was also used to identify the differences between groups of universities.

Management systems for the implementation of lean production in universities are very diverse; the only unified feature is the use of a project-based approach, which is explained by the lean production methodology. In terms of the ratio of academic and non-academic employees among lean managers, universities are divided into three almost equal groups. The prevalence of administrative staff is typical of the initial stage of implementation of lean projects, while scientific and pedagogical employees dominate when a large number of projects are being developed. The project facilitator is usually vice rector (who is a representative of lean management team). At the same time, the facilitator's administrative status and the ability to actively engage in lean technologies are inversely related. Special elements of the management system include a coordinating council, a project office and a specialized structural unit responsible for lean technologies. Most universities have one, or sometimes two, of these elements, regardless of their size and resource potential. Thus, the structures of lean production management at the university are diverse and do not always demonstrate a clear correlation with its characteristics (size or area).

KEYWORDS: management system, project management, project office, lean production, university management, lean university.

FOR CITATION: Chelombitko A.N. (2021). Management system for implementation of lean technologies in Russian universities, *Management Issues*, no. 2, pp. 147–161.

REFERENCES

1. Murphy D., McGrath D. (2018). A success/failure paradox: reflection on a university-community engagement in Australia, *Journal of Higher Education Policy and Management*, vol. 40, no. 4, pp. 321–341. DOI: 10.1080/1360080X.2018.1482102.
2. Miller J. (2019). Where does the time go? An academic workload case study at an Australian university, *Journal of Higher Education Policy and Management*, vol. 41, no. 6, pp. 633–645. DOI: 10.1080/1360080X.2019.1635328.
3. Guzmán-Valenzuela C., Barnett R., Labraña J. (2020). Consensus and dissensus: changing perceptions of the public dimension of universities in a marketised environment, *Journal of Higher Education Policy and Management*, vol. 42, no. 1, pp. 49–66. DOI: 10.1080/1360080X.2019.1658850.
4. Kurbatova M.V. (2016). Higher education reform as an institutional project of the Russian bureaucracy: content and consequences, *World of Russia. Sociology. Ethnology*, vol. 25, no. 4, pp. 59–86.
5. Yakovleva N.G. (2017). Commercialization,

²RSCI AuthorID: 883397, ORCID: 0000-0001-6119-0299

bureaucratization, management of the education of post-Soviet Russia: a political economic opinion, *Problems of the theory and management practices*, no. 3, pp. 122–130.

6. Ono T. (2012). Production system of Toyota. Leaving mass production. Moscow: Institute for Comprehensive Strategic Studies, 192 p.

7. Singo S. (2006). Studying the production system of Toyota from the point of view of the organization of production. Moscow: Institute for Comprehensive Strategic Studies, 312 p.

8. Jones D., Vumek D. (2020). Lean. How to get rid of losses and achieve the prosperity of your company. Moscow: Alpina Publisher, 472 p.

9. Worley J., Doolen T. (2006). The role of communication and management support in a lean manufacturing implementation, *Management Decision*, vol. 44, no. 2, pp. 228–245. DOI: 10.1108/00251740610650210.

10. Rachel B., Dubouloz S., Chakor T. (2019). Lean manufacturing, human resource management and worker health: Are there smart bundles of practices along the adoption process? *Journal of Innovation Economics & Management*, vol. 30, no. 3, pp. 113–144. DOI: 10.3917/jie.pr1.0050.

11. Mohammad I., Suhaiza Z., Sunghyup H., Mohd A., Kwangyong K. (2019). Impact of lean manufacturing practices on firms' sustainable performance: Lean culture as a moderator, *Sustainability*, vol. 11, no. 4, art. no. 1112. DOI: 10.3390/su11041112.

12. Lopes B., Freitas F., Sousa I. (2015). Application of lean manufacturing tools in the food and beverage industries, *Journal of Technology Management & Innovation*, vol. 10, no. 3, pp. 120–130.

13. Yang M., Hong P., Modi B. (2011). Impact of lean manufacturing and environmental management on business performance: An empirical study of manufacturing firms, *International Journal of Production Economics*, vol. 129, no. 2, pp. 251–261. DOI: 10.1016/j.ijpe.2010.10.017.

14. Kalyar M., Shafique I., Abid A. (2019). Role of lean manufacturing and environmental management practices in eliciting environmental and financial performance: the contingent effect of institutional pressures, *Environmental Science and Pollution Research*, vol. 26, pp. 24967–24978. DOI: 10.1007/s11356-019-05729-3.

15. Jambor J. (2014). Lean manufacturing in operations management in improving the efficiency of manufacturing processes, *Advanced Materials Research*, vol. 945, pp. 3117–3125. DOI: 10.4028/www.scientific.net/AMR.945-949.3117.

16. Bhamu J., Singh Sangwan K. (2014). Lean manufacturing: literature review and research issues, *International Journal of Operations & Production Management*, vol. 34, no. 7, pp. 876–940. DOI: 10.1108/IJOPM-08-2012-0315.

17. Emiliani B. (2015). Lean university: A guide to renewal and prosperity. Wethersfield: The center for lean business management. 170 p.

18. Emiliani B. (2015). Lean teaching: A guide to becoming a better teacher. Wethersfield: The center for lean business management. 146 p.

19. Balzer W. (2010). Lean higher education. Increasing the value and performance of university processes. Boca Raton: CRC Press. 312 p.

20. Balzer W., Francis D., Krehbiel T., Shea N. (2016). A review and perspective on Lean in higher education, *Quality Assurance in Education*, vol. 24, no. 4, pp. 442–462. DOI: 10.1108/QAE-03-2015-0011.

21. Yorkstone S. (2016). Lean universities. The Routledge companion to lean management. Routledge: Taylor & Francis, pp. 60–93.

22. Yorkstone S. (2014). A lean course in higher education, *Lean Management Journal*, vol. 10, no. 1, pp. 35–50.

23. Hess J., Benjamin B. (2015). Applying Lean Six Sigma within the university: opportunities for process improvement and cultural change, *International Journal of Lean Six Sigma*, vol. 6, no. 3, pp. 249–262. DOI: 10.1108/IJLSS-12-2014-0036.

24. Ribeiro D., Silva T., Güths H., Fossati P., Oliveira R., Ames D. (2019). University management: the lean production allied to the program quality of life at work, *Gestão & Produção*, vol. 26, no. 4, art. no. e2259. DOI: 10.1590/0104-530x2259-19.

25. Nicholson A., Pakgohar A. (2019). Lean thinking in a UK university law clinic: a reflective case study, *International Journal of Clinical Legal Education*, vol. 27, no. 1, pp. 171–203. DOI: 10.19164/ijcle.v27i1.816.

26. Gayvoronskaya S.A. (2019). Practice of implementing leaning technologies in the university management system: project approach, *University Management: Practice and Analysis*, vol. 23, no. 4, pp. 104–115. DOI: 10.15826/UMPA.2019.04.032.

27. Vaganova O.V., Kumargey A.S. (2019). Improving the quality of educational services through the introduction of lean production techniques in “BelSU”, *Research result. Economic research*, vol. 5, no. 1, pp. 3–10. DOI: 10.18413/2409-1634-2019-5-1-0-1.

28. Likhosherstova G.N. (2019). The algorithm of formation of the modern system of “Lean manufac-

turing at the university”, *Research result. Economic research*, vol. 5, no. 1, pp. 33–42. DOI: 10.18413/2409-1634-2019-5-1-0-4.

29. Ostrikoва S.A., Androsova A.V., Dubovskaya A.S. (2019). Formation of university corporate culture on the basis of the use of competences of lean production, *Research result. Economic research*, vol. 5, no. 1, pp. 43–51. DOI: 10.18413/2409-1634-2019-5-1-0-5.

30. Akmaeva R.I., Lunev A.P., Mineva O.K., Fadina A.G., Tomashevskaya Yu.N. (2019). The practice of applying a leaning philosophy in higher education organizations, *Bulletin of Astrakhan State Technical University. Series: Economy*, no. 1, pp. 96–112. DOI: 10.24143/2073-5537-2019-1-96-112.

31. Vermennikova L.V., Lupishko A.N., Veselova D.V. (2020). Lean-technologies as an effective way of transforming the processes of intro-

ducing digital technologies in the educational organization, *Bulletin of the Udmurt University. Series: Economics and Law*, vol. 30, issue 1, pp. 325–332. DOI: 10.35634/2412-9593-2020-30-3-325-332.

32. Zimakova L.A., Gorbatyuk D.Yu., Shetan Ya.G. (2017). The possibility of applying the principles of the concept of crumbling production in Russian universities, *Economics and entrepreneurship*, no. 12, pp. 845–849.

33. Chernaya I.P., Masyuk N.N., Fedorov V.I. (2018). Conceptual-methodical approach to the formation of a crumbling university strategy, In: *Modern problems of management and regulation*. Penza: Nauka i Prosvetshenie, pp. 4–13.

34. Davydova N.S. (2017). *Lean production and lean thinking*. Izhevsk: Udmurt State University, 138 p.

AUTHORS' INFORMATION:

Anna N. Chelombitko – Ph.D. of Economic Sciences; Kemerovo State University (6, Krasnaya St., Kemerovo, 650000, Russia); achelombitko@inbox.ru.

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ И
ГОСУДАРСТВЕННАЯ СЛУЖБА**

PUBLIC MANAGEMENT AND PUBLIC ADMINISTRATION

АНОМИЯ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ: ФОРМЫ ПРОЯВЛЕНИЯ В ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВЕ

В.В. Усов^{1а}, О.В. Усова^{2а}

^аРоссийская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

АННОТАЦИЯ:

Цель. Проанализирована проблема аномии и форм ее проявления в современном российском обществе с точки зрения наличия данного явления в предпринимательстве.

Методы. Исследование выполнено в традициях системного подхода. В качестве теоретических предпосылок был проведен анализ классических работ (представителей западной социологической традиции), а также работ, раскрывающих особенности протекания аномии как социального процесса в традиции отечественных исследователей с опорой на эмпирический материал, отражающий формы протекания аномии в обществе.

Эмпирическая часть статьи содержит анализ документов, отражающих показатели проявления процессов аномии с позиций подчинения/отрицания бизнес-структурами норм налогового права в современной России (на основе проведенных плановых проверок). В ходе проведенного авторами анализа документов было определено, что в сфере малого и среднего предпринимательства наибольшее количество нарушений (как отражение процесса социальной аномии) за исследуемый период отнесено к статьям 199, 173.1, 173.2 УК РФ. Данные статьи УК РФ сопряжены с такими нарушениями законодательства, как уплата налогов и сборов, а также предъявление представителями малого и среднего предпринимательства подложных документов для регистрации в ЕГРН и оформление юридических лиц по подложным документам.

Теоретическая значимость исследования заключается в разработке содержательных характеристик понятия социальной аномии применительно к бизнес-процессам в России, впервые были исследованы процессы аномии на примере функционирования малого и среднего предпринимательства, рассмотрены формы проявления социальной аномии при соблюдении норм и правил налогового законодательства в современном российском обществе.

Практическая значимость определена возможностью использования полученных результатов исследования в планировании процесса управления и государственного сопровождения малого и среднего предпринимательства, а также профилактики нарушений в данной сфере в области налогового и уголовного законодательства.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: социальная аномия, рефлексивные формы аномии, малое и среднее предпринимательство, налоговые проверки.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Усов В.В., Усова О.В. (2021). Аномия в современном российском обществе: формы проявления в предпринимательстве // Вопросы управления. № 2. С. 163–173.

Введение

Аномия как социальный феномен в современной России имеет, несомненно, более сложные и малоизученные формы и проявления, чем их ранее описывали классики.

Мы опирались на положения о стратификации современного российского общества, вы-

сказанные в статье Е. А. Назаровой о том, что рост социального расслоения в современной России «накладывается» на крайне неблагоприятные показатели среднего уровня жизни россиян» [1, с. 361].

Мы согласны с Б. М. Сердюковым, что процессы аномии заделали все структуры современ-

¹AuthorID РИНЦ: 1066673

²AuthorID РИНЦ: 698418

ного российского общества: от управления до непосредственно граждан [2, с. 172].

Т. И. Заславская объясняет данное явление тем, что современное российское общество опирается в большей степени на «критерий собственности и доходов» [3, с. 7].

Ряд авторов считает, что отличительной характеристикой человека в современном российском обществе в первую очередь является установка на ситуацию «здесь и сейчас», а также на «выживаемость и адаптацию» [4, с. 2].

А. С. Никитина и Н. Г. Чевтаева рассматривают малое и среднее предпринимательство как одну из главных перспектив развития и источник создания среднего класса [5, с. 5]. А. С. Ваторопин утверждает, что развитие именно малого и среднего предпринимательства лежит в основе «стабилизации занятости населения в ситуации угрозы технологической безработицы» [6, с. 72], и, как следствие, по нашему мнению, одним из средств предупреждения развития социальной аномии и нейтрализации ее влияния на общество.

В связи с вышеизложенным, изучение форм процессов аномии в современном российском обществе позволяет на основании описания и понимания этой социальной патологии и на выявленных особенностях, наметить пути и методы управления этими процессами (в том числе, в сфере среднего и малого предпринимательства).

Целью данного исследования является анализ социальной аномии и выявление основных форм ее проявления в малом и среднем предпринимательстве в современном российском обществе.

В качестве основной исследовательской задачи стояло определение основных формы проявления процессов аномии в структуре малого и среднего предпринимательства на территории Свердловской области на материале документов, отражающих результаты проверок контрольно-надзорных органов.

Предмет исследования – нарушения налогового законодательства как форма проявления аномии в малом и среднем предпринимательстве.

Методологической основой нашего исследования явились работы, посвященные изуче-

нию аномии. Мы предпримем попытку рассмотрения изучаемого нами явления с позиций видо-родового соотношения базовых понятий исследования, выявления его показателей и гипотетических предположений для дальнейшего эмпирического исследования.

Практическая значимость определена возможностью использования полученных результатов исследования в планировании процесса управления и государственного сопровождения малого и среднего предпринимательства, а также профилактики нарушений в данной сфере в области налогового и уголовного законодательства.

Ограничение исследования: исследование выполнено по материалам, отраженным в отчетах, доступных в источниках на сайте Федеральной налоговой службы по Свердловской области³.

Результаты, отраженные в настоящем исследовании, выявляют основные тенденции притяжения и (или) отвержения малым и средним предпринимательством норм и правил налогового законодательства (на основании проведенных налоговых проверок) и возможность экстраполировать полученные результаты на иные субъекты РФ, имеющие характеристики промышленных центров.

Обзор литературы

В современной социологии большое значение придается понятию аномии, неразрывно связанному с развитием философской мысли.

Теоретические предпосылки исследования

Теоретическими предпосылками нашего исследования являются классические труды Э. Дюркгейма, впервые описавшего и внедрившего в научный оборот термин «аномия» [7]; теоретические постулаты социальной аномии Р. Мертона, осмыслившего данный феномен в более поздний исторический период [8; 9], а также работы Т. Парсонса [10], П. Сорокина [11] (в западной традиции), Т. И. Заславской [3], С. Г. Кара-Мурзы [12], Н. Н. Мещеряковой [13; 14], С. Н. Лещинской, М. Н. Плякич [15] (в традициях отечественных исследователей), представившими общество и социальную аномию как целостную динамичную систему.

³ Федеральная налоговая служба. URL: https://www.nalog.ru/rn66/related_activities/statistics_and_analytics/forms.

Понятие аномии в традиции западных исследований

Описание теоретических предпосылок исследуемой нами проблемы позволило провести анализ западных теорий аномии в терминах их сравнений.

Согласно проведенному анализу теоретических предпосылок (на основе рассмотрения классических работ), в исследовании мы придерживаемся определения явления аномии с позиции теории Т. Парсонса [10]. Мы считаем, что аномия зачастую приводит к отклоняющемуся (девиантному) поведению.

Эмпирические предпосылки и постановка проблемы исследования

Одной из форм проявления социальной аномии является наличие данного процесса в управлении. Рассмотрим эмпирические предпосылки для дальнейшего исследования этого явления в терминах системного анализа.

Аномия и процессы управления

Э. Дюркгейм отмечал, что для аномичного общества «характерно негативное отношение ее членов к нормам и моральным ценностям системы, в которой они существуют» [7, с. 141].

Р. Мертон полагал, что аномия выражается «в форме девиантного поведения индивидов». Кроме того, он отмечал, что важным элементом девиантного поведения является доступность членов общества законным средствам достижения ими целей для всех социальных слоев [9, с. 300].

Ни одна из форм адаптации индивида к аномии, считал Р. Мертон, не избирается индивидом сознательно, а носит спонтанный характер [9, с. 143].

Т. Парсонс объяснял аномию в терминах, «поведения индивида», которое «может не соответствовать ожиданиям окружающих, равно как и окружение не всегда совпадает с ожиданиями индивида». В результате взаимообусловленного процесса несоответствия ожиданиям со стороны индивида и общества возникает напряжение в психологическом состоянии личности (фрустрация) и, как след-

ствие, «напряженность в отношениях с другими людьми». При этом, возникают различные реакции индивида на фрустрирующие факторы. Типами этих реакций может стать приспособление или отчужденность, активность или пассивность субъекта. [10, с. 18].

Т. Парсонс отмечал, что аномия представляет собой сложно организованную систему. Данная система включает: (1) общекультурные ценности, (2) в свою очередь эти ценности осуществляют «стратегическую (общую) регуляцию поведения индивида». Кроме того, в данную систему входят определенные нормы. Нормы носят императивный характер (надо, должен, обязан) [10, с. 18].

П. Сорокин утверждал, что «целые социальные группы в таком состоянии перестают чувствовать свою причастность к обществу, происходит их отчуждение, новые социальные нормы и ценности отвергаются членами этих групп» [11; 12, с. 7].

Социальная аномия в отечественных исследованиях

В современной России «происходят изменения в системе управления государством, которые же создают условия для формирования социальной аномии» [3, с. 3].

Ряд авторов утверждает, что «отклонения (в первую очередь – аномия), проникающие в системы социального управления, наиболее опасны для всего общества» [3].

Большинство авторов, исследующих социальную аномию, сходятся во мнении, что аномия может считаться «нормальным» социальным явлением», однако имеются ограничения, что аномия может быть «нормальной» лишь до определенного предела, а «чрезмерная социальная аномия представляет собой глобальную угрозу» [1, с. 361; 17, с.45].

Аномия как явление может существовать как в форме «социальной мимикрии», так и в форме «насильственной преступности»⁴.

В. Э. Бойков писал о том, что зачастую большинство опрошенных респондентов (в проведенном им исследовании) «не видят ничего зазорного в уклонении от уплаты налогов, более

⁴Сергиенко С. В. (2010). Культурные девиации в контексте теории аномии: социологический анализ // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturnye-deviatsii-v-kontekste-teorii-anomii-sotsiologicheskii-analiz> (дата обращения: 06.04.2020).

того, 36,7 % убеждены, что такого рода обман государства морально оправдан» [13, с. 16]. Также в категорию аномии (в соответствии с представлениями большинства опрошенных им респондентов) не входят такие проявления в поведении, как ловкачество, продажность, беспринципность.

С. Г. Кара-Мурза обосновывает тезис, что социальная аномия влечет за собой рост негативных явлений как на уровне функционирования социальных институтов и органов управления, так и на уровне поведения индивидов в обществе [12, с.5].

Аномия и предпринимательство в современном российском обществе: эмпирические предпосылки исследования

Рассматривая аномию, Н. Н. Мещерякова [13; 14] и С. Н. Лещинская [15, с. 33] выявили следующие особенности ее проявления в системе бизнес-процессов в России: 1) в сфере оплаты труда; 2) в определении права собственности; 3) в системе учета и уплаты налогов; 4) в системе аттестации и подборе персонала.

М. А. Фельдман приводит результаты «Опроса предпринимателей Свердловской области в 2017 г.», которые показывают, что 93 % респондентов-бизнесменов указали на ухудшение условий ведения ими бизнеса⁵.

Мы также разделяем мнение М. А. Фельдмана, что «негативные явления в сфере МСП Среднего Урала типичны и для других регионов РФ» [16, с. 14].

В ходе проведения анализа литературных источников нами были выявлены противоречия, которые стимулируют наше исследование и определяют постановку научной проблемы:

Во-первых, процессы аномии в России затрагивают как социальное общество, так и отдельных ее представителей.

Во-вторых, субъекты малого и среднего предпринимательства в Свердловской области проявляют недовольство по поводу ухудшений условий ведения бизнеса на территории (несмотря на декларируемые со стороны

органов государственной власти меры по их поддержке).

В-третьих, одной из предпосылок проявления аномии в малом и среднем предпринимательстве, по нашему мнению, является процесс осуществления контрольно-надзорной деятельности со стороны государственных органов и особенности ее осуществления. Следовательно, по характеру осуществления данной деятельности мы можем выявить как формы проявления аномии в данной сфере, так и ее специфику.

В-четвертых, в доступной нам литературе мы не обнаружили работ, содержащих эмпирическое свидетельствование о формах проявления социальной аномии и ее выраженности применительно к предпринимательству в современном российском обществе, что дополнительно стимулирует наше исследование.

Исследовательский вопрос нашей работы состоит в том, чтобы определить: какие формы проявления социальной аномии в малом и среднем предпринимательстве характерны для современного российского общества (на примере Свердловской области).

Гипотетические предположения

Для решения исследовательского вопроса была выдвинута группа предположений:

– для малого и среднего предпринимательства формы проявления аномии будут иметь специфическое проявление и носить «сложный» характер (гипотеза 1).

– основные формы аномии в малом и среднем предпринимательстве будут относиться к нарушениям в области налогообложения (гипотеза 2).

Организация исследования

Для проверки выдвинутых нами гипотез был предпринят анализ документов, отраженных в доступных источниках и касающихся статистических данных о результатах проведения налоговых проверок в сфере малого и среднего бизнеса на территории Свердловской области за период 2016-2020 гг.³. Мы руководствовались положением, что к категории

⁵Институт экономики роста им. Столыпина. Сектор малого и среднего предпринимательства: Россия и Мир. URL: <https://docviewer.yandex.ru/view/134864344> (дата обращения: 11.01.2019).

⁶О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации : Федеральный закон от 24.07.2007 № 209-ФЗ (в ред. от 27.11.2017).

малого бизнеса отнесены предприятия, обладающие следующими характеристиками⁶:

- 1) количеством работающих на предприятии человек (от 16 до 100);
- 2) доход, приобретенный за минувший календарный год от осуществления всех видов деятельности;
- 3) доля участия в уставном капитале.

Показатели среднего бизнеса определялись критериями с учетом определенных обстоятельств, наступление которых приводит к потере организацией статуса малого предприятия.

В результате учета выбранных критериев нами были определены следующие показатели для проведения анализа.

1. Характер выявленных нарушений в ходе проверки малого и среднего бизнеса (в соответствии со статьями УК РФ и КоАП РФ).

2. Количество выявленных нарушений (за исследуемый год) и количество возбужденных по данным нарушениям уголовных дел (за отчетный период).

3. Количество проведенных проверок малого и среднего предпринимательства за год (в период с 2016-2020 гг.)

Результаты исследования

1. Результаты анализа количества и характера нарушений (как проявление аномии) в малом и среднем бизнесе (по материалам Свердловской области за период 2016 – I квартал 2020 года) (табл. 1).

Согласно данным, отраженным в таблице, определено:

1. Наибольшее количество уголовных дел, возбужденных следственными органами по результатам проверок, относится к 2016 г. и к I кв. 2020 года, чем в другие временные периоды исследуемого периода.

2. В период 2018–2019 гг. (чем в другие анализируемые нами года) в следственные органы направлено для дальнейшей проверки наибольшее количество материалов, отражающих выявленные в ходе проверок нарушения. На-

ми были выявлены следующие причины, которые определили различия между отправленными материалами по результатам проверки и рассмотренными следственными органами делами по факту нарушений: 1) отказ в возбуждении уголовных дел за отсутствием признаков преступления; 2) прекращение дел в связи с отсутствием события преступления; 3) отсутствие в материалах проверки доказательств умысла руководителя организации или предприятия; 4) в связи с истечением сроков давности уголовного преследования.

3. Наибольшее количество выявленных нарушений в малом и среднем предпринимательстве по результатам проведенных проверок относится к статье 173.2 УК РФ (соответственно 499 и 410) и определяется периодом 2018–2019 гг., чем в другие исследуемые нами года⁷.

4. По статье 173.1 УК РФ наибольшее количество нарушений относится к периоду 2018 г., чем в другие исследуемые года⁸.

5. Также высокие значения по показателю возбужденных уголовных дел и направленных на проверку материалов в исследуемый период выявлено по статье 199 УК РФ⁹. При этом данное нарушение имеет стабильно высокий уровень и характер для всего исследованного нами периода с 2016 по 2019 гг.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что основными формами проявления аномии в малом и среднем предпринимательстве на территории Свердловской области в исследуемом нами аспекте нарушений, связанных с УК РФ за период 2016 – I кв. 2020 гг. по частотным характеристикам являются: 1) нарушения в налоговой сфере; 2) нарушения, связанные с приобретением подложных документов, удостоверяющих личность для внесения в единый государственный реестр юридических лиц; 3) нарушения, связанные с образованием (созданием, реорганизацией) юридического лица через подставных лиц.

⁷Нарушение связано с «предоставлением или приобретением документа, удостоверяющего личность, или выдчей доверенности, если действия совершены для внесения в единый государственный реестр юридических лиц сведений о подставном лице».

⁸Образование (создание, реорганизация) юридического лица через подставных лиц, а также представление в орган, осуществляющий государственную регистрацию юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, данных, повлекшее внесение в единый государственный реестр юридических лиц сведений о подставных лицах.

⁹Уклонение от уплаты налогов, сборов, подлежащих уплате организацией, и (или) страховых взносов, подлежащих уплате организацией - плательщиком страховых взносов.

Таблица 1 – Сравнительная характеристика результатов проверок предприятий малого и среднего предпринимательства на предмет нарушений норм налогового и уголовного законодательства (на примере Свердловской области)

Table 1 – Comparative characteristics of the results of inspections of small and medium-sized enterprises for violations of tax and criminal legislation (on the example of the Sverdlovsk region)

Показатели	Исследуемый период (год)				
	2016	2017	2018	2019	2020
Всего направлено материалов в следственные органы	88	127	569	591	117
Всего рассмотрено следственными органами дел по нарушениям	206	109	109	55	131
В том числе по результатам проведенных выездных налоговых проверок	191	96	75	27	124
<i>Статья 170.1 УК РФ</i>					
выявлено	6	5	16	0	2
обвинительные приговоры по данной статье	3	1	2	0	1
прекращено	0	22	0	0	0
<i>Статья 173.1 УК РФ</i>					
выявлено	11	15	538	14	114
обвинительные приговоры по данной статье	1	0	27	14	1
прекращено ¹⁰	0	0	1	0	0
<i>Статья 173.2 УК РФ</i>					
выявлено	10	87	499	410	114
обвинительные приговоры	1	27	43	145	37
прекращено	0	0	2	0	0
<i>Статья 327</i>					
выявлено	—	3	13	0	1
обвинительные приговоры	—	0	4	0	5
<i>Статья 198</i>					
направлено материалов на рассмотрение	30	29	16	4	—
возбуждено уголовных дел по данной статье	13	12	13	8	—
прекращено	8	4	8	1	—
<i>Статья 199</i>					
направление материалов на рассмотрение	116	93	69	49	—
возбуждено уголовных дел по данной статье	43	34	26	26	—
прекращено в связи с истечением срока давности уголовного преследования по статье	9	8	17	0	—
<i>Статья 199.2</i>					
направлено материалов на рассмотрение	1	2	0	0	—
возбуждено уголовных дел по данной статье	0	1	0	0	0
прекращено	1	3	0	0	—

Обсуждение результатов

Полученные нами результаты можно интерпретировать по нескольким линиям.

1. По линии выявления нарушений в сфере малого и среднего предпринимательства на территории Свердловской области в период 2016 – I квартал 2020 года. Мы выявили тенденцию к резкому увеличению показателя количества выявленных нарушений в сфере малого и среднего предпринимательства в период, относящийся к 2018–2019 гг. (эмпирическое свидетельство в пользу выдвинутой гипотезы 1).

Полученные нами результаты совпадают с положениями о социальной аномии, выска-

занными Н. Н. Мещеряковой, как о «неравномерности развития российского общества, что приводит к тому, что параллельно наличествуют факторы, провоцирующие структурную аномию» [14].

К таким факторам можно отнести и выявленную нами неравномерность проведения проверок в малом и среднем предпринимательстве на территории Свердловской области в исследуемый период. Фактически мы определили, что высокий уровень нарушений по налоговым сборам был определен в 2016 г., чем в других годах исследуемого периода. Далее, согласно проведенному нами исследова-

¹⁰В связи с истечением срока давности уголовного преследования по статье.

нию, в период 2017–2019 гг. выявленные нарушения в области налогового законодательства имеют устойчивую тенденцию к снижению их количества (эмпирическое свидетельство в пользу гипотезы 2).

Н. Н. Мещерякова определяет данное проявление аномии как одну из форм приспособления или протеста против существующего социального порядка через «неправовые социальные практики» [13, с. 105].

Нарушения, выявленные в малом и среднем предпринимательстве в процессе проведения проверок по статьям 173.1. и 173.2. УК РФ, отражают не столько социальную, сколько «рефлексивную аномию». Данный вид аномии накладывается на существующую в обществе социальную аномию. Она, согласно Н. Н. Мещеряковой, является следствием «процессов самоорганизации, происходящих на микроуровне». Таким образом, мы можем говорить, что в малом и среднем предпринимательстве наблюдаются признаки наличия сложной аномии, которые присущи комплексному явлению ускоряющегося и усложняющегося общества [14]. Кроме того, мы можем говорить о признаках аномии посттрансформационного общества [20, с. 95].

2. По линии основной формы проявления аномии, имеющей устойчивую характеристику в сфере нарушений налогообложения и сборов (на протяжении всего исследуемого нами периода).

В. А. Тимошенко и А. О. Титова утверждают, что, несмотря на предпринятые государством меры в сфере малого и среднего предпринимательства, «проблемой остается высокий размер обложения страховыми взносами в ПФР, ФСС, ФФОМС России» [24, с. 62].

Можно констатировать факт, что сложившиеся обстоятельства с осуществлением налоговой политики в отношении малого и среднего предпринимательства провоцируют его представителей к действиям, «мотивирующим нарушения» и имеют устойчивый характер. О необходимости совершенствования политики в области налогообложения и неналоговых платежей и повышения качества государственного регулирования в сфере малого и среднего предпринимательства указывают также авторы, занимающиеся исследовани-

ем данной проблемы с позиции нахождения решений в экономике [22, с. 7; 23, с. 8].

3. По линии форм проявления аномии в области малого и среднего предпринимательства выявленные нами характеристики нарушений законодательства свидетельствовали, что в малом и среднем предпринимательстве особая роль принадлежит нарушениям, относящимся к рефлексивной аномии (в форме подделки документов при регистрации организации, а также регистрация организаций на подставные лица), что является дополнительным эмпирическим свидетельством в пользу гипотезы 1.

Данный вид «безнормности» в большей степени имеет криминогенный характер. «Возникновению аномии в данном случае способствует ощущение, что богатые и успешные люди достигли своего преуспевающего положения нечестными, незаконными средствами. Такое ощущение толкает индивида к мысли о том, что и ему можно совершить противозаконный поступок» [25, с. 105].

И. В. Катерный отмечал, что Э. Дюркгейм выделял аномию, связанную, в первую очередь, с ростом экономического благополучия общества, и определил ее как «хроническую», «нормальную». Иной формой является «острая» аномия, «которая возникает в ситуации неожиданной утраты нормативных оснований действия» (от развода до банкротства) [21, с. 227]. Как утверждает автор, в терминах определения «нормальной аномии» данная форма проявления ведёт к «переопределению режимов морального оправдания действия и закреплению новых пределов возможного» [21, с. 228].

Выводы, заключение

Таким образом, проявления аномии в современном российском обществе в сфере малого и среднего предпринимательства носят комплексный, сложный характер и имеют следующие формы проявления:

– *структурные формы аномии в малом и среднем предпринимательстве:*

1) неравномерность контролируемых мероприятий со стороны государственных органов в области малого и среднего предпринимательства (резкое увеличение количества

проведенных проверок и обнаруженных нарушений в период 2018–2019 гг.);

2) проявление аномии в малом и среднем предпринимательстве имеет сложную форму, а именно: синергетический эффект социального (структурного) и рефлексивного видов;

– *рефлексивные формы проявления аномии в малом и среднем предпринимательстве:*

1) нарушения в сфере налогообложения (на протяжении 2016–2020 гг.) на территории Свердловской области со стороны представителей малого и среднего предпринимательства имеют характеристики в большей степени «нормальной аномии»;

2) предъявление представителями малого и среднего предпринимательства подложных

документов для регистрации в ЕГРН (Единый государственный реестр налогоплательщиков) обладает признаками «острой» формы аномии.

3) предъявление представителями малого и среднего предпринимательства подложных документов для создания юридического лица также в большей степени относится к категории аномии с выраженностью «острой» формы.

Выявленные нами тенденции протекания процесса аномии в малом и среднем предпринимательстве требуют дополнительного эмпирического исследования на уровне субъектов бизнеса и являются перспективой нашего дальнейшего исследования.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Назарова Е.А. (2017). Турбулентность норм современного общества: концепция «нормальной аномии». Рецензия на книгу: «Нормальная аномия» в России и современном мире / Н. Н. Зарубина и др. ; под общ. ред. С. А. Кравченко. М. : МГИМО-Университет. 281 с. // Вестник РУДН. Серия: Социология. № 2. С. 361–367.

2. Сердюков Б.В. (2018). Гражданская солидарность в сфере общественной безопасности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. № 11 (2). С. 172–189.

3. Заславская Т.И. (1995). Социальная структура современного российского общества // Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения. № 6. С. 7–13.

4. Малинина К.О. (2015). Социальная аномия в современном российском обществе: причины, проявления, показатели : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора социологических наук. Москва. 24 с.

5. Никитина А.С., Чевтаева Н.Г. (2019). Государственная и муниципальная политика в сфере развития малого и среднего предпринимательства // Уральский государственный педагогический университет. Екатеринбург. 182 с.

6. Ваторопин А.С., Чевтаева Н.Г., Ваторопин С.А. (2017). Автоматизация и роботизация как факторы роста технологической безработицы в современном обществе // Вопросы управления. № 4 (47). С. 70–78. URL: <https://journal-management.com/issue/2017/04/09>.

7. Дюркгейм Э. (1994). Самоубийство: социологический этюд : пер. с фр. с сокр. / под ред. В. А. Базарова. М. : Мысль. 399 с.

8. Мертон Р.К. (1994). Явные и латентные функции // Американская социологическая мысль. М. С. 379–448.

9. Мертон Р. (1966). Социальная структура и аномия / Социология преступности (Современные буржуазные теории) / перев. с франц. Е. А. Самарской : ред. перевода М. Н. Грецкий. М. : Издательство «Прогресс». С. 299–313.

10. Парсонс Т.П. (1998). Система современных обществ / Пер. с англ. Л. А. Седова и А. Д. Ковалева. Под ред. М. С. Ковалевой. М. : Аспект-Пресс. 270 с.

11. Сорокин П.А. (1992). Социологические теории современности : Специализированная информация по общеакадемической программе «Человек, наука, общество: комплексное исследование» / П. А. Сорокин ; [Пер. и предисл. С. В. Карпушиной] ; АН СССР, ИНИОН, Всесоюзный межведомственный центр наук о человеке при президиуме АН СССР. М. : ИНИОН. 193 с.

12. Кара-Мурза С.Г. (2013). Аномия в России: причины и проявления / С. Г. Кара-Мурза. М. : Научный эксперт. 56 с.

13. Мещерякова Н.Н. (2012). Проявления аномии в российском обществе // Мир науки, культуры, образования. № 3. С. 281–283.

14. Мещерякова Н.Н. (2014). Теоретико-методологические подходы к изучению социальной аномии в российском обществе // Вестник

Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. № 3 (27). С. 104–114.

15. Лещинская С.Н., Плякич М.Н. (2015). Девиации в системе социального управления в России // Теория и практика общественного развития. № 20. С. 32–34.

16. Фельдман М.А. (2019). Ежегодный доклад о результатах деятельности Уполномоченного по правам предпринимателей Свердловской области как зеркало состояния малого и среднего предпринимательства в регионе // Вопросы управления. № 1 (37). С. 13–19. URL: <https://journal-management.com/issue/2019/01/02>.

17. Василенко Л.А. (2018). «Нормальная аномия»: трансформация институтов в условиях сложного социума // Научный результат. Социология и управление. Т. 4. № 3. С. 45–56.

18. Riesman D., Reuel D., Glazer N. (1950). *The lonely crowd*. New Haven: Yale University Press, 386 p.

19. Barkan S. *Criminology*. (1997). A Sociological Understanding. Prentice Hall. Upper Saddle River. 123 p.

20. Яжборовская И.С. (2019). Аномия пост-трансформационного общества в условиях кри-

зисов начала XXI века: симптомы и системные сдвиги // История и современность. № 2 (32). С. 90–106.

21. Катерный И.В. (2018). Слишком много норм или слишком мало норм? Нормальная аномия как новое определение современности // Вестник МГИМО-Университета. № 3 (60). С. 225–231.

22. Шадченко Н.Ю. (2019). Приоритетные направления развития малого и среднего бизнеса в России // Базис. № 1 (5). С. 5–8.

23. Шадченко Н.Ю. (2018). К вопросу о проблемах развития малого и среднего бизнеса в России на современном этапе // Базис: научно-практический журнал. № 1 (3). С. 5–8.

24. Тимошенко В.А., Титова А.О. (2016). О совершенствовании налогообложения субъектов малого и среднего бизнеса // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. № 1. С. 55–62.

25. Плетнев А.В. (2014). Эвристический потенциал теории аномии в современной криминологии // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал) = Modern Research of Social Problems, № 9 (41). С. 95–110.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Усов Виктор Витальевич – Уральский институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (620144, Россия, Екатеринбург, ул. 8 Марта, 66); viktor1u@mail.ru.

Усова Ольга Валерьевна – кандидат психологических наук, доцент; Уральский институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (620144, Россия, Екатеринбург, ул. 8 Марта, 66); Ola_U@mail.ru.

ANOMIE IN MODERN RUSSIAN SOCIETY: FORMS OF MANIFESTATION IN ENTREPRENEURSHIP

V.V. Usov^{11a}, O.V. Usova^{12a}

^aRussian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

ABSTRACT:

Goal. The problem of anomie and the forms of its manifestation in modern Russian society are analyzed from the point of view of the presence of this phenomenon in entrepreneurship.

Methods. The study was carried out in the tradition of a systemic approach. The theoretical foundation for the research relies on the analysis of classical works of the Western sociology, as well as the studies of

¹¹RSCI AuthorID: 1066673

¹²RSCI AuthorID: 698418

domestic researchers that reveal the features of anomie as a social process, based on empirical material that reflects the forms of anomie in society.

The empirical part of the article contains an analysis of documents showing the indicators of manifestation of anomie processes from the standpoint of subordination/denial of the norms of the tax law in Russia by business entities (based on the results of scheduled inspections). During document analysis it has been found that in the sphere of small and medium-sized businesses, the largest number of violations (that is a reflection of the process of social anomie) for the period under study occur in the Articles № 199, 173.1, 173.2 of the Criminal Code of the Russian Federation. These articles of the Criminal Code are associated with such violations of the law as: payment of taxes and fees, submission of false documents by representatives of small and medium-sized businesses for registration in the Unified State Register of Taxpayers and registration of legal entities using forged documents.

The theoretical significance of the study lies in the development of essential characteristics of the concept of social anomie in business operations in Russia. The processes of anomie have not been investigated before on the example of the work of small and medium-sized businesses. Besides, the paper describes the forms of manifestation of social anomie in reference to the rules and regulations of tax legislation in modern Russian society.

The practical significance is determined by the possibility of using the obtained research results to plan the process of management and state support of small and medium-sized businesses, as well as to prevent violations of tax and criminal legislation.

KEYWORDS: social anomie, reflexive forms of anomie, small and medium-sized businesses, tax audit.

FOR CITATION: Usov V.V., Usova O.V. (2021). Anomie in modern Russian society: forms of manifestation in entrepreneurship, *Management Issues*, no. 2, pp. 163–173.

REFERENCES

1. Nazarova E.A. (2017). Turbulence of the norms of modern society: the concept of “normal anomie”. Book Review: “Normal Anomy” in Russia and the Modern World, *Bulletin of RUDN. Series: Sociology*, no. 2, pp. 361–367.
2. Serdyukov B.V. (2018). Civic solidarity in the field of public security, *Bulletin of St. Petersburg University. Sociology*, no. 11 (2), pp. 172–189.
3. Zaslavskaya T.I. (1995). Social structure of modern Russian society, *Economic and social change: monitoring of public opinion*, no. 6, pp. 7–13.
4. Malinina K.O. (2015). Social anomie in modern Russian society: causes, manifestations, indicators. Abstract of Advanced Doctor's degree dissertation. Moscow. 24 p.
5. Nikitina A.S., Chevtaeva N.G. (2019). State and municipal policy in the development of small and medium-sized businesses. Ekaterinburg, 182 p.
6. Vatoropin A.S., Chevtaeva N.G., Vatoropin S.A. (2017). Automation and robotization as the factors of the growth of technological unemployment in the modern society, *Management issues*, no. 4 (47), pp. 70–78. URL: <https://journal-management.com/issue/2017/04/09>.
7. Durkheim E. (1994). Suicide: Sociological etude. Moscow: Mysl, 399 p.
8. Merton R.K. (1994). Explicit and latent functions, *American sociological thought*, pp. 379–448.
9. Motton R. (1966). Social structure and anomy / Sociology of crime (modern bourgeois theories). Moscow: Publishing House “Progress”, pp. 299–313.
10. Parsons T.P. (1998). System of modern societies. Moscow: Aspekt-Press, 270 p.
11. Sorokin P.A. (1992). Sociological theories of modernity: Specialized information on the general binding program “Man, Science, Society: a comprehensive study”. Moscow: INION, 193 p.
12. Kara-Murza S.G. (2013). Anomy in Russia: causes and manifestations. Moscow: Scientific Expert, 56 p.
13. Mescheryakova N.N. (2012). Organizing anomy in Russian society, *World of Science, Culture, Education*, no. 3, pp. 281–283.
14. Mescheryakova N.N. (2014). Theoretically methodological approaches to the study of social anomy in Russian society, *Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political science*, no. 3 (27), pp. 104–114.
15. Leschinskaya S.N., Plyakich M.N. (2015). Deviations in the social management system in Russia, *Theory and Practice of Public Development*, no. 20, pp. 32–34.

16. Feldman M.A. (2019). Annual report on the results of the performance of the authorized on the rights of the businessmen of the sverdlovsk region as a mirror of the condition of small and medium entrepreneurship in the region, *Management issues*, no. 1 (37), pp. 13–19. URL: <https://journal-management.com/issue/2019/01/02>.

17. Vasilenko L.A. (2018). “Normal Anomy”: Transformation of institutions in the context of complex society, *Research result. Sociology and management*, vol. 4, no. 3, pp. 45–56.

18. Riesman D., Reuel D., Glazer N. (1950). *The lonely crowd*. New Haven: Yale University Press, 386 p.

19. Barkan S. *Criminology*. (1997). A Sociological Understanding. Prentice Hall. Upper Saddle River. 123 p.

20. Yazhborovskaya I.S. (2019). Anomy of post-transformation society in the context of crises of the beginning of the XXI century: symptoms and

systemic shifts, *History and modernity*, no. 2 (32), pp. 90–106.

21. Katernyy I.V. (2018). Too many rules or too little norms? Normal anomy as a new definition of modernity, *Bulletin of the MGIMO University*, no. 3 (60), pp. 225–231.

22. Shadchenko N.Yu. (2019). Priority directions in the development of small and medium-sized businesses in Russia, *Bazis*, no. 1 (5), pp. 5–8.

23. Shadchenko N.Yu. (2018). On the issue of the development of small and medium-sized businesses in Russia at the present stage, *Bazis: scientific and practical journal*, no. 1 (3), pp. 5–8.

24. Timoshenko V.A., Titova A.O. (2016). On improving the taxation of small and medium-sized businesses, *Izvestiya of the Saratov University. New series. Series: Economics. Management. Law*, no. 1, pp. 55–62.

25. Pletnev A.V. (2014). The heuristic potential of anomy theory in modern criminology, *Modern Research of Social Problems*, no. 9 (41), pp. 95–110.

AUTHORS' INFORMATION:

Viktor V. Usov – Ural Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (66, 8 Marta St., Ekaterinburg, 620144, Russia); viktor1u@mail.ru.

Ol'ga V. Usova – Ph.D. of Psychological Sciences, Associate Professor; Ural Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (66, 8 Marta St., Ekaterinburg, 620144, Russia); Ola_U@mail.ru.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Статьи принимаются постоянно в течение года и включаются в план печати по порядку поступления материалов. Автор представляет статью в электронном варианте на электронную почту редакции management-ui@ganepa.ru. Другие варианты предоставления статей не предусматриваются.

Требования к структуре статьи

- постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными или практическими заданиями;
- анализ последних исследований и публикаций, где заложены основы решения данной проблемы, на которые опирается автор;
- выделение нерешенных ранее частей общей проблемы, которым посвящается данная статья;
- формулировка целей статьи (постановка задания);
- изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов;
- выводы из данного исследования и перспективы дальнейшего развития в этом направлении.

Требования к оформлению статьи

Объем статьи должен составлять не менее 0,75 п.л. (30 тыс. знаков) и не более 1 п.л. (40 тыс. знаков). Тексты рукописей с заимствованием более 15 % и (или) уровнем оригинальности текста менее 70 % не могут быть опубликованы в журнале.

Иллюстративные материалы (рисунки, чертежи, графики, диаграммы, схемы) выполняются с помощью графических электронных редакторов. Все рисунки должны иметь последовательную нумерацию. Объем представляемых иллюстративных материалов не должен превышать формата А4. Страница должна иметь книжную ориентацию.

Цифровые данные оформляются в таблицу. Таблицы не должны быть громоздкими (не более формата А4, книжная ориентация). Каждая таблица должна иметь порядковый номер и название (на русском и английском языке). Нумерация таблиц – сквозная. Сокращения слов в таблицах не допускаются за исключением единиц измерения.

Ссылки оформляются в квадратных скобках по тексту статьи, с указанием номера источника по списку и страниц, на которые ссылается автор (например: [9, с. 36], [18, с. 4]). Список источников должен содержать не менее 25 единиц, из которых не менее 10 должны быть датированы не менее чем 3 годами ранее момента публикации и из которых не менее 3 источников должны индексироваться международными базами цитирования (Web of Science или Scopus). Допускается не более 10 % самоцитирования.

Библиографический список формируется в конце статьи по мере упоминания источников в тексте (не по алфавиту и не по иерархии источников). Библиографический список может включать в себя следующие типы источников: монография, статья в рецензируемом научном журнале, диссертация или автореферат к ней, статья в сборнике материалов (трудов) научно-практической конференции. Иные источники должны оформляться в виде постраничных сносок либо, по мере возможности и удобочитаемости, упоминаться непосредственно в тексте.

Помимо текста статьи автором представляются **на русском и английском языках:**

а) аннотация с обязательным указанием названия статьи

Рекомендуемый порядок изложения информации:

1) постановка проблемы – формулировка научной проблемы, в настоящий момент не полностью решенной в теоретическом или практическом аспекте, по которой имеются несоответствия между теоретическими предпосылками и реальностью и пр.;

2) конкретная научная задача, позволяющая решить научную проблему;

3) методологическая база – изложение концептуально-теоретических основ исследования;

4) используемые материалы (информационная база), методы исследования; данная часть должна содержать подробное описание используемого инструментария, с помощью которого решается научная проблема, а также эмпирические результаты апробации предложенной методики;

5) основные результаты исследования (решение научной проблемы), область их применения; данная часть представляет собой развернутое описание личного вклада автора в исследуемую проблему;

6) выводы, позволяющие дать ответ на поставленную проблему и обозначить дальнейшие направления исследования.

Объем аннотации должен составлять от 200 до 300 слов. Текст аннотации не должен повторять название и текст статьи. Авторская аннотация призвана выполнять функцию независимого от статьи источника информации.

б) ключевые слова и словосочетания

Ключевые слова выражают основное смысловое содержание статьи, служат ориентиром для читателя и используются для поиска статей в электронных базах, поэтому должны отражать область науки, в рамках которой написана статья, тему, цель и объект исследования.

В качестве ключевых слов могут использоваться как одиночные слова, так и словосочетания в единственном числе и именительном падеже.

Рекомендуемое количество ключевых слов – 6-9, количество слов внутри ключевой фразы – не более трех.

в) пристатейный библиографический список.

г) сведения об авторах в следующей последовательности:

- ФИО (полностью),
- идентификационные номера: AuthorID (РИНЦ), ORCID, ScopusID, ResearcherID (Web of Science) (при наличии),
- место работы (учебы) и занимаемая должность,
- ученая степень, ученое звание,
- почтовый адрес (адрес указывается в последовательности: почтовый индекс, страна, город, улица, дом),
- адрес электронной почты.

д) тематические рубрики: ГРНТИ (<http://grnti.ru/>) и код ВАК (возможно указание 1-2 кодов)

Ответственность за достоверность указанных сведений несет автор статьи.

***Не принимаются статьи, направленные в редакцию
без выполнения требований настоящих условий публикации.***

Журнал выходит 6 раз в год

Учредитель и издатель:

федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации»

Адрес редакции:

620144, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, 66
Адрес эл. почты: management-ui@ranepa.ru
<http://journal-management.com/>

При перепечатывании ссылки на «Вопросы управления» обязательна.

Компьютерная вёрстка *Д.И. Трушков*

Журнал зарегистрирован как средство массовой информации
в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций.

(Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-49260 от 02.04.2012)

Дата выхода в свет 30.04.2021. Формат 60 × 84 1/8.

Гарнитура Minion. Усл. печ. л. 20,46. Уч.-изд. л. 16,02. Тираж 999.

Цена свободная.

Отпечатано в РИО Уральского института управления – филиала РАНХиГС.

Адрес: 620144, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, 66. Заказ № 275.